А. Е. Китиков

Марийские народные загадки

4018

Йошкар-Ола · 1973

МАРИЙ АССР МИНИСТР-ВЛАК СОВЕТ ПЕЛЕН
ЙЫЛМЫМ, ЛИТЕРАТУРЫМ, ИСТОРИЙЫМ ДА
ЭКОНОМИКЫМ НАУЧНО ШЫМЛЫШЕ
МАРИЙ ИНСТИТУТ

А. Е. КИТИКОВ

МАРИЙ КАЛЫК ТУШТО-ВЛАК

КНИГАМ ЛУКШО МАРИЙ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Йошкар-Ола 1973

(2)
К45

МАРИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ
И ЭКОНОМИКИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ
МАРИЙСКОЙ АССР

А. Е. КИТИКОВ

МАРИЙСКИЕ НАРОДНЫЕ ЗАГАДКИ

*

40118

МАРНИИ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

МАРИЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Йошкар-Ола 1973

8С (мар.)
К 45

Печатается по постановлению Ученого совета Марийского научно-исследовательского института.

В этой монографии кандидата филологических наук А. Е. Китикова раскрывается своеобразие и специфика жанра загадки, показывается общественная функция загадок в различные исторические периоды и их происхождение. Автор дает анализ их тематического содержания и художественных особенностей, прослеживает связь с другими жанрами марийского фольклора и определяет, как образы и художественные средства народных загадок творчески используются марийскими прозаиками и поэтами в своих произведениях.

Исследование предназначается для фольклористов, этнографов и студентов вузов.

Научный редактор — заслуженный деятель науки Карельской АССР, доктор филологических наук, профессор *В. Я. Евсеев.*

© Марийское книжное издательство, 1973

К $\frac{0062-075}{М\ 129-73}$ 97—73

ВВЕДЕНИЕ

Основываясь на многовековом опыте народа и отвечая требованиям жизни, устное творение народа ярко и убедительно отражает мысли, чаяния, мораль и эстетические вкусы трудящихся масс.

В. И. Ленин, просматривая один из сборников русского народного творчества, заметил, что «это подлинно народное творчество» и к нему необходимо подходить «под социально-политическим углом зрения»[1], что «это многовековое творчество масс отображает их миросозерцание в разные эпохи»[2].

«Народ — не только сила, создающая все материальные ценности, он единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, — утверждал М. Горький. — Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества»[3].

Сказанное В. И. Лениным и М. Горьким безусловно относится и к одному из малых жанров народного афористического творчества — к загадкам, возникновение и развитие которых непосредственно связано с историей развития материальной и духовной культуры общества.

Советская фольклористика, применяя марксистско-ленинский диалектический метод в изучении устного поэтического творчества народов СССР, добилась значительных успехов. Фольклористы исследуют вопросы истории фольклора, раскрывают его общественную

---

1 *Бонч-Бруевич В. Д.* В. И. Ленин об устном народном творчестве. — «Советская этнография», 1954, № 4, с. 118.

2 Там же, с. 120.

3 *Горький М.* О литературе. М., 1953, с. 48.

(отражение в нем народного мировоззрения и мышления) и художественную ценность (жанровую специфику, систему выразительных и изобразительных средств языка) [1].

«Изучение фольклора финно-угорских народов позволит лучше понять их национальные особенности, определить роль, значение и место устной поэзии в создании новой культуры, в развитии литературы и искусства, будет способствовать воспитанию любви к народу и родине, помогать культурно-просветительным учреждениям и школе в их практической работе»[2], — подчеркивалось на I конференции финно-угорских фольклористов, состоявшейся в 1969 году в Саранске.

Загадки финно-угорских народов, как один из древнейших и наиболее распространенных жанров устного народного творчества, являются художественным средством отображения объективной действительности.

«Взаимосвязи загадок финно-угорских и других народов, — как указывает исследователь финно-угорского фольклора В. Я. Евсеев, — становятся особенно наглядными при их фронтальном сравнительно-историческом изучении по отдельным тематическим группам, что позволяет выявить, в частности, отражение смены основных форм хозяйственной деятельности людей опосредственно через отображение в загадках исторического развития мировоззрения разных народов (реминисценции тотемистических и космогонических представлений и т. д.)»[3]. Это создает возможность проследить картину материальной и духовной жизни народа в ее историческом развитии.

Прежде чем придти к каким-либо теоретическим обобщениям в плане сравнительно-исторического изучения загадок финно-угорских и других народов мно-

---

1 *Кравцов Н. И.* Изучение фольклорного произведения как художественного целого. — В кн:. Фольклор как искусство слова. М., 1966, с. 8.

2 *Маскаев А. И.* Итоги и задачи работы советских фольклористов финно-угроведов. — В кн.: Проблемы изучения финно-угорского фольклора. Саранск, 1972, с. 5.

3 *Евсеев В. Я.* Сравнительно-историческое изучение загадок финно-угорских народов. — В кн.: Тезисы докладов научной конференции, посвященной итогам работ Карельского института языка, литературы и истории АН СССР за 1963 год. Петрозаводск, 1964, с. 21—22.

гие поколения филологов накопили богатейшие разноязычные материалы по этому жанру. Например, публикации отдельных эстонских загадок, как отмечает профессор Э. Лаугасте[1], появились еще в XVIII веке. Рукопись эстонско-немецкого словаря С. Х. Вестринга содержит ценные материалы по лексике и фразеологии эстонского языка. В качестве примеров даются также загадки. Об эстонских загадках подробнее пишет Э. Лаугасте в своей монографии «Eesti rahvaluule[2]».

По свидетельству ученых первый наиболее полный сборник эстонских народных загадок вышел в 1890 году, который был составлен М. Эйзен и пользовался большой популярностью среди читателей[3].

С тех пор появлялись многочисленные издания сборников загадок разных финно-угорских народов (финских, карельских, мордовских, удмуртских, марийских и т. д.), составители которых создали прочную основу для исследования этого жанра устного народного творчества.

Началом же сравнительного изучения загадок финно-угорских народов следует считать, пожалуй, появление предисловия сборника финских загадок, составленного в XVIII веке К. Канандером[4], где отмечается связь народных загадок со сказками и подчеркивается их роль в финских и шведских сказках (приговоренный к смерти узник-пленник имеет последнюю возможность оправдать себя отгадыванием трех или девяти замысловатых загадок).

С позиции историко-географической школы финский

---

[1] *Laugaste E.* Rahvaluulelisi aineid S. H. Vestringi eestisaksa sonaraamatu käsikirjas, TRÜ nr. 38. Tallinn, 1955, s. 179.

[2] *Laugaste E.* Eesti rahvaluule. Tartu, 1946, s. 132—135.

[3] *Eisen M. J.* Eesti moistatused. Tartu, 1913. Подробнее об эстонских загадках см.— Mälk V. Moistatused.— Eesti rahvaluule ülévaade, toim. R. Viidalepp. Tallinn, 1952. s. 449—457; *Mälk V.* Eesti kirjameeste seltsi osa eesti folkloristika arengus. Tallinn, 1963; *E. Normann.* M. J. Eiseni moistatuste ja vanasonade trükivaljaanded.— In: Paar jammutest eesti kirjanduse ja rahvaluule uurimige teed. Uurimusi ja materiale II. Tartu. 1961, s. 422—434, 462—463.

[4] *Canander C.* Aenigmata Fennica-Suomalaised Arvotuxed vastausten kansa. Vaasa, 1783. Автор знакомился с предисловием по книге "Tutkijain perinto". Toimittaneet Jouko Hautala ja Matti Kuusi, Tietolipas 14, Helsinki, 1958, s. 40.

фольклорист А. Аарне[1] рассматривал финские загадки в сравнении с текстами более десятка народов Европы. Кстати, для сопоставления в работе исследователя приведена одна марийская загадка «Отец одевает лапти, а сын уже по пути в Казань» (огонь, дым)[2].

В дальнейшем изучение финских загадок продолжали в отдельных своих статьях М. Кууси и Л. Виртанен[3].

Советские фольклористы в послевоенный период обратили особое внимание на изучение и малых жанров народного творчества. Удмуртские загадки исследовала Н. П. Кралина[4], изучением и публикацией мордовских загадок занимаются К. Т. Самородов[5] и Л. С. Кавтаськин[6]. В монографии В. Я. Евсеева[7] отдельная глава посвящена карельским загадкам. Карельские народные загадки публиковались также в сборнике Г. Н. Макарова[8].

Из соседних тюркских народов в поле зрения автора были работы чувашских филологов Н. Романова[9] и М. Я. Сироткина[10], татарского Х. Ярми[11].

К настоящему времени накоплено немалое количество марийских народных загадок. Однако этот афористический жанр марийского фольклора до наших

---

[1] *Aarne A.* Arvoitusten tutkimisesta.— Тот же источник, с. 92—108. На немецком языке эти же положения развиты в исследовании *A. Aarne* "Vergleichende Rätselforschungen". FFC XXVI—XXVII. Helsinki, 1918.

[2] Там же, с. 103.

[3] *Kuusi M.* Arvotukset ja muinasusko. Virittäjä, 1956; *Virtanen L.* Arvoitus ja sen tehtävä. Jumin keko, 1960.

[4] *Кралина Н. П.* Загадки удмуртского народа. — «Учен. зап. Удмуртского НИИ». Ижевск, 1954, вып. XVI, с. 123—196.

[5] *Самородов К. Т.* Загадки мордовского народа—В кн.: Устно-поэтическое творчество мордовского народа, т. IV, кн. 2. Саранск, 1969, с. 5—16.

[6] *Кавтаськин Л. С.* Мордовские народные загадки. — «Учен. зап. Мордовского НИИ». Саранск, 1953, вып. XII, с. 52—62.

[7] *Евсеев В. Я.* Карельский фольклор в историческом освещении. Л., 1968, с. 49—56.

[8] *Макаров Г. Н.* Карельские пословицы, поговорки и загадки. Петрозаводск, 1959.

[9] *Романов Н. Р.* О чувашских народных загадках. — «Учен. зап. Чувашского НИИ». Чебоксары, 1962, с. 142—154.

[10] *Сироткин М. Я.* Чувашский фольклор. Чебоксары, 1965, с. 47—54.

[11] *Ярми Х.* Татар халыкынын поэтик ижаты. Казань, 1967, с. 168—183.

дней не был предметом конкретного научного исследования. Имеются лишь попутные высказывания в вводных статьях и предисловиях к некоторым фольклорным сборникам [1], вышедшим в разные годы, и несколько статей автора этих строк [2].

Данная работа по существу является первым опытом научного анализа марийских народных загадок. Поэтому автор ставит перед собой следующие задачи:

а) изложить историографию сбора и изучения марийских загадок;

б) проследить этимологию марийского термина *тушто* «загадка» и особенности бытования марийской народной загадки в различные исторические периоды;

в) дать анализ их тематического содержания и художественных особенностей;

г) проследить связь загадок с другими жанрами марийского устно-поэтического творчества и видоизменение функции иносказательной речи;

д) показать, как образы и художественные средства народных загадок творчески используются марийскими прозаиками и поэтами в своих произведениях.

В качестве иллюстративного материала к книге приложены выдержки из художественных произведений марийских прозаиков и поэтов, тексты других жанров народного творчества, использованные для выяснения связи загадок с пословицами, сказками и песнями.

* * *

Материал для исследования собран, главным образом, самим автором в полевых условиях в течение последних двадцати лет. Кроме того, использованы рукописные материалы, хранящиеся в научных фондах Марийского научно-исследовательского института, научной

---

1 *Мухин В. А.* Кое-что в фольклоре и его природе. — В кн.: В. М. Васильев. Марий калыкын йомакше, ойлымашыже, туштыжо, тошто мутшо, мурыжо. М., 1931, с. 23—24; *Ибатов С. И.* Марийские пословицы, поговорки и загадки. Йошкар-Ола, 1960, с. 22—23.

2 *Китиков А. Е.* Внеклассный пашаште тушто-влакым кучылтмаш. — В кн.: Марий йылмым да литературым туныктымо нерген статья-влак сборник. Йошкар-Ола, 1960, вып. IV, с. 100—102; его же: О марийских загадках. — В кн.: Марийские народные загадки. Йошкар-Ола, 1967, с. 7—33, его же: Общность элементов поэтики загадок поволжских и пермских финно-угорских народов. — «Вопросы финно-угроведения». Йошкар-Ола, 1970, вып. 5, с. 218—225.

библиотеки им. Н. Лобачевского Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина. Дополнительными источниками послужили отдельные сборники как отечественных, так и зарубежных авторов, а также загадки, опубликованные на страницах республиканской периодической печати.

Автор считает своим приятным долгом выразить глубокую признательность и благодарность академику П. Аристэ, профессорам В. Я. Евсееву, И. С. Галкину, А. И. Маскаеву, Э. Лаугастэ, И. Д. Воронину, научному сотруднику К. К. Васину, кандидатам филологических наук В. А. Акцорину, И. С. Иванову, И. Г. Иванову, К. Т. Самородову, кандидатам исторических наук Г. А. Сепееву, А. С. Патрушеву, Г. А. Архипову, кандидату педагогических наук П. А. Апакаеву за советы и помощь в подготовке рукописи этой монографии к печати.

Глава первая

ИСТОРИЯ СОБИРАНИЯ, ПУБЛИКАЦИИ И ИЗУЧЕНИЯ МАРИЙСКИХ НАРОДНЫХ ЗАГАДОК

До Великой Октябрьской социалистической революции собиранием и публикацией марийского народного творчества занимались большей частью русские и западноевропейские лингвисты и этнографы, а также в некоторой мере представители коренной национальности.

Первые записи этого малого жанра марийского фольклора были сделаны еще в первой половине XIX века.

В 1879 году при Казанском университете было создано Общество археологии, истории и этнографии (ОАИЭ). Это научное общество с первых же дней своей организации обратило внимание на важность собирания всех видов устной поэзии как русского, так и других народов. На первом публичном заседании Общества 19 марта его председатель С. М. Шпилевский произнес программную речь «О задачах деятельности Казанского Общества археологии, истории и этнографии в возможном содействии Обществу со стороны жителей местного края», в которой он говорил о важном значении сосредоточения произведений фольклора: «Вместе с историческими преданиями должны собираться и памятники устной словесности русского и инородческого населения — песни, сказки, пословицы, заговоры, загадки, надгробные причитания и тому подобное. Все

это — богатейший материал не только для этнографов, но и для истории»[1].

Этот призыв нашел горячую поддержку и среди небольшой горстки марийской интеллигенции того времени. Произведения народного песенного творчества стали записывать первые марийские литераторы-просветители А. Минаев (Григорьев), В. Васильев, П. Ерусланов и другие. Через некоторое время за активное участие в работе Казанского Общества АИЭ В. М. Васильев, С. А. Нурминский были приняты в его члены. Они поддерживали тесную связь с профессором университета Н. Ф. Катановым и предоставляли ему свои записи.

Научные работники Казанского университета, члены ОАИЭ И. Н. Смирнов [2], С. К. Кузнецов [3], Н. И. Ильминский [4], А. Знаменский [5] и другие собрали богатый материал по истории и культуре марийского народа, среди которых были и малые жанры устного народного творчества.

Общество стремилось освещать и историю народов, населяющих Поволжье и Урал. Оно имело хорошие творческие связи с другими крупными научно-исследовательскими учреждениями, например, Гельсингфорсским финно-угорским обществом.

Конечно, этнографическое изучение марийцев в какой-то мере началось еще раньше, в XVIII веке. Это были путевые записки путешественников П. С. Палла-

---

1 *Шпилевский С. М.* О задачах деятельности Казанского Общества археологии, истории и этнографии в возможном содействии Обществу со стороны жителей местного края. — «Известия ОАИЭ при Казанском университете». Казань, 1884, т. III (1880—1882), с. 25—26.

2 *Смирнов И. Н.* Черемисы. Казань, 1889.

3 *Кузнецов С. К.* Русская историческая география. Курс лекций, читанные в Московском археологическом институте в 1907—1908 годах. М., 1909, вып. I.; его же. Очерки из быта черемис. — «Древняя и Новая Россия», 1887, л. 8, его же: Из черемисской жизни. — «Вятские губернские ведомости», 1882, №№ 25, 26, 28 и др.

4 *Ильминский Н. И.* Система народного и в частности инородческого образования в Казанском крае. Казань, 1886.

5 *Знаменский А.* О горных черемисах. — «Православное обозрение», 1866, октябрь-декабрь.

са[1], И. Г. Георги[2], П. И. Рычкова[3], Г. Ф. Миллера[4], И. Г. Гмелина[5], И. И. Лепехина[6] и других, в которых встречаются и некоторые материалы народного творчества. Но, как указывает марийский ученый-фольклорист К. А. Четкарев, образцы фольклора мари с более или менее точным переводом стали публиковаться значительно позже — лишь со второй половины XIX века[7].

Первые записи народных загадок были произведены в середине 80-х годов прошлого века. К 1885 году приехал к марийцам Казанской губернии финский ученый Вольмари Поркка. Предполагалось издавать сборники марийского народного творчества. В 1885—1886 годах В. Поркка записывал произведения фольклора унжинских и моркинских марийцев. Непосредственными помощниками в его работе были представители местной национальной интеллигенции К. Н. Бурнаев, Г. Я. Яковлев. Собранные им материалы были опубликованы А. Генетцом в 1895 году в журнале финно-угорского общества[8]. В этой книге в числе других жанров (сказок—10, молитв—3, поговорок—42, заклинаний—9, песен — 144) народного творчества было помещено 142 номера загадок.

Активным помощником финского ученого был и учитель Шимшургинского училища Царевококшайского уезда Михаил Васильев, уроженец Моркинского прихода того же уезда. С октября 1885 года по март 1886 года он собрал много интересного материала. Свои за-

---

[1] *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб, 1788.

[2] *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновения, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб, 1799.

[3] *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887.

[4] *Миллер Г. Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, как-то: черемис, чуваш, вотяков. СПб, 1791.

[5] *Gmelin J. G.* Reise durch Sibirien von Jahr 1740 bis 1743, t. I—X. Cöttingen, 1751—1752.

[6] *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, ч. IV. СПб, 1805.

[7] *Четкарев К. А.* Марий калык муро. М.-Л., 1951, с. 10.

[8] *Porkka V.* Tscheremissische Texte mit Übersetzung. Herausgegeben von Arvid Genetz. SUSA XIII. Helsinki, 1895.

писи загадок он сосредоточил в рукописном сборнике [1]. Из имеющихся в тетради записей ясно, что в 1885 году в селе Морках им записано 89 номеров загадок, а в 1886 году в деревне Малой Шимшурге у крестьянки Сулаевой записан 31 номер.

Рукопись довольно четко воспроизводит марийский текст, хотя собиратель не пользовался транскрипцией, переводы на русский язык отсутствуют. В тетради имеется более 15 загадок, которые до этого сборника не встречались в записях других собирателей. Предполагают, что материалы, записанные им для финского ученого-фольклориста В. Поркка, не были отправлены ему, а через В. Магницкого поступили в Общество АИЭ для публикации. Но они и там не были использованы.

В рукописном фонде научной библиотеки им. Н. Лобачевского Казанского государственного университета имени В. И. Ульянова-Ленина совсем недавно обнаружен ряд тетрадей с записью произведений устного народного творчества мари.

Среди этих текстов особенную ценность для нас представляет сборник «Тушто-шамыч» («Загадки») [2]. Судя по надписи на рукописи, материалы собраны учителем Матвеевым в Чебоксарском уезде по 12 июля 1894 года. Места записи и исполнители текстов конкретно нигде не указаны. Несколько выручает текст самой записи. Например, в одной загадке говорится: «Тынь тужеч кай, а мынь тыжэч каем, Мушмари курыкеш вашлина» — «Ты оттуда иди, а я отсюда пойду, на горе Мушмари встретимся» — обуваться в лапоть [3]. Или еще: «Шеме вӱлем ютшо-кечеже тӧрген шолга» — «Черная кобыла ночь и день переминается» — Ольнэт [4]. Упоминание мушмаринской горы и реки Ӧльнэт (диалектный вариант названия реки Элнет — рус. Илеть) дает возможность предположить, что 180 загадок Мат-

---

1 *Васильев М.* Сборник загадок на луговом черемисском наречии, собранных в разное время учителем Михаилом Васильевым в 1885—1886 годах. — Рукописный фонд научной библиотеки им. Н. Лобачевского Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина. Фонд № 1751, тетрадь № 2.

2 *Матвеев.* Тушто-шамыч. — Рукописный фонд научной библиотеки им. Н. Лобачевского Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина. Фонд № 7365, с. 6.

3 Там же, с. 6.

4 Там же, с. 8.

веевым собраны на территории нынешних Звениговского и Волжского районов. Как видно даже из двух текстов, автор хорошо отразил в своих записях диалектные особенности языка, довольно близки к оригиналу и переводы на русский язык.

Принцип расположения материала автор выбрал алфавитный—по первым словам марийских текстов. Отгадки даны сразу после оригинала на марийском, а в скобках на русском языке. Затем идет полный текст перевода на русский. Большинство номеров имеет переводы, только в номерах, где в контексте встречаются слово *кугыжа* 'царь' («Кугижа пушкедыш валне шинча» — «Царь сидит на поносе» — пиво на дрожжах; «Кугыжан ыслык шӧрын каен» — «Царская шапка набок сползла» — снег на пне) оставлены без перевода, чтобы не придиралась царская цензура.

Определенную ценность представляют фольклорные материалы[1], собранные учителем Аринского училища В. Я. Колибровым и кандидатом учительской семинарии Ф. П. Петровым, которые работали по заданию профессора М. П. Веске. Среди записанных ими у горных марийцев материалов есть 13 загадок, из которых 7 переведены на русский язык.

16 номеров без перевода на русский язык имеется в коллективном сборнике марийских песен, загадок, пословиц, собранных в 80-е годы в деревнях Юнгота, Чаломкино, Цартакмары, где работали Андрей Дмитриев, Николай Владимиров, Василий Федоров, Тимофей и Александр Никитины[2].

Все эти материалы марийского фольклора были собраны и сосредоточены в одном месте для издания произведений народной словесности финских народностей Волжско-Камского края. Но смерть М. П. Веске остановила всю эту работу. К счастью, рукописи оказались

---

[1] *Колибров В. Я., Петров Ф. В.* Сборник марийских песен и загадок. — Рукописный фонд библиотеки им. Н. Лобачевского Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина. Фонд № 1788.

[2] *Дмитриев А., Владимиров Н., Никитины Т.* и *А.* Марийские песни, загадки, пословицы. — Рукописный фонд Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина. Фонд № 1753.

в библиотеке Казанского государственного университета.

Среди рукописей интересна небольшая папка с надписью «Фольклорные материалы (песни, загадки, сказки) и материалы для словаря Казанского уезда»[1]. Здесь имеется 11 листов разного формата, которые были найдены среди черновых бумаг почетного члена Общества АИЭ при университете чиновника особых поручений при обер-прокуроре Илиодора Александровича Износкова. Автором рукописи является А. А. Петров — попечитель православной миссионерской школы Красноуфимского уезда Пермской губернии, опубликовавший в Известиях Оренбургского отделения Российского Географического Общества несколько статей по этнографии уральских марийцев. Первые страницы рукописи, к сожалению, утеряны. Из 59 номеров загадок сохранился 21. Рукописи этнографических и фольклорных материалов свидетельствуют о его глубоком знании быта и устного творчества родного народа.

Из вышеперечисленных рукописных источников видно, что первыми непосредственными собирателями материалов малых жанров устно-поэтического творчества марийского народа были выходцы из коренной национальности.

Другим собирателем марийского фольклора из членов Гельсинфорского финно-угорского общества был доктор Арвид Генетц, посетивший край двумя годами позже (лето 1887 года), чем В. Поркка. Он остановился в деревне Нижний Потам Красноуфимского уезда Пермской губернии. В его работе помогал учитель местной школы Н. Т. Удюрминский, любитель и собиратель народной словесности. Наряду с другими жанрами народного творчества (20 сказок, 11 заклинаний, 100 песен, несколько молитвенных текстов) он записал 100 загадок, которые А. Генетц издал в финно-угорском обществе в 1889 году под названием «Восточно-черемисские языковые этюды. Образцы речи с переводом на

---

[1] *Петров А. А.* Фольклорные материалы (песни, загадки, сказки) и материалы для словаря Казанского уезда. — Рукописный фонд библиотеки им. Н. Лобачевского Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина. Фонд № 2260.

Ш3(2Рос)
К45

немецкий язык»[1]. Это первый печатный сборник марийского фольклора.

В данной книге автор расположил тексты по исполнителям. Правда, составитель книги не указывает их фамилии, а отмечает «Маска Ваньян эргыже»—«Сын Васьки-Медведя», «Кӱлви Ясанан ӱдыржӧ» — «Дочь Ясаны Кюлви»[2]. А. Генетц отлично сохранил диалектные особенности местности (*лӧлташ* 'поднять', *пастыраш* 'подганивать', *шим* 'черный', *колвече* 'подпол' и др.). Во второй части сборника тексты даны на немецком языке.

Спустя десять лет выходит в свет третья книга с текстами марийского фольклора в издании финно-угорского общества в Гельсингфорсе—«Горномарийские языковые этюды», составленная членом общества Г. И. Рамстедтом[3].

Книга состоит из замечаний по фонетике, словаря и фольклорного материала горного диалекта. Среди других жанров (12 сказок и несколько песен) горномарийского фольклора было напечатано 18 номеров загадок.

Другим крупнейшим собирателем народного поэтического творчества мари был финский ученый Ю. Вихман. Со 2 октября 1905 года по 26 августа 1906 года он с женой Юлией предпринял большую экспедицию для сбора языковедческого материала. Супруга интересовалась вышивальным искусством мариек, о мастерстве которых написала ряд научных трудов. Экспедиция начала свою работу в селе Еласах Козьмодемьянского уезда. В течение четырехмесячного пребывания здесь ученый собрал 50 крестьянских поговорок (так он определяет приметы — А. К.), 16 пословиц, 34 загадки и одно сообщение о пчеловодстве[4].

С 22 февраля по 24 марта 1906 года Ю. Вихман работал в деревне Люлыпанур Яранского уезда Вятской губернии. Какой материал сосредоточен здесь, автор не указывает.

4018

---

[1] *Genetz A.* Ost-tscheremissische Sprachstudien I. Sprachproben mit deutscher Übersetzung. SUSA VII. Helsinki, 1889.

[2] Там же, с. 49.

[3] *Ramstedt G. J.* Bergtscheremissische Sprachstudien. SUST XVII. Helsingfors, 1902.

[4] *Wichmann J.* Beitrage zur Ethnographie der Tscheremissen. Helsinki, 1913.

МАРНИИ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

27 марта Ю. Вихман остановился в Сернуре, установил связь с учителем из Куп-Солы Алексеем Семеновичем Семеновым, уроженцем Сернура, и бывшим полицейским Данилом Ефремовичем Гусевым. За сравнительно небольшой промежуток времени исследователь записал 64 песни, 37 пословиц, 60 загадок, 34 крестьянских поговорки (приметы и поверья—А. К.). Весь собранный в Сернуре материал затем жена ученого опубликовала отдельной книгой с переводом на венгерский язык — «Материалы по языку уржумских мари»[1].

Затем Ю. Вихман побывал в Морках и в Большом Кильмезе Малмыжского уезда Вятской губернии. В последнем пункте, как он пишет, народной поэзии ему удалось собрать очень мало, так как он должен был ускорить свой отъезд в Финляндию[2]. Причиной этому послужила первая русская революция 1905 года, отголоски которой докатились и до марийского края.

В 1898—1902 годах профессор Хейкки Паасонен, будучи стипендиатом Хельсинского университета, предпринял четырехгодичное путешествие с целью исследования некоторых народностей России. Во время этой поездки он изучал восточный диалект марийского языка. В течение трех месяцев он жил в большой деревне Чураево, расположенной в 25 верстах севернее уездного города Бирска Уфимской губернии.

В своем отчетном докладе о совершенном путешествии Х. Паасонен следующим образом описывает главные цели своей работы: «Мой труд в этом черемисском районе состоял главным образом в собирании возможно полного и тщательного списка слов... Мое собирание фольклора содержит лирические песни, сказки, жертвенные молитвы, заклинания, загадки и пословицы[3].

Собранный Х. Паасоненом материал остался большей частью необработанным из-за его смерти. Весь материал был приобретен доктором Кайем Доннером. После смерти К. Доннера в 1935 году марийский мате-

---

[1] *Wichmann J.* Mutatvany az urzsumi cseremizek Költeszetböl, XXXVIII. Budapest, 1909.

[2] *Wichmann J.* Volksdichtung und Volksbräuche der Tscheremissen. SUST LIX. Helsinki, 1931, s. X.

[3] *Paasonen H.* Tscheremissische Texte. Gesammelt von H. Paasonen Herausgegeben von Paavo Siro. SUST LXXVIII. Helsinki, 1939, s. VII.

риал перешел в собственность финно-угорского общества.

В 1935—1936 годах в Будапештском университете в качестве стипендиата венгерского государства обучался Пааво Сиро. Под руководством доктора Эдена Беке он специализировался по марийскому языку и обработал весь имеющийся материал Х. Паасонена и издал в 1939 году отдельной книгой. В предисловии к книге он отмечает, что в просмотренном в Хельсинки материале Х. Паасонена на 49 страницах содержится 5 сказок, 190 песен, 66 пословиц и 44 загадки.[1] Хотя количество текстов небольшое, но по ним возможно судить о своеобразии восточно-марийских загадок. Следовательно, записи Х. Паасонена представляют ценный материал для исследования истории развития этого малого жанра народной поэзии.

В конце XIX и в начале XX веков отдельные лица из среды мари сумели получить образование в духовных семинариях. Некоторые из них решительно включаются в сбор произведений устного творчества родного народа. Первая русская революция 1905—1907 годов подбодрила их. В 1907 году марийский народ смог увидеть их труды — образцы устных произведений на своем родном языке. В 1907 году вышла в свет первая книга печатного издания «Марла календарь» («Марийский календарь»). Редактором и издателем этого календаря был страстный любитель и собиратель фольклора лингвист Валериан Михайлович Васильев.

Календарь главным образом был адресован крестьянскому читателю. В нем давали советы, как надо рентабельно вести сельскохозяйственное производство, повысить урожайность полей, развивать животноводство. На страницах ежегодника часто печатались статьи на просветительские темы, но он отводил значительное место и мудрым мыслям самого народа. В первом же номере читатели увидели 56 номеров песен и 47 текстов загадок.

Начиная с 1908 года, чуть ли не в каждом номере календаря можно найти произведения народной словесности. В одной из статей календаря за 1908 год говорится: «Если мариец хочет дать добрый совет, у не-

---

[1] *Paasonen H.* Указ. работа, s IX.

го есть пословицы и поговорки, хочет загадать — много загадок, захочет спеть — песням нет конца, а о сказках говорить нечего — не наслушаешься. Ввиду ограниченности места помещаем в календаре самое лучшее, самое необходимое»[1]. После такого вступления календарь опубликовал 36 пословиц и поговорок, 43 песни и 28 загадок. Фольклорный раздел завершается таким призывом: «Любители песен и загадок! Мы вас просим: присылайте нам все то, что знаете—песни, загадки, сказки и советы старших (то-есть пословицы и поговорки—А. К.)»[2].

В предисловии календаря за 1909 год повторяются те же самые мысли, что в предыдущем году, но дается уже другое обращение к читателю: «Мы, марийский народ, ничего не знаем, кто мы такие, какие у нас есть прекрасные песни, сказки и древнейшие памятники слова... С целью просвещения мари мы думаем начать печатать самые старинные, самые лучшие из песен, добрые советы, загадки, сказки, приметы о земледелии и пчеловодстве»[3]. Предисловие заканчивается призывом «Эй, марийцы, читайте книги, просвещайтесь, учитесь быстрей, присылайте сюда хорошие записи добрых старинных советов мари, загадки, песни, молитвенные тексты, сказки...»[4]. На страницах календаря все больше и больше стали публиковаться произведения народного творчества. Уже в этом номере было помещено 86 загадок.

В календаре за 1910 год издатели не отступили от своих обещаний. Читателю было предложено 60 загадок и 114 пословиц и поговорок. А в предисловии отмечается: «Марийский народ любит свои календари потому, что в них печатаются песни и загадки, некоторые сами присылают свои записи для печати[5].

После поражения революции 1905—1907 годов наступил период разгула реакции, царская цензура протянула свои щупальцы во все издательства. Все это удручающе сказалось и на публикации материалов на-

---

1 «Марла календарь». Казань, 1908, с. 39 (см.— оригинал в приложении).

2 Там же, с. 44 (см. — приложение).

3 «Марла календарь». Казань, 1909, с. 4 (см. — приложение).

4 Там же, с. 4 (см. — приложение).

5 «Марла календарь». Казань, 1910, с. 2.

родной мудрости, затормозило и развитие марийской письменной литературы. С 1911 года издание календаря перешло в руки переводческой комиссии при Управлении Казанского учебного округа, где орудовали ярые сторонники русского самодержавия. В календаре этого года напечатано 56 песен и 47 загадок.

В 1912 году в календаре не отведено ни одной страницы для публикации устных произведений народа.

Перед началом империалистической войны, в 1913 году, вышел последний номер журнала «Марла календарь», на его страницах было помещено 13 номеров загадок.

В 1908 году в Казани вышел сборник «Тушто-шамыч» («Загадки»)[1], составителем которого был Икумарий (Леонтьев Гаврил Леонтьевич), вначале сельский священник, затем учитель начальной школы. «Тушто-шамыч» — это первый специальный сборник марийских народных загадок, в котором было сосредоточено наибольшее количество номеров этого жанра—610, собранных автором в различных районах Марийского края. На титульном листе сборника автор вместо эпиграфа поместил две загадки: «Туштым туштем, шоям шойыштам, ош шовычеш вӱдыл пыштем» — «Загадку загадаю, сказу расскажу, в белый платок заверну», новая для того времени загадка о книге, и старинную о свадьбе, состоящую исключительно из звукоподражательных междометий: «Ой-руй, рашт-рушт, дӱбр-дӱбр, лӱп-лӱп! Чиа-лия, коп-коп, чынгырдик лӧшт» (на русский язык не переводится). Это отвечало требованиям демократически мыслящей части национальной интеллигенции, которая призывала посредством распространения знания познать самого себя, веселее смотреть в будущее, ибо после поражения революции 1905—1907 годов не могли открыто говорить о революционном переустройстве жизни.

Книга открывается небольшим вступлением, которое было характерным для того периода. Это —своеобразный зачин, указывающий, каким путем можно разгадать ту или иную загадку[2]. Затем даны в порядке номеров тексты загадок, которые тематически не сгруппиро-

---

[1] *Икумарий.* Марий калыкын туштыжо. Казань, 1908.

[2] Там же, с. 3.

заны, расположение вольное, переводы на другие языки не даются. Вероятно, по этой причине целый ряд текстов повторяется дважды, например, о серьгах [1], древесном листе[2], ведре[3], дверных петлях[4], ковше[5] и др.

Иногда среди оригинальных текстов встречаются переводные с русского. Такова, наверное, калька о безмене: «Шкеже уда, а вуйжо ик пуд»—«Сам плохой, а голова—один пуд»[6]. Русский оригинал «Сам худ, а голов с пуд»[7] в переводе на марийский язык потерял всю поэтичность.

Необходимо отметить, что в данном сборнике имеются загадки, в которых в какой-то мере нашли свое отражение политические события тех лет. Например, в загадке о венике: «Кынер кут веле—тӧрам индыра» — «Сам только с локоток—мучает чиновника»[8]. Или баран предстает в образе старосты: «Шуркын ял староста» — «Староста деревни Шуркын»[9].

Некоторые загадки, по нашему мнению, включены в сборник не в народном традиционном варианте: «Ангаже — ломыж, йырангже — пу»—«Поля—зола, грядки—дерево»[10]. Отгадка отмечает, что это окно. А в народе про него загадывают: «Ангаже—ошма, йырангже—пу»—«Поля песчаные, грядки деревянные». Естественно, материалом для изготовления стекла служит песок, а не зола. Или еще пример. В народе про соль загадывают: «Вӱдеш шочеш, вӱд деч лӱдеш» — «В воде родится, воды боится». Составитель же рассматриваемого сборника эту развернутую народную метафору приписывает лягушке[11].

Небольшая часть текстов отличается тем озорством мысли, которая не боится двусмысленностей. Например, о надевании варежки, о кузнечном горне и огне[12].

---

1 Икумарий. Марий калыкын туштыжо, №№ 526 и 546.
2 Там же, №№ 189 и 549.
3 Там же, №№ 86 и 473.
4 Там же, №№ 362 и 417.
5 Там же, №№ 165 и 188.
6 Там же, № 455.
7 *Садовников Д. Н.* Загадки русского народа, № 476.
8 *Икумарий.* Марий калыкын туштыжо, № 31.
9 Там же, № 3.
10 Там же, № 29.
11 Там же, № 451.
12 Там же, №№ 143, 593.

В конце сборника дан *тушто мумаш* 'отгадки' в порядке номеров и словарь пояснительных и диалектных слов.

Книга по своему объему небольшая, но в ней много таких загадок, которые у других собирателей этого интересного жанра народного творчества не встречаются. Например, «Ямбатыр теркупш шӧрын каен» — «Шляпа Ямбатыра набекрень» — о снеге на пне; «Пра-пра паврасли, паврасли да тӱгыльдым; кси-кси кӧк-кӧк, таямая тыл-тал, йышкылдым-йошкылдым тӧрт!» — непереводимая звукоподражательная загадка о процессе изготовления холста из конопли [1] и др.

Книга имела большой успех, и через год она вышла вторым изданием.

Составитель и собиратель как педагог понимал, что народное поэтическое творчество веками вбирало в себя весь жизненный опыт, коллективную мудрость трудящихся масс и передавало их младшим поколениям, что фольклор имеет ясную дидактическую направленность, и активно его собирал для использования в своей воспитательной работе. Поэтому первый сборник марийских народных загадок, составленный Икумарий — большой вклад в историю национальной фольклористики.

На следующий же год после первого сборника загадок автор издал вторую книгу марийского устного народного творчества[2]. Правда, в ней Икумарий большое место уделял другим жанрам — сказке, песням и поучительным народным рассказам, но в книге нашли место и 60 загадок.

Империалистическая война 1914—1917 годов разбросала людей различных наций по всей Европе. Наши земляки-марийцы оказались в плену в Австро-Венгрии, Германии и других странах. Демократически настроенные зарубежные фольклористы и лингвисты воспользовались случаем и записали от них большое количество произведений устного народного творчества. Одним из таких ученых был Эден Беке, впоследствии академик Венгерской Академии Наук. В предисловии к сборни-

---

1 *Икумарий.* Марий калыкын туштыжо, №№ 155, 240.
2 *Его же.* Марла муро, тушто да йомак-влак. Казань, 1909.

кам «Народная поэзия и обычаи черемис (мари)»[1] и «Марийские тексты»[2] он указывает, что в его распоряжении находились 29 солдат, представляющих примерно 20 диалектов марийского языка. «Мое собрание имеет следующий результат: от моих мастеров языка, одного из Перми, троих из Бирска (Уфа), троих из Малмыжа (Вятка), четверых из Уржума (Вятка), троих из Йошкар-Олы (раньше Краснококшайск, до этого Царевококшайск—Казань), троих из Яранска (Вятка), одного с Ветлуги (Кострома), семерых из Козьмодемьянска (Казань), получил я, кроме большого количества слов и грамматического материала, 281 сказку, легенду и рассказ, 580 песен, 1177 пословиц, 658 загадок, 1268 рассказов и суеверий, относящихся к различным датам, 76 маленьких молитв, 4 описания жертвоприношения, 4 описания праздничного обычая»[3]. Весь этот богатый материал в разные годы он частями опубликовал в различных изданиях»[4].

В других книгах составитель расположил материалы произведений разных жанров народной поэзии по территориальному признаку (ветлужские, яранские, царевококшайские, уржумские и т. д.). Автор, будучи прежде всего лингвистом, стремился ярче отразить особенности того или иного диалекта. Многие загадки повторяются в различных диалектах. Как и другие жанры, загадки параллельно переведены на немецкий и венгерский языки.

Хотя все эти материалы были адресованы лингвистам, тем не менее они представляют большую ценность и для марийской фольклористики, ибо публикации загадок по географическому принципу помогут создать нам представление об общемарийской традиции и являются материалом для изучения ряда теоретических вопросов загадок.

В 1915—1917 годах записывал тексты марийского народного творчества от военнопленных и другой ученый—Эрнст Леви. Среди его записей находим 12 зага-

---

[1] *Beke Ö.* Volksdichtung und Gebrauche der Tscheremissen (Maris). I Band. Budapest, 1951, s. 8.

[2] *Beke Ö.* Mari szövegek. I. kötet. Budapest, 1957, s. XIV.

[3] *Beke Ö.* Tscheremissische Texte. Budapest, 1957, s. XIV.

[4] *Beke Ö.* Mari szövegek, III kötet. Budapest, 1961; *Beke Ö.* Mari szövegek, IV. kötet. Budapest, 1961.

док. Весь собранный материал он опубликовал в сборнике «Марийские тексты»[1], который вышел в свет в 1926 году в городе Ганновере. Автор, как лингвист, расположил свои материалы без определенной системы. Встречаются даже рассказы солдат, в которых они высказывали свои внутренние переживания. Однако не указано, от кого записаны загадки. В отношении точности фонетической передачи тексты Э. Леви стоят гораздо ниже финских и венгерских записей.

Систематический сбор и издание материалов марийского устного народного творчества развернулось лишь после Великой Октябрьской социалистической революции, когда у народа мари выросла своя национальная интеллигенция, расширились издательские возможности (в 1921 году в Краснококшайске начала работать типография). В первые же годы советской власти развертывается собирание всех жанров марийского фольклора. Появились условия для широкого и глубокого ознакомления населения одной диалектной группы с творениями, богатством фантазии другой местности.

Неутомимый собиратель произведений устного творчества родного народа В. М. Васильев продолжал издание ранее собранных фольклорных материалов. После Октябрьской революции первый его сборник «Марий мут»[2] вышел в 1918 году, в котором было опубликовано 86 загадок. Второй более полный сборник[3], где имеются народные загадки, издан в 1931 году. Материалы были собраны автором в Марийской, Татарской, Башкирской АССР, в Свердловской и Горьковской областях. Вместо предисловия к сборнику предпослана статья В. Мухина «Кое-что о фольклоре и его природе»[4], которая явилась первым научным трудом в изучении марийского фольклора. В работе автор правильно подметил, что это глубоко поучительная область идеологической культуры человечества, уходящая свои-

---

[1] *Lewy E.* Tscheremissische Texte. Hannover, 1925—1926.

[2] *Васильев В. М.* Марий мут. Тошто гыч тӱнгалын таче марте ойлымо муро, тушто, йомак, пале, туныктымо мут, молыжат. Казань, 1918, вып. I.

[3] *Васильев В. М.* Марий калыкын йомакше, ойлымашыже, туштыжо, тошто мутшо, мурыжо. М., 1931.

[4] *Мухин В. А.* Кое-что о фольклоре и его природе. — Там же, с. 10.

ми корнями в глубокую древность, имеющая в настоящем своем состоянии сложнейшие наслоения всего хозяйственного, социального и культурного роста не только данного племени, народа, но нередко и целой группы народов Азии, Европы и т. д., до сих пор не поставлена в своем изучении на должную научную высоту. Такой недостаток, по мнению автора статьи, вытекает из-за младенческого существования ряда ему (фольклору — А. К.) смежных дисциплин: лингвистики, этнологии, этнографии, истории материальной культуры и т. д. Автор статьи подчеркивает, что собиратели фольклора были чрезвычайно односторонними, часто не выходили за рамки формалистических приемов записи, расположения материалов, оттенения фонетических особенностей. Далее автор статьи пытается дать некоторый анализ фольклорных материалов. Под рубрикой «Общие замечания о загадках» В. Мухин дает определение жанра и правильно отмечает связь загадки с другими жанрами народного творчества, но впадает в глубокое заблуждение: следуя за представителями исторической школы, подчеркивает аристократическое происхождение загадок.

Впервые в истории публикации марийских народных загадок тексты в рассматриваемом сборнике сгруппированы тематически, расположены в алфавитном порядке по первым словам текстов. 441 загадка нашла свое место в 15 разделах.

По всей вероятности, В. М. Васильев в расположении материалов воспользовался тематическим принципом русского фольклориста-загадочника Д. Н. Садовникова. Разделы его сборника в какой-то степени напоминают группировку последнего. Довести же до конца этот принцип он не сумел: весь материал не разбит компактно по однородным предметам, названным в отгадках; некоторые предметы и вещи фигурируют не в том разделе, где они должны были бы быть. Например, мебель находится в разделе «Загадки о посуде». Загадка о рогах животных включена в раздел «О частях человеческого тела». Такие несоотносимые предметы имеются и в других разделах сборника. Поэтому цель, которую перед собой ставил русский ученый (выяснить группировкою загадок бытовую обстановку и мировоззрение русского земледельца), В. М. Васильевым до

конца не разрешена, а возможности были налицо. Например, в разделе «Атышӧр нерген туштымо» — «Загадки о посуде» о ведре имелось 8 загадок, о ковше—4, о котле — 3 и т. д.

По сравнению со сборником Икумарий новых загадок в книге В. М. Васильева, несмотря на то, что между этими изданиями лежит промежуток времени в четверть века, имеется крайне мало. Свежие материалы, опубликованные в периодической печати, составитель оставил без внимания. Однако заслуга В. М. Васильева заключается в том, что он сделал первый робкий шаг в научной систематизации фонда марийских загадок.

В 20-30-х годах стал издаваться целый ряд журналов («У вий», «Арлан ден кестен», «Пионер йӱк») и газет («Йошкар кече», для детей—«Ямде лий»), на страницах которых немалое место отводилось устным произведениям народа.

В 1928—1936 годах на страницах журнала «У вий («Новая сила») наряду со сказками, песнями-частушками, приметами, иногда публиковались произведения афористического жанра народного творчества. Учителя-словесники, селькоры Кузьман Гурьян (Созонов)[1], Петр Пайдуш, А. П. Лебедев, Г. З. Ефремов[2], В. И. Кольцов[3] и ряд неизвестных корреспондентов[4] записали среди местного населения более двухсот загадок и прислали в редакцию журнала.

В 20-е годы как приложение к газете «Йошкар кече» («Красное солнце»), издается сатирический журнал «Арлан ден кестен» («Крот и кистень»), в четвертом номере которого за 1926 год можно найти пять вопросительных загадок, наделенных народным юмором. Например, «Кӧ шкенжым шке мыскыла?» — «Кто насмехается над самим собой?» — попугай; «Мом шӱведен-шӱведен кочкат?» — «Чего[5] ешь и плюешься?[6] — рыба и др.

---

1 «У вий», 1928, № 1 (75 номеров).
2 Там же, 1929, № 2 (66 номеров).
3 Там же, 1929, № 3 (36 номеров).
4 Там же, 1930, № 1 (35 номеров).
5 В марийском языке личное местоимение кто 'кӧ' употребляется только по отношению к человеку.
6 «Арлан ден Кестен», 1926, № 4, с. 5.

Журнал для детей «Пионер йўк» («Голос пионера») главным образом знакомил читателей с событиями, происходящими в нашей республике, в стране и за рубежом, рассказывал о темпе социалистического строительства. Понимая, что народная мудрость — большая подмога в деле воспитания, журнал знакомил детей с народными сказками, песнями и различного вида загадками—загадками-ребусами, народными загадками и загадками литературного происхождения. Юные ленинцы тех времен еще сейчас помнят загадку-ребус: «Узнайте! Первая буква означает реку Сибири, другая—капиталистическое государство Запада, третья буква—большую реку Африки, четвертая—государство, где бесчинствуют фашисты. Добавишь одну букву и узнаешь вождя всего трудового народа» (Ленин)[1]. А начинающие юнкоры (теперь некоторые из них стали известными поэтами) пробовали на страницах журнала свои силы в сочинительстве литературных загадок[2].

5 апреля 1929 года состоялась конференция читателей газеты «Йошкар кече» («Красное солнце). Селькор под псевдонимом Ар в статье «Йошкар кече» нерген ик-кок шомак» («Несколько слов о газете «Йошкар кече»), указывал, что по его мнению, в газете необходимо начать печатать больше задач-головоломок, ребусов, что народ обожает свои загадки, склонен решать задачи[3].

В собирании и распространении марийских народных загадок немалую роль сыграла и продолжает играть газета пионеров и школьников «Ямде лий» («Будь готов»). Первый номер этого периодического издания вышел в марте 1933 года. С первых же номеров газета стала регулярно публиковать произведения различных жанров устно-поэтического творчества. В одном из номеров под рубрикой «Тошто калык мутым, туштым, мурым погыза!» она обращается к читателям: «Кто знает рассказы, загадки, сказки, пословицы и поговорки, присылайте нам. Наиболее интересные напечатаем в газете»[4].

---

1 «Пионер йўк», 1932, л. 7, с. 32.

2 *Рожкин В. Я.* Палыза. — Там же, 1934, № 10—11, с. 40.

3 *Ар.* «Йошкар кече» нерген ик-кок шомак». — «Йошкар кече», 1929, 5 апр.

4 Тошто калык мутым, туштым, мурым погыза. — (Отд. рубрика.) — «Ямде лий», 1935, 14 нояб.

Вскоре после такого обращения редакция газеты стала получать сказки, загадки, песни и другие материалы, записанные детьми от старших. Но любопытные ребята не ограничились этим, они и сами стали сочинять новые произведения фольклорного характера. Например, в одном из номеров появилась загадка ученика Карайской школы Сотнурского района Василия Чузаева об улье: «Ныл менге вуйышто пӧрт шинча, тушто тӱжем дене калык ила» — «На четырех кольях дом стоит, в нем тысяча людей живет»[1]. Наверное, этот наиболее удачный текст послужил основой для создания улучшенного варианта: «Ныл менге вуйышто пӧрт, тушто миллион калык ила» — «На четырех кольях дом, миллион людей в нем». Слово *шинча* 'стоит' не играло поэтической роли в создании картинности образа, поэтому его опустили, а слабая гипербола *тӱжем* 'тысяча' была усилена миллионом.

Повезло и загадке о часах, сочиненной Львом Торощиным и Семеном Родыгиным, учениками Староторъяльской средней школы: «Омса шенгелне ала-кӧн шӱмжӧ кылтка» — «За дверью чье-то сердце бьется»[2]. В современной записи она дополнена только определением *янда омса* 'стеклянная дверь'.

Ясно, что записи школьников были разнохарактерными. Одни старались присылать только литературные варианты, другие переделывали на свой лад народные загадки, третьи — сочиняли сами, как видно из предыдущих примеров, среди которых были и удачные.

В трудные годы Великой Отечественной войны газета пионеров и школьников не издавалась, ее выпуск возобновился в январе 1967 года. В редакцию пришли опытные журналисты, писатели и поэты, которые знали цену словам, поэтому с самого начала стали публиковаться произведения устного народного творчества. Редакция этим укрепила и расширила сеть юнкоровских постов. Только за 1968—1970 годы редакция сдала в фонд Марийского научно-исследовательского института более пятисот писем, где имеется свыше полутора тысяч номеров загадок. Газета «Ямде лий» в настоящее время является аванпостом в публикации и распростра-

---

1 «Ямде лий», 1939, 22 янв.
2 Там же.

нении марийских народных загадок и других жанров устно-поэтического творчества родного народа.

В 1934 году состоялся Первый Всесоюзный съезд советских писателей. В своем докладе на съезде А. М. Горький сформулировал основные задачи советской науки в области народного творчества. В своей заключительной речи он призывал собирать и изучать творчество народов СССР как средство взаимного понимания и внутренней идеологической спайки республики: «Берегите людей, способных создавать такие жемчужины поэзии, какие создает Сулейман. Повторяю: начало искусства слова — в фольклоре. Собирайте ваш фольклор, учитесь на нем, обрабатывайте его. Он очень много дает материала и вам и нам, поэтам и прозаикам Союза... Необходимо издавать на русском языке сборник текущей прозы и поэзии национальных республик и областей в хороших переводах»[1].

После съезда произошли заметные изменения в собирании, изучении и марийского устного народного творчества. С 1935 года начинает налаживаться планомерное собирание всех видов фольклора. Центральной организацией, занимающейся сбором, публикацией и научным исследованием фольклора в республике, становится Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики, основанный в 1930 году.

Первая крупная научная фольклорная экспедиция была организована в 1938 году, в которой участвовали 11 человек. За полтора месяца работы она охватила 4 района (Пектубаевский, Новоторъяльский, Сернурский и Косолаповский) Марийской АССР и два района (Уржумский и Шурминский) Кировской области, записала 107 преданий и легенд, 1160 народных песен, 91 сказку, 20 текстов заговоров и заклинаний.

Экспедиция 1939 года была гораздо обширней и по количеству участников (18 человек) и по территориальному охвату. Группой фольклористов руководил аспирант К. А. Четкарев. Экспедиция произвела записи в Волжском, Сотнурском, Моркинском и Еласовском районах Марийской АССР, а 4 человека были в Калтасин-

---

[1] *Горький М.* Собр соч., т. XXII. М., 1956, с. 342.

ском и Мишкинском районах Башкирской АССР. Было собрано 237 сказок, 2385 песен, 28 легенд и преданий, 162 загадки и 24 образца детского фольклора — считалки, песенки, рассказы.

В 1940 году Институт не организовал фольклорной экспедиции, но в его научный фонд от журналистов, учителей и учащихся средних школ поступило около 110 сказок, 200 пословиц и поговорок, 300 загадок. Богатый материал имеется в записях горномарийского поэта Пет. Першута.

Собирательная работа не прекращалась и во время Великой Отечественной войны, но ввиду отсутствия специалистов это дело не могло получить большого размаха[1].

С 1947 года МарНИИ ежегодно пополняет свой научный фонд по фольклору, но, к сожалению, вплоть до 50-х годов главное внимание обращалось только на сбор и изучение двух жанров — на сказки и песни. Малые жанры, заговоры, заклинания и обрядовая поэзия не нашли должного места в работе марийских фольклористов, о них говорится попутно там, где они присутствуют в качестве обязательного элемента.

В 1952 году в Индиане (США) издана книга «Изучение фольклора черемис»[2]. Раздел «Загадка» написан А. Тейлором и открывается пояснением автора о всевозможных классификациях народных загадок. Наилучшим он считает принцип подачи загадок на основе предлагаемых объектов ("Drei Köpfe und ein Fuss" «Три головы и одна нога» — вилы; "Three — footed, one-eared «Три ноги, одно ухо»— умывальник; "Des Morgens auf Vieren, am Tage auf Zweien, des Abends auf Dreien" «Утром на четырех, днем на двух, вечером на трех» — человек в разном возрасте), а не по предметам—ответам. Поэтому такую классификацию, где встречаются несоотносимые предметы, нередко приходится комментировать, что и делает автор во втором подразделе. На конце даются индексы.

В 1960 году был издан сборник марийских пословиц,

---

1 *Четкарев К. А.* Советская фольклористика в Марийской АССР. — «Учен зап. МарНИИ». Йошкар-Ола, 1951, вып. IV, с. 233.

2 Taylor A. The Riddle.— Studies of Cheremis Folklore. 1952, Indiana, s. 172—213.

поговоров и загадок С. И. Ибатова[1]. Раздел загадок представляет собой отбор как ранее опубликованных, так и рукописных материалов из фондов МарНИИ. Книга открывается вступительной статьей составителя «О малых формах марийского фольклора», где автор дает краткую историю собирания малых жанров и анализирует некоторые поэтические особенности загадок. Загадки численностью в 484 единицы расположены по темам в 19 разделах. Впервые в истории публикации марийских народных загадок тексты параллельно переведены на русский язык.

Наиболее полный сборник марийских народных загадок издан МарНИИ в 1967 году[2], составленный А. Е. Китиксвым. Автор в статье «О марийских народных загадках» дает определение жанра, раскрывает этимологию марийского термина *тушто* 'загадка' и особенности бытсвания загадки в различные исторические периоды, излагает историю собирания и публикации, рассматривает содержание и художественные средства марийских загадок, анализирует связь загадки с другими жанрами марийского народного творчества, указывает на творческое использование поэтических образов и художественных средств народной загадки мастерами художественного слова — прозаиками, драматургами и поэтами. 1467 номеров загадок классифицированы в 18 разделах. В примечаниях даны объяснения архаизмам, диалектизмам и мифологическим образам, встречающимся в текстах. Имеется алфавитный указатель отгадок, тексты параллельно переведены на русский язык и имеют паспорт с указанием места записи.

Немалую роль в сборе и пропаганде современных и традиционных загадок играет редакция детского вещания Комитета по радиовещанию и телевидению Совета Министров Марийской АССР. Ею в декабре 1966 года по инициативе автора этих строк была организована ежемесячная тематическая передача «Литературный клуб», где перед микрофоном выступают деятели науки, литературы и искусства. Виднейшие поэты и прозаики республики анализируют первые стихи и расска-

---

1 *Ибатов С. И.* Марийские народные пословицы, поговорки и загадки. Йошкар-Ола, 1960.

2 Марийские народные загадки. Йошкар-Ола, 1967.

зы школьников, членов литературных кружков. Накануне летних каникул 1967 года старейший марийский прозаик Тыныш Осып (Иосиф Алексеевич Борисов) обратился к ребятам с призывом собирать и присылать в редакцию радиокомитета и газеты «Ямде лий» произведения устного народного творчества, в том числе загадки, услышанные от дедов и бабушек. Обращение нашло весьма положительный отклик.

Вскоре стали поступать письма из «Литературного клуба» с записью произведений народного творчества. Тексты были далеко не одинакового качества, но представляли некоторую научную ценность.

В следующих передачах радиоклуба выступили научные работники: фольклорист В. А. Акцорин, языковед И. Г. Иванов. Они рассказали о ценности собранных ребятами материалов, разъяснили школьникам о методах записи различных жанров народного творчества, об оформлении своей рукописи и об умении сохранить в записях особенности говора каждой отдельной местности.

Неутомимыми собирателями всех жанров произведений устного народного творчества в республике являются школьные литературные кружки, во многих из которых имеются секции-группы народного творчества (Исменецкая средняя школа Звениговского района, руководитель С. М. Кушаков; Кокшамарская средняя школа Звениговского района, руководитель Р. С. Соловьева; Азъяльская средняя школа Моркинского района, руководитель А. Н. Александров и др.). О важности собираемых ими материалов одна из районных газет писала, что они «представляют не только художественный интерес, но и имеют некоторую научную ценность»[1]. Большая часть материалов, собранных пионерами и школьниками, сосредоточивается в научном рукописном фонде МарНИИ.

---

1 *Смородинов М. С.* Рукописный журнал ронгинских школьников. — «Ленин корно», 1955, 15 мая.

Подробное описание работы школьных литературных кружков по собиранию фольклора см. в книге К. Т. Тимофеева «Марий литература дене урок деч ӧрдыжсӧ пашам ыштыме йӧн-влак». Йошкар-Ола, 1968.

Глава вторая

ЭТИМОЛОГИЯ МАРИЙСКОГО СЛОВА ТУШТО 'ЗАГАДКА' ОСОБЕННОСТИ БЫТОВАНИЯ НАРОДНОЙ ЗАГАДКИ В РАЗЛИЧНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРИОДЫ

Загадка является древнейшей составной частью устного поэтического творчества финно-угорских народов. Она представляет собой образное аллегорическое мышление каждой этнической единицы. По этой причине, видимо, название самого слова-термина по семантике не идентично даже в родственных языках. Как подтверждает этимологический анализ слова загадка, почти ни в одном из финно-угорских языков оно не восходит к одному и тому же корню.

Так, например, в эстонском языке употребляется термин moistatus, moistates 'загадка, символ, задумчивая речь'. Довольно точное соответствие этому обнаружи-вается в южновепском mustatiz и у саамов Терского берега Кольского полуострова musttis 'загадка'. Эстонское moistatus связано со словом moistma 'думать, понимать'. По мнению Ю. Тойвонена[1], данное слово исходит из одной первоначальной формы, которая в карельском muja 'пробовать', вепском muida 'проверять, искать шупью', мордовском mujems, mujams 'находить', марийском moam, muam 'находить'. Однако вряд ли с этим можно согласиться. По-видимому, более правиль-

[1] *Y. H. Toivonen.* Ein Beitrag zur Geschichte der geistigen Kultur der finnisch-ugrischen Völker.— Litterarum Societas Esthonica, 1838—1938. II. Tartu, 1938, s. 742—743.

но было бы сравнить эстонское moistma и саамское musttis с марийским mostas 'уметь', а не с muam 'находить', которое, несомненно, одного корня с мордовским mujems 'находить'.

Финны, карелы и саами загадку называют словом arvoitus которое, по мнению Ю. Тойвонена, исходит из следующих значений: в финском — arvella 'подразумевать, догадываться, предполагать'; arvelu 'мысль (идея), мнение', arvoitus 'загадка'; в саамском—arvodus 'понимание, разум, смысл'[1]. Определенно, что они происходят от общего корня arvo 'думать', от которого образуются глаголы arvata 'догадываться', arvella 'полагать, думать'[2].

В венгерском языке для определения загадки употребляются термины rejtveny, talany, первый из которых связан со словом rejtelu 'тайна'[3], второй — с talalgatni 'угадать'.

Загадка на удмуртском языке — мадькыл или мадиськон, или мадиськон кыл — переводится как слово, необходимое для разговора. Корень его мадьыны — употребляется в северных говорах в значении петь, мадиськыны — рассказывать, беседовать, в других — мад 'песня, мотив'[4].

У народа коми загадка называется нӧдкы или тӧдтӧм (буквально 'неизвестный'). Второе слово — тӧдтӧм — образовано от корня тӧд, который в сочетании с другими аффиксами (-мавны, -ны и др.) используется в значении 'узнать, разузнать, разведать'[5].

В мордовском языке название загадки — содамоёвк (эрзя), содама ёфкс (мокша) — в смысловом переводе на русский язык означает 'сказка для узнавания, отгадывания'. Корень этих слов содамс 'знать'. В некоторых районах загадка обозначается одним словом ёфкс, ёвкс 'сказка' или угадявкст, содамат 'узнать'[6].

---

[1] *Y. H. Toivonen.* Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1955, s. 25.

[2] Русско-финский словарь. М., 1963, с. 208.

[3] Венгро-русский словарь. М., 1964, с. 592.

[4] *Кралина Н. П.* Загадки удмуртского народа, с. 123.

[5] Коми-русский словарь. М., 1961, с. 467.

[6] *Самородов К. Т.* Мордовские загадки. — В кн.: Устно-поэтическое творчество мордовского народа, т. IV, кн. 2, Саранск, 1969, с 6.

Слово загадка в марийском языке — луговом тушто, горном тышты — одного корня с глаголом тушташ (горн.— тышташ) ′загадывать′[1].

В народной разговорной речи и в художественной литературе[2] нередко употребляется выражение туштен ойлаш, которое имеет ряд значений, а именно— ′говорить, намекая на что-либо′, замышлять, предполагать, предупредить, многозначительно заметить′. По-видимому, корень слова туш(тыш) не язляется общефинно-угорским, ибо в прибалтийских языках он не обнаруживается. Соответствие ему имеется только в пермских: коми — теш ′смех, шутка′[3], удмуртском — тус ′образ, вид′[4] душны ′уметь, понимать′[5]. Как указывает Ю. Вихман, в западных диалектах марийского языка в обиходе было заимственное из чувашского языка слово jamak ′сказка′[6].

Небезынтересно отметить, что в северо-западном наречии, например, в деревне Кашканур Яранского района Кировской области, загадку называют потика ′смех, юмор′, а выражение туштен ойлаш принимается в значении ′двусмыслица′. Вероятно, прав В. П. Троицкий[7], который в своем словаре словосочетание туштм туштмаш переводит ′двусмыслица′.

Этимологию общепринятого термина тушто ′загадка′ Ю. Тойвонен в работе «К истории финно-угорских аффрикат в середине слова»[8] выводит из таких соответствий: финский — tietää ′знать, ведать′; эстонский — teadma ′знать, ведать′; марийский: горн. — teslem ′наблюдать, следить, замечать′, яранск.—tostem, уржумск.— tustem ′давать загадки′ (загадывать); удмуртский: dusny ′ведать, понимать, уметь′. Поэтому слово тушташ можно расшифровать в значении ′ведать, знать, наблюдать, следить, замечать, уметь.

---

1 Марийско-русский словарь. М., 1956, с. 603, 619.

2 *Шкетан М.* Эренгер. Йошкар-Ола, 1950, с. 247; *Каткова З. Ф.* Кушто улат, пиалем? Йошкар-Ола, 1966, с. 170.

3 Коми-русский словарь. М., 1961, с. 674.

4 Удмуртско-русский словарь. М., 1948, с. 297.

5 Там же, с. 297.

6 *Y. Wichmann.* Volksdichtung und Volksbrausche der Tscheremissen. SUST LIX. Helsinki, 1931, s. XIV.

7 *Троицкий В. П.* Черемисско-русский словарь. Казань, 1894, с. 63.

8 *Y. H. Toivonen.* Zur Geschichte der finnisch-ugrischen inlautenden Affrikaten.—FUF XIX. Helsinki, 1928, s. 93.

Марийцы про загадку загадывают: «Мучашдыме менгпыш унчыливуя кӱзем» — «На бесконечный столб поднимаюсь вниз головой»[1]. Предмет, который загадывается, первоначально для нас представляется как бесконечный столб. Признаков у каждого предмета бесчисленное множество, но в загадках подчеркиваются самые необходимые, самые характерные для них, и все это преподносится намеками. Выбирать из них нужно самые точные, самые близкие. А это почти то же самое, что подниматься на столб вниз головой.

Так слово-термин тушто 'загадка' раскрывает ее сущность. Загадывать — это значит предложить замысловатое суждение, чтобы люди думали, соображали и угадывали намеки собеседника о тех или иных предметах или явлениях. Своим скрытым смыслом загадка возбуждает любопытство человека.

Этимологический анализ слова тушто 'загадка' у ряда финно-угорских народов, и в том числе у марийцев, в какой-то мере раскрывает роль произведений этого жанра в исторически изменяющейся общественной жизни людей. Выделившись из древнейшего синкретического состояния устно-поэтической речи, загадка всегда содействовала развитию сообразительности людей. В древности она была связана в первую очередь с обрядом инициации. Современное состояние изучения марийских загадок, к сожалению, не дает автору широких возможностей конкретно и детально говорить о древних формах бытования загадки. Поэтому мы вынуждены в основном ограничиться отдельными наблюдениями использования загадки в определенных условиях жизни наших современников, и выдвинуть некоторые предположения о древней основе народной загадки.

Необходимо отметить, что старое отношение к загадкам, особенно устраивать вечера сказок и загадок, сохранилось вплоть до 30-х годов XX века. Сказывать сказки, загадывать загадки запрещалось летом и в начале осени, когда в крестьянском хозяйстве было много забот. Нельзя было и ранней весной, когда начинают телиться коровы, ягниться овцы. Такой запрет наблюдался и у многих народов Крайнего Севера[2].

---

1 Марийские народные загадки, № 651.

2 *Восксбойников М. Г.* Фольклор эвенков Бурятии. Улан-Удэ, 1958, с. 10.

Загадывание загадок строжайше запрещалось, если в доме имелся больной [1]. Люди верили, что нарушение запрета могло принести им всевозможные несчастья. И в каждой местности их беспокоили свои заботы. Если деревня, хутор находились около леса, то крестьяне опасались, как бы медведь не разодрал корову. Если люди жили у болота, то корову ожидала другая напасть — скотина могла застрять в непроходимой топи. Считалось также, что «нечистые» могут повредить урожаю или молодняку. Поэтому в молитвах, читаемых в керемети[2], говорилось: «Шошым юмо толмо годым кум тӱкӧ вольыкым кум корно дене луктын колтена, тудо вольыкым келге лавыра гычын, маска гычын, пире гычын, вор гычын серлаге» — «Когда придет вешний бог (день), три разных скотины по трем дорогам выпустим, от глубокой грязи, от медведей, волков и от воров оную помилуй»[3]. И вообще, нарушителя сроков загадывания непременно должно было преследовать какое-нибудь несчастье: он мог заблудиться в лесу, заболеть и т. д. И поэтому в народе существовало поверье—вечера сказок и загадок можно начать только тогда, когда выпадет снег и покроет макушки пней или столбы ворот.

Традиционным временем для загадывания загадок считали зимние вечера, в особенности неделю шорыкйол (досл. ′овечья нога′) [4] совпадающую с рождеством, когда «нечистые силы» становились бессильными [5]. Такой же порою для загадок считалась ӱярня ′масленица′ и шинчаш попынымо ′подсиделки девушек′, куда приходили парни с гармошками. Тогда и работа не спорилась: играли в различные игры, загадывали загадки, сказывали сказки.

Однако старые поверья, обычаи и в особенности многочисленные суеверия исчезали и видоизменялись вместе с изменением социально-экономического строя в стране. Изменилось отношение и к загадкам. Писатель

---

1 *Шестакова Т. А.* Горномарийские сказочники. — «Учен. зап. МарНИИ». Йошкар-Ола, 1951, вып. IV, с. 237.

2 *Кереметь* — рощи язычников, где жертвы приносились злым духам.

3 Заволжский муравей, кн. X. Казань, 1838, с. 585.

4 *Четкарев К. А.* Марийские сказки Ронгинского района. Л., 1937, с. 3.

5 *Шестакова Т. А.* Горномарийские сказочники, с. 237.

А. Ф. Конаков указывал, что уже в начале 20-х годов загадками полезно коротали время и летом[1]. Но следует отметить, что в иных местах и по сей день некоторые из этих традиций продолжают бытовать.

Древнейшие функции с течением времени сменились новыми. В первую очередь, в настоящее время народные загадки служат прекрасным средством народной и школьной педагогики[2]. Правда, в течение ряда веков развитие народной загадки и народной педагогики шло параллельно и в теснейшем взаимодействии. Но народная педагогика сохранила свои позиции и по сей день: бессмертны ее средства — песни, сказки, загадки, пословицы и поговорки[3], ибо «ум десятков миллионов творцов создает нечто неизмеримо более высокое, чем самое великое и гениальное»[4]. Поэтому загадки являются не только средством развлечения, но и орудием развития сообразительности детей.

Процесс отгадывания загадок обычно начинается так:

— Туштым туштем, палыза:

Шыл подышто кӱртньӧ шолеш.
— Чонан, чондымо?
— Чондымо.
— Тӱнӧ, пӧртыштӧ?
— Тӱнат лиеш, пӧртыштат лиеш.
Кушто имне уке, тушто ок лий.
Ындыжым каласенак пуышым.
— Мо гын?! Чондымо, тӱнат, пӧртыштат лиеш... Палышым — сорлык!
— Сорлык шол.

— Загадку загадаю, отгадызайте:

В мясном котле кипит железо.
— Живой, не живой?
— Не живой.
— Где бывает: в избе или на улице?
— Бывает и в избе и на улице.
Где нет лошадей, там не бывает.
А теперь почти подсказал.
— Что же это такое? Не живое, бывает на улице и в избе... Узнал — удила!
— Правильно, удила.

Таким образом, в загадках обычно выделяются самые характерные особенности вещей, поэтому они яв-

---

1 *Конаков А. Ф.* Тулык ӱдыр. Казань, 1919, с. 9—10.

2 *Дмитриев С. Д.* Марий йылме дене занимательный грамматика. Йошкар-Ола, 1970, с. 5—6.

3 *Волков Г. Н.* Этнопедагогика чувашского народа. Чебоксары, 1966, с. 7.

4 *Ленин В. И.* Заключительное слово по докладу Совета Народных Комиссаров 12 (25) января (1918). — Полн. собр. соч. Изд. 4-е, т. 24, с. 431.

ляются прекрасным средством познания материального мира. Например, в загадках о солнце детский ум узнает о роли дневного светила в природе: «Чевер мундыра мландым куча» — «Алый клубок землей правит»; «Чодыра дечат кӱкшӧ, волгыдо дечат волгыдо» — «Выше леса, светлее (краше) света» [1] и др. Или, например, загадки о представителях животного и растительного мира в лаконичной форме знакомят детей с характерными чертами отдельных видов: «Тувырым ик ганат ок чий, кажне ийын кудашеш» — «Ни разу рубаху не надевает, а каждый год снимает» — земля; «Чондымо— кочкеш, кӧ куча—магырен куржеш» — «Не живой, а ест, тронешь — заревешь» — крапива [2]. Правильно подметила М. Рыбникова, назвав загадку «курсом мироведения» [3].

Загадки являются также эффективным средством трудового воспитания, разъяснения детям общественного характера труда: «Икте ышта, тӱжемын шупшалыт» — «Сделал один, целуют тысячи» — ковш; «Икты ӹштен — шӱды кыча» — «Сделал один, пользуется сотня» [4] — дверные ручки и др.

В загадках можно заметить интерес народа к трудовой тематике; например, в сборнике 1967 года количество загадок об орудиях и процессах труда занимает значительный процент (об орудиях труда — 23,13%, о процессах труда — 5,34%).

Этот жанр афористического творчества является прекрасным материалом развития наблюдательности, внимательности детей. А для этого необходимо подбирать тексты, созвучные фонетически, со словами, близкими по семантике. Например, «Йошкар кашташте ош чывевлак шинчат» — «На красной жердочке сидят белые курочки» — зубы, и для сравнения: «Ош чыве йошкар муно ӱмбалне шинча» — «Белая курочка сидит на красных яйцах» [5] — чайник и др.

Интересно отметить, что загадки, где средствами воссоздания образа служит цвет, в быстром темпе отгадываются учащимися художественных студий, членами

---

1 Марийские народные загадки, №№ 2, 1.
2 Там же, №№ 562, 350.
3 *Рыбникова М. А.* Загадки. Л., 1932, с. 6.
4 Марийские народные загадки, №№ 801, 1126.
5 Там же, №№ 615, 825.

кружков юных художников, юными натуралистами-мичуринцами, а загадки же, в которых имеются всевозможные звукоподражания или другие эвфонические приемы — детьми, занимающимися в музыкальных школах, участниками школьной художественной самодеятельности.

Многие загадки в школьной практике можно использовать для развития логического мышления, в эстетическом и нравственном воспитании школьников[1].

Преподаватели литературы и языка часто используют загадки на уроках и во внеклассной работе для привития интереса к родному слову, развития поэтического мышления и как материал для выразительного чтения.

В силу всех этих воспитательных и познавательных функций народная загадка прочно вошла в учебники по родной речи, в программу курса родной литературы. Автор первого марийского букваря Г. Г. Кармазин свою книгу начинает непосредственно с загадки — «Ош пасу, шем туш» — «Белое поле, черные семена» — книга[2]. Эта общественная функция, необходимость загадок делает возможным существование старых традиционных загадок, спасает их от забвения, а также открывает возможность создания новых их вариантов о новых предметах[3].

За последние годы в марийских школах стало традицией проводить вечера загадок, о которых в редакции республиканских газет «Марий коммуна» и «Ямделий» сообщают учителя и дети-юнкоры, что говорит о популярности этого жанра народного творчества на современном этапе[4].

Видя в народных загадках составную часть родной культуры и истоки историко-этнографических данных, работники культурного фронта 20-х годов призывали воспользоваться ими для распространения новых обрядов и обычаев, сообразных новой жизни. При проведении вечеров предлагалось включать в их программу но-

---

1 *Никитина М. А.* Загадки. — В кн.: Фольклор в эстетическом и нравственном воспитании школьников. Минск, 1969, с. 61—72.

2 *Кармазин Г. Г.* У пасу. М., 1925, с. 3—4.

3 *Митрофанова В. В.* Современное состояние русских народных загадок. — В кн.: Современный русский фольклор. М., 1966, с. 208.

4 *Сапаев В. Ф.* Тыгай кас пайдам пуа. — «Марий коммуна», 1962, 25 марта.

вые загадки. «В новые праздники,— говорили они,— необходимо включать интересные игры, показ физкультурных номеров, выразительные стихи, юмор, хорошие загадки, яркие танцы»[1]. Например, такие, как: «Мо пуля деч тораш чонгешта, чыла тушманым пуля деч чотырак пытара?» — «Что летит дальше пули, всех врагов разит крепче пули?»[2] — селькор и др.

Таким образом, загадка представляет собой средство воздействия на развитие умственной способности и на воспитание чувства прекрасного в человеке.

Исходя из вышеизложенного, в некоторой степени можно воспроизвести те или иные положения о древних истоках народной загадки.

Основа древнейших загадок покоится в желании человека познать мир, объяснить себе явления природы. Гром, молния, радуга, звездное небо, ветер — все это было непонятно нашему предку, пугало и в то же время радовало его своим величием. На окружающий внешний мир он смотрел по-своему, приписывая ему черты человеческого характера.

Древние следы такого перенесения человеческих черт на окружающую природу нередко встречаются и в настоящее время. Мы говорим *кече модеш* ′солнце играет′, *тул куржеш* ′огонь бежит′, *мардеж шӱшка* ′ветер свистит′ и т. д. Такое явление сохранилось и в марийских народных песнях[3].

Пытливый ум человека старался в художественных образах представить себе сущность непонятных явлений. Отголосок такого «познания» сохранился в народных загадках, главным образом, в загадках о природе и ее явлениях. Поэтому многие загадки — это сжатые и короткие мифы, своеобразно отражающие представления наших древних предков, которые считали, что природой и ее явлениями управляют духи. По представлению же древних марийцев существовали духи двух рядов—высшего и низшего, из которых первые назывались кӱшыл тӱнг ′верхние духи′ (добрые), то-есть обитаю-

---

1 *Васюк.* Пайрем эртарымым вашталташ кӱлеш. — «Йошкар кече», 1926, 18 сент.

2 *Пӧтыр Пайдуш.* Теле касым кузе эртарыман. — «Йошкар кече», 1926, 20 нояб.

3 *Бердников В. М., Тудоровская Б. А.* Поэтика марийских народных песен. Йошкар-Ола, 1945, с. 22—23.

щие где-то высоко в небесном пространстве, а вторые— ӱлыл тӱнг 'нижние духи' (злые), обитающие внизу, на земле, в воде, в болотах и т. д., вообще в пределах нашей планеты[1].

В связи с некоторыми особенностями развития марийских загадок можно отметить, что в обыденной повседневной речи предков встречались, главным образом, духи низшего ряда. Из первого же ряда можно заметить лишь самое общее название для всех них — юмо, которое употребляется в очень расплывчатом, диффузном значении. Юмо — это прежде всего пространство, небесная сфера. Например, старики и по сей день говорят *юмо кӱдырта* 'бог гремит' (по смыслу — гром гремит), *юмо волгалтеш* 'бог рассветает' (по смыслу — рассветает), *юмо ояра* 'бог проясняется' (по смыслу — небо проясняется). Или в загадке о петухе мы находим: «Почшо мландышке шӱдырна, йӱкшӧ юмышто шокта»—«Хвост по земле волочится, а голос в небесах (досл.— у бога) раздается»[2]. Так, по представлению предков, хозяином солнца была кечава 'мать солнца', ветра — мардежава 'мать ветра', хозяином воды— вӱдава 'мать воды'. Уродится хороший урожай, значит, в этом помогла шочынава 'богиня производительница-зиждалица'.

В хозяйстве древнего марийца случались несчастья, в природе — стихийные бедствия. По его определению, всеми делами руководили злые силы-духи.

Домашним духом был кудоводыж. К нему обращались в случае болезни главы семьи, падежа скота. Чтобы умилостивить его, приносились в жертвы гуси, утки, хлеб и т. д. Такое же отношение было и к другому злому духу — кереметю.

Древние люди считали, что и звери, и птицы, как и люди, разумные существа. Казалось, если можно попросить соседа помочь в чем-нибудь, то можно уговорить и природу, которая проявляла все признаки жизни: гремел гром, качались деревья и шумели листья, бежала и журчала вода. Если с человеком можно изъясняться словами, то почему бы не найти слова для

---

1 *Васильев В. М.* Идиомы, иносказательные изречения, слова-пережитки в марийском языке. — «Ученые зап. МарНИИ». Йошкар-Ола, 1948, т. 3, вып. I, с. 112.

2 Марийские народные загадки, № 419.

«разговора» с природой? Например, было непонятно человеку, почему медведь или заяц издали чуяли его и убегали, почему одна птичка предупреждала об опасности всю стаю. И древнему марийцу, добывающему пропитание охотой в глухих лесах, казалось, что они, может быть, понимают человеческую речь. Может, только эти слова должны быть не обыденными, а какими-то особенными, волшебными. Поэтому он начал избегать называть бога, духов своими именами, так как они могли ненароком подслушать его и наслать на него всякие беды. Поэтому ко всем демонологическим образам, созданным фантазией человека, наши далекие предки относились предпочтительно. Если же почему-либо приходилось говорить об этих существах, наделенных человеческим воображением иллюзорным могуществом, то они должны были называться совершенно другими словами. Например, вместо ия 'черт' говорили *кӱлдымаш* 'негодный', вместо овда[1] — *кужу ӱп* 'длинноволосая' *тупынь копа* 'лапками назад', *шеҥгел чапа* 'ноги, пятками назад'[2]. Правильно указывает Н. Т. Пенгитов, что они (подставные имена) в народе бытовали как эвфемизмы[3]. К слову, юмо 'бог' фигурировал как *кугурак* 'старейший' *ош пондаш* 'белобородый', *поро еҥ* 'добрый человек'; ия 'черт'—*каргыме* 'проклятый', *шемеч* 'чернуша', *шолып коштшо* 'ходящий тайком', *каза пондаш* 'козья борода', *ӱчызӧ* 'упрямый' и др.

Во многих местах распространенным мифолгическим существом был *Немде курык кугыза* 'старший горы Немда'. Его называли по-разному: *курык кугыза* 'горный старик', *курык кугу еҥ* 'горный большой человек'. По народному преданию, он был народным героем, который научил марийцев кузнечному делу, а также прославился ратными подвигами. Этот герой, умирая, наказал сородичам в трудных случаях обращаться к не-

---

1 *Овда* — легендарно-фантастическое существо женского пола с закинутыми на спину большими грудями и ступнями, повернутыми назад. По народному поверью, эти существа любят ездить верхом на лошади. Лошади же, доведенные ими до изнеможения, становятся неработоспособными.

2 *В. А. Акцорин.* Записи в д. Солаял Кировской области. — НРФ МарНИИ, МФЭ, 1966, тетрадь № 6, с. 35.

3 *Пенгитов Н. Т.* Кызытсе марий литературный йылме нерген. — «Марий альманах», 1947, № 1 (18), с. 135.

му. Он причислен марийцами к сонму духов-защитников. В обыденной речи у восточных марийцев не разрешалось называть его настоящим именем, а непременно местоимением в третьем лице *тудо 'он'* [1].

Мифологическими существами стали богатыри Пурш и Ягыдар, имена которых запрещалось произносить на месте их гибели. В противном же случае они могли мерещиться в глазах и творить всякие неприятности [2].

Говоря о происхождении загадок и их связи с тайной речью, С. И. Ибатов указывает, что у восточных марийцев был обычай не называть имени реки при ее переходе с тем, чтобы не потревожить духа реки, так как считалось, что в противном случае этот дух мог наслать болезни.

Или, скажем, если в деревне соседи не были связаны родственными узами, то для младших членов одной семьи считалось неприличным называть по имени старших членов другой семьи. В таких случаях младшие члены семьи сначала называли имена своих родственников, а потом уже отмечали родственную связь со старшими. Например, говорили: «К нам идет отец, мать или брат того-то и так далее» [3]. Следы подобных табу можно проследить и сегодня в традиционных обращениях.

Член кафедры финно-угорской филологии Будапештского университета Й. Эрдеди опубликовал работу под названием «Языковые табу в уральских языках», где он указывает: «Чтобы не говорить прямо о злом духе, чтобы не называть его настоящим именем, употребляются в языке марийцев, кроме слова со значением 'ненужный', и другие слова. В яранском диалекте марийского языка его (опай) скрывают за названием 'лохматый'. В другом районе марийского края лешего называют 'невидимым'. Например, «Мый уждымым ужынам — чодыра кугыжам» — «Я видел невидимого — лесного короля» [4].

---

1 *Васильев В. М.* Идиомы, иносказательные изречения, слова-пережитки в марийском языке, с. 115.

2 *Орай Д. Ф.* Тӱтыра вошт. Йошкар-Ола, 1951, с. 243.

3 *Ибатов С. И.* Марий кальк мут ден тушто-влак, с. 24—25.

4 *Эрдеди* И. Языковые табу в уральских языках. — Annales Universitatus Scientiarum Budapestinensis, Sectio Philologiko, t. V. Budapest, 1964, s. 98.

До настоящего времени сохранились следы запретных слов охотничьего и скотоводческого быта марийцев. Например, чтобы не накликать волка на стадо, его называют *кужу пӱй* 'длинные зубы', *йӱштӧ нер* 'холодный нос', *кужу поч* 'длинный хвост' или *ӱш поч* 'дубинка-хвост', *йулгы кек* 'хладнокровная птица' и др. «Кужу пӱян, сур межан, ял воктен коштеш, шем ужгам кычалеш» — «Серовато, зубовато, по следам рыщет, черную шубу ищет»[1] — это народное определение волка в загадке. Подставное слово использовано очень уместно.

В прежние времена в лесных краях большой страх наводил медведь, поэтому охотники ни в коем случае не называли его своим именем. Членам семьи, оставшимся дома, категорически запрещалось упоминать его подлинное имя. Говоря о медведе, подбирали для него более лестные, похвальные имена: *чодыра ончыш̈о* 'лесник', *чодыра оза* 'хозяин леса' — это прежде всего, а потом уже — *тореш чапа* 'косолапый', *пун пылыш* 'мохнатые уши', *изи шинча* 'маленькие глаза' и т. д. У марийского народа есть загадка про медведя: «Чодыраште тореш чапа коштеш, мӱкшотарым кычалеш, теле шуэш — малаш возеш» — «По лесу бродит косолапый, пасеку ищет, зима придет — спать пойдет»[2]. Удмурты про медведя загадывают: «Синьёсыз пичиесь, пыдьёсыз пасьыкытэсь, тальын улэ, гуын кылле» — «Глаза маленькие, лапы широкие, в лесу живет, в яме лежит»[3].

Подобное отношение к медведю было и у манси. Один из этнографов указывает, что «из уважения вогулы никогда не называют его, говоря о нем, собственным именем, а лишь намекают на него словами *сам, дядя, почтенный* и т. д.»[4].

Среди охотников-промысловиков еще лет 10—15 тому назад можно было услышать пословицу: «Кӧ меранг чунгам кочкын огыл гын, тудо шылын ямжым ок пале» — «Кто не пробовал битков из зайчатины, тот не знает вкуса мяса». Заяц принадлежал к числу живот-

---

1 Марийские народные загадки, № 395.
2 Там же, № 393.
3 *Кралина Н. П.* Удмуртские народные загадки, с. 180.
4 *Остроумов И. Г.* Вогулы. — В кн.: Материалы по изучению Пермского края. Пермь, 1904, вып. I, с. 174.

ных, на которого охотились наши предки. Готовясь к охоте, в разговоре между собой и в молитвах, произносимых перед выходом на добычу, условно его называли подставными именами, иносказательными выражениями. Доктор филологических наук В. М. Васильев насчитал в свое время до 33 таких имен[1]. Наиболее распространенными среди них являются: *кӱчык поч* 'короткохвостый', *мутык поч* 'обрубленный хвост', *кужу пылыш* 'длинноухий' *тореш ӧрш* 'поперечноусый', *шайык шинча* 'косоглазый', *ош мундыра* 'белый клубок' *чулка йол* 'ноги в чулках', *чак пылыш* 'близкие уши', *тан пылыш* 'ровные уши', *шелше нер* 'расщепленный нос', *шенгек чумалтарыше* 'протягивающий ногу назад' и др.

Территория Марийской республики неравномерно покрыта лесом. Например, в северо-восточных и центральных районах его мало. Поэтому в этих краях и иносказания совершенно разные — *корем тага* 'баран овражный', *нур кайык* 'полевая птица', *нур тага* 'полевой баран', *пече гоч тӧрштылшӧ* 'прыгающий через изгородь'. В лесных же краях, например, в селе Помары Волжского райсна, часто его называют *чодыра кайык* 'лесная птица', *чодыра вольык* 'лесная скотина', *чодыра марий* 'лесной мужчина'. А другие названия *йонеж* 'стрела', *мрэк* и *агач* (непереводимые слова — *А. К.*), *лаптыл парня* 'плоские лапы' распространены повсеместно. Надо полагать, что они являются наиболее древними. Следы таких подставных слов сплошь и рядом сохранились в современных марийских загадках: «Пасу покшелне ош мундыра пӧрдалеш» — «Посреди поля белый клубок валяется», «Чылдым-чылдым, лаптыл парня пасмырля» — «Прыг-прыг, спасающийся плоскими лапками»[2] и др.

Подобные примеры можно привести и из фольклора других народов финно-угорской языковой группы. Удмурты про зайца загадывают: «Луд вылын тӧдьы бугор тйгыля» — «По полю белый клубок катится»[3].

Население старой Эстонии не называло зайца своим именем, чтобы не накликать этого непрошенного гостя на озимые поля, он имел несколько подставных назва-

---

[1] *Васильев В. М.* Тотемические пережитки в воззрениях марийского народа. — НРФ МарНИИ. Опись № 1, дело № 15, с. 18.

[2] Марийские народные загадки, №№ 398, 399.

[3] *Кралина Н. П.* Удмуртские народные загадки, с. 181.

ний. Одно из них — *хозяин осинника* 'aawikoisana', которое встречается в загадке «Kes on haawiku — eman-da». — «Кто хозяйка осинника?»[1].

Слова-табу имели и другие лесные звери, например, ёж — *пучымышым шолтышо* 'варящий кашу', белка — *поч кутыш* 'длиною с хвост', лиса — *выжга поч* 'пушистый хвост', лось — *кугу ушкал* 'большая корова', олень — *торга шур* 'ветвистые рога' и др.

Домашние животные тоже не страдали отсутствием подобных замен. Например, лошадь называлась *шарпоч* 'волосяной хвост', овца — *чытырыше поч* 'дрожащий хвост, коза —*ия вольык* 'чертова скотина', свинья — *тыртыка нер* 'кругленький нос', *кергалтыш нер* 'вывороченный нос'[2].

Тотемными были некоторые жертвенные животные и рыбы, которых строжайше запрещалось называть своими именами. Это также было своеобразным табу. Например, лошадь, приносимая в жертву высшим духам, в молитвенных обращениях называлась *оргамак* 'рысак'. Она же при жертвоприношении низшим духам называется *шарпоч* 'волосяной хвост'. Щука, жертвуемая низшим духам, называется не *нуж* или *нужгол*, а *вӱдӱшкыж* 'водяной бык'. В различных районах щуку называют *чортан*, *чорага*. Это тоже, несомненно, следы своего рода табу.

Охранительные имена и прозвища имели также птицы и насекомые. По суждению предков, они спасали их от злых духов. Поэтому существовал запрет, например, называть пчелу ее прямым именем, а говорили *изи кайык* или *изи кек* 'маленькая птица, пташка', *тыгыдыл* 'ноженьки'[3]. Загадка подтверждает это: «Шке изи кайык гына — шемер калыклан пашазе» — «Сама пташечка, для народа труженица»[4]. А эстонцы называли mesilane 'медовый'[5], удмурты —*пичи гине папа* 'маленькая птица'; «Пичи гине папа вичяк музье ем эз

---

[1] *Аникин В. П.* и Садовников Д. Н. и его сборник загадок. — В кн.: Русские народные загадки. М., 1959, с. 22.

[2] *Васильев В. М.* Марий мутер. М. 1928, с. 258, 252.

[3] *Hämäläinen A.* Tseremissien mehiläisviljelyksesta. SUSA XXVII. Helsinki, 1909, s. 4.

[4] Марийские народные загадки, № 489.

[5] *Munel V.* Eesti-vene sonaraamat. Tallinn, 1955, s. 327.

ортч ок» — «Хотя и маленькая птица, а всю землю облетит» [1].

Отзвук такого явления сохранился и до наших дней. В произведениях художественной литературы действующие лица, желая говорить намеками, употребляют подставные слова: сова — *пылышан кайык* 'птица с ушами' [2]; пчела — *изи кайык* 'птичка', *тыгыде кайык* пташечка [3]; лиса — *кылта поч* 'хвост снопом' [4] и др.

По аналогии называли иносказательными подставными именами некоторые орудия охоты и рыбной ловли: ружье — *кадыр тош* 'кривой обух' или *кадыр кӱртньӧ* 'кривое железо', которое можно было услышать и в недавнем прошлом. Например, один из героев драмы М. Шкетана Оляй говорит: «Тый, Микал, пеш ит толаше, мый кадыр тош денат колтем вет...» — «Ты, Михаил, слишком не задирайся, а то я запущу в тебя кривым обухом...» [5].

В народе под запретом было даже желание охотника сообщить, что он собирается на охоту. Он не мог сказать *сонарлаш каем* 'иду на охоту', а непременно должен был выразиться *чодыраш каем* 'иду в лес' или *кожлаш кошташ каем* 'иду ходить по лесу'. Возможно, по этой причине об охотнике и рыболове народ в настоящее время загадывает: «Нимом йомдарен огыл — кычал коштеш, нимом ок уж — кучаш толаша» — «Ничего не потерял — пошел искать, ничего не видит — хочет поймать» [6].

В приведенных примерах очевидна генетическая близость загадки с подставными словами, поскольку «производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную действительность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни» [7].

---

1 *Первухин Н.* Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Вятка, 1888, с. 79.

2 *Казаков М.* Эрикын каникулжо. Йошкар-Ола, 1969, с. 28.

3 *Мухин Н. С.* Ушан дурак. — Избран произведения, т. 2. Йошкар-Ола, 1968, с. 37; *Элексейн Я.* Ӧрмӧк. — В кн.: Ойлымаш ден повесть-влак. Йошкар-Ола, 1955, с. 32.

4 *Шадт Булат.* Кылта поч. — В кн.: Акнаш. Йошкар-Ола, 1966, с. 19.

5 *Шкетан М.* Сардай. — Собр. соч. т. 1. Йошкар-Ола, 1962, с. 36.

6 Марийские народные загадки, № 657.

7 *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения, т. 3. М., 1955, с. 24.

тывают реальную действительность [1]. Следовательно, обширна тематика и марийских народных загадок.

Какие же явления природы отображает она, какова тематика и идейное содержание марийских народных загадок?

Прежде всего, они связаны с предметами земледельческого труда и крестьянского быта. На первом месте загадки о земледелии, о домашних животных. Другую большую группу составляют загадки об окружающей природе и ее явлениях.

Чтобы легче понять отношение марийского народа к природе и ее явлениям, проследить эволюцию его быта и мировоззрения, загадки рассматриваются по следующим тематическим группам:

а) вселенная и явления природы;
б) растительный мир;
в) мир животных, птиц, рыб и насекомых;
г) человек и части его тела;
д) жилище и другие хозяйственные постройки;
е) орудия труда и предметы народного быта;
ж) загадки различного идейного и историко-этнографического характера.

Вселенная в загадках марийского народа прежде всего предстает в образе *кава* 'неба', которое народ представлял как *кугу канде тенгыз* 'большое синее море' откуда не выплыть, *кугыжан под* 'царский котел', который нельзя опрокинуть, *пидаш лийдыме канде шовыч* 'синий платок', который не повяжешь на голову, *висыдыме пасу* 'немеряное поле' [2].

Кава — одна из старейших языческих богинь, которая считалась духом природы. Как указывает Г. Яковлев, в древнюю пору финны и угры молились ей, чтобы излечится от разных болезней [3]. В карельских народных рунах она называется *кабу* 'родительница, женщина-мать' [4]. А марийская народная пословица «Ава—кава» («Мать—небо») [5] подтверждает, что небо понима-

---

1 *Чичерев В. И.* Русское народное творчество. М., 1959, с. 327.
2 Марийские народные загадки, №№ 27, 28, 29, 37.
3 *Яковлев Г. Я.* Религиозные обряды черемис. Казань, 1887, с. 7.
4 Карельские эпические песни. М-Л., 1950, с. 349.
5 *Ибатов С. И.* Марийские пословицы, поговорки и загадки, с. 63.

Иногда и гром, и молния, и дождь слушателям-отгадчикам загадываются одновременно: «Канаган калт-калт, Янаган калт-калт (йылт-йолт), кужу пондаш шу-у!» [1].

Необходимо отметить, что гром, по народному миропониманию, является первичным существом, а молния — производным от него. В анимистическом мировоззрении марийца существовал бог-дух грома и бог-дух молнии в отдельности, следы этого ярко сохранились в языческих молитвах. Но под влиянием христианства его имя изменилось, бог грома ′кӱдырчӧ юмо′ приобрел жестокие черты библейского Ильи [2]. Так громовержецем стал Илья-пророк и у язычников вошел в сонм богов. Наверное, поэтому в загадках отдаленных населенных пунктов республики гром воссоздается в образе Ильи-пророка, а не смерти ′азырена′ [3].

С точки зрения народного мировоззрения интересны и поэтические загадки об облаках, ветре, снеге, тумане, буране, сугробах снега, сосульках и других явлениях природы.

В свое время видный представитель русской мифологической школы в фольклористике А. Н. Афанасьев пророчески заметил, что ученая разработка загадок доставит исследователю много драгоценных указаний на языческую старину [4]. Спустя ровно сто лет исследователь русских народных загадок В. В. Митрофанова констатирует, что большинство загадок о планетах и явлениях природы действительно восходят к глубокой древности и хранят образы и представления древнейших времен. Во многих случаях, по ее мнению, ученые-мифологии были, очевидно, правы [5].

---

1 Марийские народные загадки, № 108 — Звукоподражательная загадка о раскате грома, сверкании молнии и шуме дождя. Для консонанса заимствованы слова с татарского языка — *канат* ′крыло птицы′, *янаган* ′огонь′ (Татарча-русча сузлек. М., 1966, с. 221, 710).

2 *Зыков И. В.* Религиозные течения среди марийцев. Нижний Новгород, 1932, с. 11.

3 *Азырен* — в марийской мифологии смерть как существо.

4 *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу, кн. I. М., 1865, с. 25.

5 *Митрофанова В. В.* Историческая действительность в загадках. — В кн.: Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965, с. 285.

лось людьми как мать. Здесь кава явно «представляет собою продукт самого яркого выделения пословицы из религиозного мира»[1]. Видимо, по этой же причине на фоне неба ′кава′ изображаются солнце ′кече′, луна ′тылзе′ и звезды ′шӱдыр-влак′.

Предки марийцев еще в незапамятные времена хорошо понимали могучую роль солнца в жизни человека, поэтому поклонялись ему и считали его источником всего живого на земле. Следы такого почитания мы можем находить в ранних письменных памятниках. Например, немецкий поэт-путешественник Адам Олеарий, посетивший марийский край примерно в 1634—1635 годах, отмечает такой факт. Когда он спросил, почему марийцы не молятся иконам, мариец ему ответил: «Чем молиться доске, намазанной краской, лучше почитать солнце, так как оно дает жизнь»[2]. Поэтому, очевидно, дневное светило изображается: «Чевер мундыра мландым куча» — «Алый клубок землей правит», или «Чодыра дечат кӱкшӧ, волгыдо дечат волгыдо» — «Выше леса, краше света»[3].

Ночное светило — луна изображается как сестра солнца: «Изаже деке (акаже деке) шӱжарже уналыкеш мия — изаже (акаже) шылеш» — «Сестра младшая к брату (сестренка к старшей) в гости идет, он (она) от нее прячется»[4].

По отношению же к звездам солнце и луна старшие: «Кок озан шотлен пытарыдыме тарзышт ушо» — «У двух господ—не счесть слуг», или «Пасушто шотлыдымо вольык, вольыкшым кок кӱтӱчӧ кӱтат» — «На поле стадо несметное, то стадо стерегут два пастуха»[5]. Подобное восприятие небесного свода наблюдается не только у финно-угорских народов, но и в загадках славянских народов, например, украинского: «Череда не мчена, толока не миряна, пастух не найманий»[6].

Звезды же ′шӱдыр-влак′ в загадках предстают как вещи повседневного обихода — ковш ′корка′, монета

---

1 *Мухин В. А.* Кое-что о фольклоре и его природе. — В кн.: Васильев В. М. Марий калыкын йомакше..., с. 22.

2 *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. — Цитируется по «Учен. зап. МарНИИ». Йошкар-Ола, 1951, вып. IV, с. 165.

3 Марийские народные загадки, № 2, 1.

4 Там же, № 34.

5 Там же, № 35, 38.

6 Українская народная поетична творчість. Київ, 1965, с. 128.

Богат и растительный мир Марийского края, где мариец жил с незапамятных времен. В лесу он охотился на зверей и птиц, собирал плоды деревьев, ягоды и грибы, одним словом, умело пользовался дарами природы. Естественно поэтому, что он прекрасно знал породы деревьев и трав, их качества и свойства, по мере необходимости использовал их в своем натуральном хозяйстве.

Среди растительного мира особое место занимают деревья. Загадки различают их породы: «Кенгежым сывным чия, телылан кудаш пышта» — «Летом одевается в свадебную одежду, зимой снимает» — лиственные деревья; «Кенгежше, телыже — икте вургемже» — «И летом, и зимой — в одежде одной» — ель, сосна; отдельные части деревьев: «Пушенге кӱкшыт, ончалат — ок кой» — «С дерезом равно, а не видно его» — сердцевина, или «Кож вӹлны изи пад кеча» — «На елке висит котелочек» — елсвые шишки, «Элексей пондаш вожын» — «Борода Алексея раздвоенная»[1] — сосновые иголки.

Загадки оттеняют, кроме того, своеобразие каждого отдельного дерева, отдельной породы: «Ош ушкалем тореш кваштан» — «У белой коровы поперечная шкура» — береза, или «Пеледам—ошемам, тамлын ӱпшалтам, шуамат — йошкар каштасе чыве дек куржам» — «Расцвету — побелею, аромат издаю, как созрею — поспешу к курицам на шесту» — черемуха; «Пасу покшелне сӧсан солык кеча» — «Посреди поля висит полотенце с кистями» — рябина[2].

Из кустарниковых пород свое отражение в загадках нашли калина 'полан' («Чондымо — вӱран» — «Не живая, а с кровью»), белая жимолость 'оскиза' («Ик тумна ныл шинчан» — «Одна сова — четыре глаза»), можжевельник 'лӱмегож' («Чодырасе ломбыгичкем ладыра кожеш шочеш» — «Лесная черемуха растет на приземистой елочке»), шиповник 'шуанвондо', который предстает перед нами в некотором юмористическом аспекте («Пушенге деч кугу мо уло?» — «Что выше дерева?»). Аллегория здесь, видимо, указывает на ветви с многочисленными шипами. Другой же текст («Шал-

---

[1] Марийские народные загадки, №№ 163, 164, 174, 168, 170.
[2] Там же, №№ 182, 190, 188в.

'тенгге', червивая шкура 'шукшан коваште', гвозди 'пуда'; как домашние птицы и животные — овца 'шорык' курица 'чыве'; как растения или лища — горох 'пурса', репа 'реве', колобки 'ӱяча'[1]. Подобные образцы мы встречаем и у многих народов Сибири. Например, Большая Медведица в обрисовке баунтовских эвенков: «Семь мужчин караван ведут, не привязали его»[2]. В них нет какого-либо следа благоговения перед звездами.

Земля как планета в народных загадках не нашла своего отражения. О ней говорится лишь с точки зрения земледельца, как о кормилице: «Мыйым кырат, мыйым пӱчкыт — мый ом коло, сӧралгем гына» — «Меня бьют, меня режут — я не умираю, становлюсь еще краше», или «Мо пӱнчыштӧ эн коя?» — «Что в бору самое жирное?»[3].

Следует полагать, что древними являются загадки об огне и воде. Культ огня до недавнего времени сохранился в обрядах и некоторых народных обычаях. При молении в священных рощах карт[4] брал у каждого из участников кусочек еды, ложечку пива и выливал все это в огонь мужского костра. В это время причастные стоят на коленях. Карт обходил всех, его помощник при этом высекал огниво[5]. Кстати отметим: ритуальный костер зажигался из «живого огня», то есть огонь добывался путем трения березовых и липовых брусков.

В большинстве случаев одновременно с огнем упоминается источник жизни другой полярности — вода 'вӱд'. В легенде происхождение земли тоже связывается с ней. Бог, желая сотворить землю, приказал керемети достать со дна воды землю, что и было сделано[6]. Как и огонь, вода тоже была предметом культа. Например, при жертвоприношении, чтобы определить, угодно ли животное богу, испытывали его, поливая водой.

---

1 Марийские народные загадки, №№ 26, 22, 19, 30, 37, 31, 17, 21, 23.

2 *Воскобойников М. Г.* Фольклор эвенков Прибайкалья. Улан-Удэ, 1967, с. 159.

3 Марийские народные загадки, №№ 12, 14.

4 Карт (онаен) — жрец.

5 *Риттих А. Ф.* Материалы для этнографии России, XIV, ч. I, Казань, 1870, с. 180.

6 Там же, с. 166.

По мере того как человек одерживал над природой одну победу за другой, открывая ее тайны, покоряя ее, он изменял и свое отношение к ней. В результате трудового опыта вера в мифические силы природы исчезала, становилась ненужной и старая условная речь. Первоначальная функция иносказательной речи сменилась новой: в художественной образной форме дать познание окружающего мира. Загадка из составной части древней тайной речи превратилась в чисто художественное явление со своими новыми общественными функциями. Она стала средством для развития и испытания остроумия, сообразительности людей. Торжество правильного реалистического взгляда на действительность привело к расцвету загадки как явления словесного искусства [1], но она не в меньшей мере служит и средством познания истории развития общества, культуры и быта народов.

---

1 *Аникин В. П.* Загадки. — В кн.: Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957, с. 68.

Глава третья

ТЕМАТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ МАРИЙСКИХ ЗАГАДОК

Исторические условия для каждого народа складываются своеобразно, и каждый народ в общем поступательном движении идет своими путями. Это ярко отразилось и в устном творчестве народов. Поэтому, как говорил А. М. Горький, подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества[1].

Загадка, подобно другим жанрам устного творчества народа, является художественной формой отображения объективной действительности, своеобразным средством поэтического выражения общественного бытия и сознания того или иного народа. В связи с такой общественной значимостью этого жанра при исследовании его тематического и идейного содержания необходимо учитывать данные других наук (этнографии, истории, археологии и языкознания), ибо фольклором был пронизан весь народный быт во всех его проявлениях. В фольклорные формы отливался и народный опыт, и народные знания.

Загадки марийского народа, как древнейшая составная часть народной словесности, были, как мы отметили выше, тесно связаны с бытом, хозяйством и окружающей природой, то-есть они очень широко охва-

---

1 *Горький М.* Доклад на I Всесоюзном съезде советских писателей. — В кн.: Литературно-критические статьи. М., 1937, с. 643.

Благодаря такому параллельному использованию загадки об огне и воде слушателям предлагаются одновременно: «Тӱняште кумыт тутло» — «Три вещи на свете нужнее всего» (имеется в виду третьим сон), «Тӱняште мом висен от керт?» — «Что на свете нельзя измерить?» [1].

Огонь представляется далеко небезопасным существом: «Чондымо-умшадыме — нигӧ деч чот кочкеш» — «Без души, без рта, а есть больше всех», или «Йошкар-агытан ойыркалыде чыла кочкеш» — «Красный петух пожирает все, не разбирая» [2].

Вода на земле представляется самой сильной среди растительного мира: «Мо пӱнчыштӧ эн виян?» — «Что в бору самое сильное?». Она в вечном движении: «Алашам йӱдшӧ-кечыже йорта — ок йонгло» — «Мерин мой днем и ночью бежит — не устает». Река сравнивается с вороной кобылой, строптивым мерином» [3].

Необыкновенно красивой и близкой по отношению к человеку предстает радуга 'шонанпыл': «Пасу покшелне сӱан пӱгӧ йолга» — «Посреди поля сияет свадебная дуга», или «Ямбатыр пӱгым руал ом керт»—«Дугу Ямбатыра закинуть не могу» [4]. В народном воображении «свадебная дуга»—разукрашенная лентами разных цветов упряжь, а ее гигантская внушительность подчеркивается именем легендарного национального богатыря Ямбатыра.

По сравнению с радугой в диаметрально противоположном аспекте изображаются гром 'кӱдырчӧ' и молния 'волгенче'.

Гром рисуется в образе смерти 'азырен': «Вуй мучаште азырен мӱгырен-мӱгырен кудалыштеш» — «Над головой смерть катается с грохотом», или лошади 'имне': «Имнем уло—кычкаш ок лий...»—«Есть лошадка—не запрячь...» [5].

Молния же —в образе кнута 'сола': «Солам уло—тучаш ок лий» — «Есть кнут — не хлестнуть», или вожжи 'сап': «Пижыктен кертдыме сапем уло» — «Есть вожжи — не закрепить» [6].

---

1 Марийские народные загадки, №№ 130, 1186.
2 Там же, №№ 1184, 1191.
3 Там же, №№ 94, 88.
4 Там же, №№ 116а, 118б.
5 Там же, №№ 107, 120.
6 Там же, №№ 120, 1421.

тенге-валтенге, порсын тенге» — первая часть предложения на русский язык не переводится, а вторая — 'шелковые рубли') подчеркивает, что шиповник, хотя и растет без помощи человека, без его ухода, но может дать кое-какой доход. В старину марийцы приезжим купцам продавали или обменивали на различные шелковые товары ягоды шиповника, которые являлись лучшим лекарством от многих болезней»[1].

Как и у других финно-угорских народов, у марийцев священными считались рябина 'пызле', черемуха 'ломбо', ольха 'нӧлпӧ'[2]. В их число входила, видимо, и сосна. Итальянский профессор Ст. Соммье пишет: «Среди золотистых колосьев там и сям поднимается несколько дряхлых стволов диких сосен, с изогнутыми, причудливыми ветвями, одни еще живые, другие уже мертвые, должно быть, священные деревья, к которым не смеет прикоснуться топор черемисина»[3].

Однако особенно почитаемым деревом все же была береза 'куэ'. В молыбищах в самой средине устраивалась площадка для жертвоприношения. На юго-восточном краю этой площадки обязательно должны были находиться два дерева — береза 'куэ' и липа 'писте'. Только эти два дерева будто бы способны привлекать божество во время моления, но береза ставилась выше липы и посвящалась самому Великому Богу, а липа — его жене. Из березы изготовлялся и стол-жертвенник, в нем и гвозди должны были быть березовые. С белой же березой связано и происхождение старинного м рийского национального костюма, но это утверждение маловероятное[4].

Из липы делали жертвенный пояс 'она ӱшто'. Во всю длину лутошки сдиралось вместе с паздерой нешироkое лыко, длиною до двух аршин. На паздере делались эллиптические нарезки, которые смачивались горячей кровью жертвенного животного. На одном из

---

1 Марийские народные загадки, №№ 194, 203, 204, 201, 202.

2 *Попов А. А.* Проблемы истории народа коми в связи с его фольклором. — В кн.: Фольклор народа коми, т. I. Архангельск. 1938, с. 21—22.

3 *Соммье Ст.* О черемисах. — Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1896, т. XVII, вып. I, с. 85.

4 *Кузнецов С. К.* Черемисская секта Кугу сорта. — «Этнографическое обозрение». М., 1909, кн. 79, с. 10—111.

концов от корня вырезались особого рода знаки 'тамга' символы того бога, которому посвящалось моление. Затем пояс привязывался к березе на высоте полтора аршинов от земли. Липовый же брусок служил еще и материалом для добывания живого огня.

Казалось бы, в загадках, посвященных этим культовым деревьям, должны были сохраниться некоторые религиозные наслоения, но этого не случилось. Они подчеркивают, как видите, только отдельные штрихи деревьев, например, березы — тореш коваштан 'с поперечной шкурой', ош тувыран 'в белой рубахе', шинчавӱдшӧ шере 'сладкие слезы'[1]. А о липе загадки вообще отсутствуют. Нами обнаружен лишь один текст недавнего происхождения, в котором говорится только о плодах-семенах липы: «Ик кашташте кум олма кеча»— «На одном месте — три яблока»[2].

Чем можно аргументировать такое отступление от религиозного канона, который отразился и в других древнейших марийских загадках?

Во-первых, это, по всей вероятности, объясняется тем, что одни культовые деревья (береза, липа, дуб), перед которыми молились высшим (добрым) духам и приносились жертвы с возлиянием на них крови животных, росли в мольбищах 'кӱсото'. А по языческой вере эти рощи-мольбища держались в чистоте, огораживались пряслами, лес из них не брался ни на дрова, ни на постройки. В рощу богов не принято было ходить без нужды, шуметь там, охотиться. Другие же священные деревья (сосна, ель, пихта), предназначенных для низших (злых) духов (кереметь, курык кугу ен 'горный большой человек', кӱвар кугызай 'мостовой дядя', мӱкш шырт 'пчелиный дух', кудоводыж 'домовой' и др.), росли в отдельных рощах и служили для жертвоприношения не богам, а кереметям, где человек должен был вести себя еще более осторожно: нельзя было брать в рот ягоды, называть имя керемети. Проходя мимо такой рощи, женщина, например, должна была отворачивать лицо[3]. А. Фукс пишет, что, проезжая мимо рощи или леса, посвященного кереметям, марийцы всег-

---

1 Марийские народные загадки, №№ 182, 184, 185.

2 Там же, № 206.

3 *Гольмберг У.* Религия черемис. Перевод с немецкого. — НРФ МарНИИ. дело № 92, с. 31.

да останавливаются, сходят с лошади и падают вниз лицом[1]. Страх перед кереметями был так велик, что марнец старался не только не говорить, но даже не думать и не смотреть на место воображаемого пребывания керемети [2].

Во-вторых, первоначально тотемизм, как древнейшая форма религии, был направлен на предметы реально существующего мира. Так как основными занятиями древнейших людей являлись охота и собирание плодов деревьев и кустарников, растений, то, естественно, и тотемистические представления были связаны прежде всего с животными и растениями. Исследователь религии мордовского народа Н. Мокшин указывает, что тотем животного происхождения до сих пор не обнаружен ни у одного мордовского или марийского рода или племени [3]. То же самое можно сказать и о растениях. Но наличие священных родовых деревьев или отдельных [4] топонимических названий, связанных с названиями некоторых животных, птиц и растений (деревьев), наталкивает на предположение об их тотемистическом происхождении. Вероятно, поэтому они и считались священными, «чистыми». Очевидно, поэтому же категорически запрещалось рубить такие деревья, наносить им какие-либо раны. А если же кто-либо и покушался на них, то, по народному поверью, он мог быть наказан высшим духом — убит громом (именно громом, а не молнией), искалечен на какой-нибудь работе, мог ослепнуть, оглохнуть и т. д. Одним словом, на них (береза, липа, дуб и пр.) было наложено своеобразное табу.

Загадки о представителях растительного мира были, несомненно, более позднего происхождения, когда языческая религия уже впитывала в себя христианские наслоения, о чем говорит отсутствие в них религиозных

---

1 *Фукс А. А.* Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840, с. 246.

2 *Васильев М. О* кереметях у чуваш и черемис. Казань, 1904. с. 8.

3 *Мокшин Н. Ф.* Религиозные верования мордвы, Саранск. 1968, с. 17.

4 Жители деревень Якай-Сола, Шергуял, Корак-Сола, Кюр-Сола и др. Советского района знают такие рощи — Йынатий кӱсото 'роща Игнатьевых', Тынапий кӱсото 'роща Тимофеевых', в которых одна родословная молилась березе, другая — ели.

пережитков или каких-либо набожных зерен языческого характера.

Еще до булгарского господства на Волге (VII—XII века) марийцы были знакомы с земледелием, сохраняя также и охотничий промысел. Ко времени присоединения марийского края к русскому государству (1552 г.) в основном преобладала подсечная система обработки почвы. Как свидетельствуют загадки, на выжженных участках высевали, видимо, по большей части рожь («Кугыжа кулланже кумалеш» — «Царь кланяется своему слуге»), просо ′тар′ («Пудапкаш пура, кормыжыш ок пуро» — «В пудовке помещается, в горсти — нет»), овес ′шӱльӧ′, («Акаж ден шӱжарже ик шовырым чиеныт» — «Две сестры в одном шабуре[1]»). В особом почете был горох ′пурса′ («Пычылди—патыр»—«Крошка, а богатырь»), о нем существует 13 номеров загадок с вариантами[2].

Наличие тюркско-иранских языковых наслоений в многочисленных текстах о конопле[3] убеждают нас в том, что народ эту ценную техническую культуру знал с древнейших времен, находя ей применение в своем хозяйстве и быту.

Существует изрядное количество загадок, посвященных хмелю ′умла′, который «Ӱлан пӱкта, кӱшан игым луктеш» — «Внизу высиживает, вверху птенцов выводит», или «Парняш гае веле—капка гоч шуаш ок лий»— «Только с наперсток — через ворота не перекинешь»[4]. А в одном из текстов плоды хмеля сравниваются с грузилом безмена. Не исключено, что подобное сопоставление связано с коммерцией. Историческая литература отмечает, что марийцы разводили много хмеля и продавали его большей частью закупщикам, приезжавшим за ним из разных, даже сибирских, губерний[5].

Видимо, в более поздний период начали выращивать такую культуру, как гречиха ′шемшыдан′; «Шопке клатем кум угылан» — «Осиновый амбар (клеть) с

---

1 *Шабур* — род кафтана, верхняя летняя одежда из белого холста или белой материи.

2 Марийские народные загадки, №№ 236, 232, 229, 214—226.

3 Там же, №№ 249—256.

4 Там же, №№ 314, 315.

5 *Фукс А. А.* Записи о чувашах и черемисах, с. 313.

тремя углами [1], ибо клеть марийцами перенята от русских в XIX веке.

Из овощных культур в настоящее время на полях марийцы выращивают картофель, капусту, лук, огурцы, помидоры. Поэтому о них существует много загадок в разных вариантах. Но полтораста лет тому назад под огородом была мизерная площадь. Например, употребление картофеля в пищу почитали за грех, полагая, что там, где его сажают, рожь не родится. «В 1833 году, во время плохого урожая хлеба марийцы удостоверились в пользе картофеля» [2],—пишет А. Фукс. Современнику трудно даже представить, как предки обходились без него, ведь картофель по загадкам: «Мланде ӱячам ышта» — «Земля колобки делает», «Шудо муным мунча» — «Сама травка, а несет яйца». Загадка отмечает, что он кормит человека, откармливает свиней, в песчаной земле —рассыпчатая, в жирной — водянистая [3].

Капуста, по сохранившимся отголоскам в загадках, была перенята от русского населения; «Ик руш вате шӱдӧ пачаш чиен» — «Одна русская баба в сто одеж одета» [4]. Загадки других поволжских и пермских финно-угорских народов подчеркивают эту же мысль. Например, коми: «Ичӧт-ичӧт поп да сё ризиа» — «Маленький поп, да сто риз на нем» [5]. Некоторые марийские загадки про капусту можно считать общими с русскими: «Шӱдӧ пачаш зургемым чиен, иктыжынат полдышыжо уке»—«Целых сто одежек, и все без пуговиц» [6]. Она звучит как вариант русской народной загадки «Семьдесят одежек, а все без застежек» [7]. Такие детали, как застежка и пуговица, конкретизируют, что марийский текст более позднего происхождения. Вместе с этим имеются довольно оригинальные загадки о капусте, раскрывающие своеобразное восприятие марийца: «Вӱта шенгелне пел йолан комбо шога» — «За хлевом стоит

---

1 Марийские народные загадки, № 227.
2 *Фукс А. А.* Записки о чувашах и черемисах, с. 283.
3 Марийские народные загадки, №№ 226а, 264—268.
4 Там же, № 273а.
5 *Плесовский Ф. В.* Коми мойдьяс, сбыланкывьяс да пословицаяс. Сыктывкар, 1955, с. 245.
6 Марийские народные загадки, № 273.
7 *Садовников Д. Н.* Загадки русского народа, № 789а.

гусь на одной ножке»; «Метрий вуй тӱжем тумышан»— «У Метрия голова из тысячи заплаток»[1] и др.

Из ягод загадка поэтизирует землянику, костянику, бруснику и малину.

Народная наблюдательность не обошла стороной грибы и дикорастущие травы. Правда, пищевое достоинство грибов предками оценивалось не особенно высоко. Даже в настоящее время в лесных краях летом употребляют в суп в основном грузди и сыроежки, а волнушки и рыжики солят как сезонную пищу, на зиму сушат только спят. Этим, видимо, объясняется и то, что в загадках не отразились виды грибов.

Из трав в загадках мы встречаемся лишь с теми, которые использовались в хозяйстве (мох, дягиль, мята) или наоборот — доставляли лишние хлопоты (осока, крапива).

Весьма многообразен по своему видовому составу мир животных, рыб, насекомых республики. Мариец — житель лесного края — с глубокой древности отлично знал зверей и птиц и их повадки и тонко подметил штрихи в движении, поведении насекомых и рыб. С незапамятных времен он занимается животноводством, которому начал учиться у иранских племен[2]. Правда, оно не имело в то время самостоятельного значения и являлось как бы дополнением к основному занятию — земледелию. Скот разводился для нужд домашнего хозяйства.

Основной опорой в земледельческом хозяйстве мари была лошадь. Она использовалась круглый год как тягловая сила и как удобный вид транспорта. Поэтому о ней народ создал самые разнообразные загадки: «Пасу покшелне портыш лаптык» — «Посреди поля — лоскут войлока» — о лошади в поле; «Ваче ӱмбалнем курчак-влак тӧрштылыт»—«На моих плечах подпрыгивают куколки» — об ушах коня; «Ныл кугыжа шенгек пондашан улыт» — «Четыре царя с бородами на загылке»— о ногах коня; «Курык ваштареш вӱд кӱза» — «На го[illegible] вода поднимается» — о питье лошади; «Тумо ӱмбалне шорык, шорык ӱмбалне чыве, чыве ӱмбалне тумна» — «Дуб, на дубе овца, на овце курица, на курице сова»—

---

[1] Марийские народные загадки, №№ 269, 274.

[2] *Гордеев Ф. И.* Вольыкым кунам ашнаш тӱналыныт? — «Марий коммуна», 1961, 12 марта.

всадник[1]. По народным преданиям известно, что древние марийцы предпочитали двигаться верхом на лошади, пожитки свои возили или в липовых дуплянках (шовыш), которые вешались по сторонам седла, или волокли за собой на лубянках. На лошадях переходы делали гораздо быстрее[2].

В натуральном хозяйстве немаловажную роль играла и корова, обеспечивающая семью молоком и маслом. О ней тоже имеется немало загадок. Однако значительно большее предпочтение отдавалось овце, так как шерсть ее шла на изготовление всевозможной одежды. Поэтому она предстает в загадках в образе шубы да кафтана 'ужга' ден мыжер', которые ходят по долам да лугам[3]. Из шерсти же готовили нитки различных цветов для вышивания, вырабатывали сукно для верхней одежды, портянки и головные уборы. Кожа шла на изготовление обуви, овчина — шубы и тулупа. По этим причинам загадка твердо подчеркивает важную роль овцы в хозяйстве марийца: «Вольык деч кугу мо уло?»—«Кто из скотины важнее»—овца[4]. Существовал зимний календарный праздник шорыкйол (досл.—'овечья нога'), который сопровождался подворным обходом и народными театральными представлениями детворы и молодежи. Все это должно было способствовать плодовитости овец.

Свиней на мясо начали выращивать в недавнее время. Она, очевидно, в хозяйстве марийца проникла с запада, ибо многие детали текстов загадок о ней одинаковые, например, с литовскими: «Dangaus nemato—dejuoja»[5]—«Неба не видит—охает». Марийская же говорит: «Кавам ок уж — эре ныргыжеш» — «Неба не видит, а постоянно охает»[6].

Из домашних животных в афоризмах нашли свое отражение, кроме них, баран, коза, собака и кошка[7].

---

1 Марийские народные загадки, №№ 361, 359, 360, 1433, 1097.

2 *Ерусланов П. И.* Очерк быта и преданий восточных черемис. — «Известия Оренбургского отделения РГО». Оренбург, 1894, вып. IV, с. 3.

3 Марийские народные загадки, № 364.

4 Там же, № 366.

5 *Grigas K.* Vidutiniam mokykliniam amzivt, Vilnius, 1970, s. 315.

6 Марийские народные загадки, № 372.

7 Там же, №№ 353—356, 729—731, 367—389.

Мир лесных, то есть диких животных, в первую очередь представлен в образе медведя 'маска' («Теле мучко мала, шошым мӱкш ончаш кая» — «Зиму всю спит, весной на пасеку спешит»), затем — волка 'пире' («Кужу пӱян, сур межан, ялла воктен коштеш, шем ужгам кычалеш» — «Зубовато, серовато, по деревням рыщет, черную шубу ищет»), лисы 'рывыж' («Чодыра покшелне йошкар мундыра кия» — «Посреди леса лежит красный клубок»), зайца 'меран' («Пасу покшелне ош мундыра пӧрдалеш» — «Посреди поля белый клубок катается»), ежа 'шоншо' («Нерже сӧснан, межше кожын» — «Нос свиной, мех еловый»)[1].

Марийский край богат белкой, а в давние времена он еще более изобиловал этим пушным зверьком. В эпоху феодальных отношений (XVI—XVIII вв.) даже денежные счеты велись в единице, названной *кумыр*[2]. А выражения *казна капка почедыш* 'открыватель ворот казны', *пиалкан аваже* 'мать счастья', имеющиеся в загадках, также указывают на народную оценку белки.

Превращение объекта охоты — белки в деньги замечен в фольклоре коми и карел. Карельская загадка констатирует: «Куккаро куузесса» — «Кошелек на елке»[3].

Птицы, как домашние, так и дикие, представлены в загадках не меньшим количеством, чем домашние животные и лесные звери. В них раскрываются особенности птиц: «Пел ияш веле — юмын законым шинча» — «Ему всего полгода, а знаком с божьим законом» — петух; «Лыптыр-лаптыр Пигельде» — «Ковыляющий Пигельде» — утка; «Кенгежым мыйын ӱарня, телым — кугече пӱгӧ» — «Летом у меня масленица, зимой — пасхальный пост» — курица; «Шанчаш, шанчаш ӱмбалне — клат» — «Щепка, на щепке амбар» — гусь[4].

В значительном количестве загадок изображены дикие птицы, населяющие леса, реки и озера, луга и поля местного края. У одних народ приметил голоса («Парняш гае веле — семым луктеш» — «Сам с наперсток — выводит мелодии» — соловей; «Ти-ти партара, ту-ту

---

1 Марийские народные загадки, №№ 394, 395, 397, 398, 413.

2 *Кумыр* 'копейка'; *кум* + *ур* (досл. 'три белки').

3 *Евсеев В. Я.* Карельский фольклор в историческом освещении. Л., 1969, с. 51.

4 Марийские народные загадки, №№ 418а, 429, 422, 433.

партара, ортым пӧртым партара» — звукоподражательная загадка о пении жаворонка; у других — манеру движения и поведения: «Могай кайык ок чонгеште?» — «Какая птица не летает?» — коростель; «Вӱдыш пура-ие ш, южыш лектеш — чонгешта» — «В воде — плавает, в воздухе — летает» — утка; подметил броские различия внешнего вида: «Лум деч ошо, шӱч деч шеме» — «Белее снега, чернее сажи» — сорока; «Йыр вуян Стьопан» — «Круглоголовый Степан» — сова[1]. Естественно, что в иных текстах сочетаются и те и другие качества пернатых.

Если же сопоставить количество домашних животных и птиц с численностью диких, отраженных в загадках, то явный перевес на стороне последних. Это характерно и для других жанров фольклора. Прав С. Нурминский, который писал: «Весь сказочный мир черемис вертится около леса и его обитателей, все загадки и поговорки вертятся около его же»[2].

Наши реки и озера населены значительным количеством видов животного мира. Как непременный обитатель водоемов в загадках предстает рыба 'кол' («Шулдыран — ок чонгеште, йолжо уке — поктен от шу» — «Крылья есть, да не летает, ног нет, да не догонишь», или «Озажым кученыт, пӧртшӧ тӧрза гыч лектын каен» — «Хозяина поймали, а дом ушел через окно»[3]). Небезынтересно упомянуть, что немалое количество загадок о «бескрылом и безногом» у мордвы, коми и карел однотипны[4].

В комическом плане изображает народ лягушку: «Шымлу шым тӱрлӧ кайыкыштем иктыже почдымо» — «Из семидесяти семи пташек одна без хвоста», или «Шинчам карен шинча, шуршыла тӧрштылеш, айдемыла иеш» — «Сидит, выпучив глаза, по-блошьи прыгает, по-человечьи плавает»[5] и др. Лягушка, как и рыба, у финно-угорских народов изображается в подобном же

---

1 Марийские народные загадки, №№ 471, 473, 452, 476, 463, 456.

2 *Нурминский С. А.* Очерки религиозных верований черемис. — «Православный собеседник». Казань, 1882, XI, с. 242—243.

3 Марийские народные загадки, №№ 550, 549.

4 *Старожилов Т. В.* Коми-пермяцкий фольклор. Кудымкар, 1949, с. 104; *Самородов К. Т.* Мордовские народные загадки, с. 58.

5 Марийские народные загадки, №№ 559, 555.

образе. Например, мордовская загадка рисует: «Комотнезь якай, ломанькс уенди» — «Ходит прыгая, плавает как человек» [1].

В жизни леса, полей, лугов и самого человека огромную рюль играют насекомые. Прародители понимали это и стремились полезных использовать для своих нужд, вредных — уничтожать.

Значительное место в хозяйстве марийца занимало пчеловодство, поэтому о пчеле, меде и об улье имеется более полутора десятка текстов. Подчеркивается трудолюбие пчел («Изи шӱжарем йӱдшӧ-кечыже тӱрым тӱрла»—«Сестренка моя днем и ночью вышивает узоры»), то, что она приносит немалый доход («Окса мурза, мундыра гырз» — «Денежный мурза, маленький клубок) [2]. Первоначальное пчеловодство было бортевым, следы которого сохранились в загадке: «Пӱнчӧ вуйышто ярминга»—«На вершине сосны—ярмарка» [3]. Затем борничество уступило место колодно-пасечному типу пчеловодства. Колодный улей долбился из ствола дерева. Крыша его делалась из дубовой доски и покрывалась кусками бересты, а сам улей закреплялся лыковой веревкой к дереву или кольям — столбикам, он в афоризме рисуется следующим образом: «Епрем кугызай ний ӱштым ӱшталын, кугу упшым упшалын, мландым ончен шога» — «Дед Ефрем опоясался лыком, натянул шапку и смотрит землю». Улья-домики прочно вошли в быт марийского крестьянства только в начале XX века. Такая эволюция ярко отразилась и в загадке: «Ныл менге вуйышто пӧрт, тушто миллион калык ила»—«На четырех кольях дом, миллион людей в нем» [4].

Симпатия народа и на стороне муравья, ′кутко′, который «Изи гынат — виян тыр-тыр» — «Букашка маленька, да удаленькая», или «Чодырасе онар шкеж дечнелым нумалеш» — «Лесной богатырь таскает тяжелее самого себя». А муравейник сравнивается с овсяной кашей ′шӱльӧ пучымыш′, с плошкой с кипящим маслом ′ӱй пулашка шолеш′ [5] и другой пищей хорошего вкусового качества.

---

1 *Самородов К. Т.* Мордовские загадки, с. 58.
2 Марийские народные загадки, №№ 485, 486.
3 Там же, № 493.
4 Там же, №№ 1205, 1203.
5 Там же, №№ 499, 500, 501, 501б.

Народная фантазия неистощима, в ней, как на экране, изображаются клоп («Чевер енгам ӱпшыш неран»— «У красавицы-снохи нос воняет»), блоха («Тыш пырчык, туш пырчык, ольмак пырчык» — «Прыг сюда, прыг туда, прыг под лавку»), клещ («Изи Токтар, кугу Токтар — чодыран кузыкшо» — «Маленький Токтар, большой Токтар — приданое леса»), шмель («Чыж-быж, анипуни, яндан, умдан»—«Быз-быз, мохнатый, со стеклом и жалом») и много других насекомых, с которыми человек сталкивался на охоте, рыбалке, в борьбе за хороший урожай и в домашнем хозяйстве [1].

В обширной тематике предметных загадок наибольшее количество посвящено человеку.

Человек, как самое разумное создание природы, творец материальных и духовных ценностей, является и создателем фольклора. Поэтому вполне закономерно, что объектом самых лучших по содержанию, самых ярких и интересных по художественному воплощению марийских народных загадок является сам человек.

Предметом загадки является жизнь человека с самого его рождения («Талук наре казаматыште киенам, кум ий кӱчым пызым кочкынам, кум ий менге вуйышто кеченам» — «Около года находился в каземате, три года ел сырое мясо, три года висел на шесте»). Так в загадках многих других народов детство, молодость и старость предстают как диалектический процесс («Эрдене ныл йолан, кечывалым кок йолан, кастене кум йолан» — «Утром на четырех ногах, в полдень — на двух, вечером — на трех») [2].

«Без чего нет человека?» («Мо деч посна айдеме уке?») — спрашивает загадка, и тут же отвечает — без имени, которое: «Пижын да пижын, кеч-куш кай — пижын да пижын» — «Пристало и пристало, куда ни пойди — пристало и все», или еще выразительнее оттеняется: «Курымеш бздӱнг» — «Навечно прибили» [3].

Народная загадка видит источник эмоций в отдельных частях и органах человеческого тела: голове 'вуй' («Ик мундыра шым рожан» — «Один клубок с семью дырками»), волосах 'ӱп' («Имне кочдымо шудо»—«Трава, которую лошади не едят»), носу 'нер' («Йӱр ок

---

1 Марийские народные загадки, №№ 518а, 526, 538, 495.
2 Там же, №№ 568, 573.
3 Там же, №№ 574, 575.

йӱр, лум ок лум — волак гыч вӱд йога» — «Дождь не льет, снег не идет, а по желобку вода течет»), языке ′йылме′ («Ош кугила шайылны тарара шӹнза» — «За белыми березками сидит болтун»), зубах ′пӱй′ («Йошкар кашташте ош чыве-влак шинчат» — «На красной жердочке сидят белые курочки»), руке ′кид′ («Аван кок эргыжын когыньыштынат лӱмышт икгай» — «У матери два сына, им обоим — одно имя»), ноге ′йол′ («Кок каван ик вуеш кошарга»—«Два стога одной вершиной завершаются») и др. [1].

В данной группе большое количество вариантов имеет загадка о глазах ′шинча′ — 13, которые, как и в финских [2], вепсских [3], сравниваются с озером, дружными братьями и сестрами, называются работающими и самыми ценными, дорогими для человека: «Тӱняште мо эн кӱлешан?» — «Что на свете всего нужней?» [4].

Поэтичны загадки о внутренних органах человека: сердце ′шӱм′, желчи ′шекш′. Первое воссоздается в образе шувыш [5] с медом ′мӱй шувыш′ («Пӧртйымалне мӱй шувыш кеча» — «В подполье висит шувыш с медом»), или который «Без болячки болит» —′йора деч посна коршта′. Желчь уподобляется поршку с дегтем ′тегыт ате′ («Пӧрт покшелне тегыт ате» — «Посреди избы горшок с дегтем»), или зеленой куколке ′ыжар поханя′ («Камака лӹвалны ыжар поханя» — «Под печкой зеленая куколка») [6].

Чтоб выпукло видеть характерные особенности или провести идентичные параллели предметов, вещей и явлений, людская фантазия нередко их объединяет, группирует и подает в определенной ассоциации. Подобные афоризмы в этой тематической группе встречаются не в малом количестве. Например, голова в отдельных деталях (рот, нос, глаза, лоб, волосы): «Няма-няма, нямаш воктен йыгыр памаш, йыгыр памаш воктен чоркыт,

---

1 Марийские народные загадки, №№ 579, 587, 605, 611, 615, 622, 641.

2 *Kettunen L.* Näytleeita etelävepsästa I. Helsinki, 1920, s. 124.

3 *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Образцы вепской речи. Л., 1969, с. 266.

4 Марийские народные загадки, № 600.

5 *Шувыш* — кожаный мешок, в котором в прежнее время носили различные кушанья для совершения национальных обрядов (молений, свадеб, похорон, праздников).

6 Марийские народные загадки, №№ 635, 634, 638, 639.

чоркыт воктен чара курык, чара курык воктен чодыра» — «Чвак-чвак, рядом с ним два родника, за родниками — утес, за утесом — голая гора, за горой — лес». Такой «союз» составили зубы, язык и глотка: «Иктыже тӱя, весыже савыра, кумшыжо шӱка» — «Один рубит, другой ворочает, третий толкает» [1].

Образно поданы физиологические процессы, происходящие в человеческом организме, например, дыхание ′шӱлымаш′ («Йӱдшӧ-кечыже мом ышташ от ӧркане?» — «День и ночь что делать не устаешь?»), зевота ′уэштмаш′ («Капкажым почеш-тӱчеш, шкеже ок кой» — «Хлопает воротами, а самого не видно»), сон ′омо′ («Монар деч неле, мӱй деч тамле» — «Тяжелее камня, слаще меда»; «Мо эн тутло?» — «Что на свете самый смак?» [2].

Сюда же можно отнести тексты, в которых запечатлены всевозможные движения, совершаемые человеком. Например, ходьба ′ошкылмаш′ («Коктын куржыт, коктынат вашкат, икте-весыштым поктен шуаш тыршат» — «Двое бегут, двое спешат, хотят друг друга догнать») [3].

Замечаются и отдельные внешние недостатки и пороки человека, как косоглазие ′шайык шинчан′ («Ик окнан янакше важык» — «У одного окна косяки косые»), плешивость ′чаравуян ен′ («Сарай менге вуйышто ӱян мелна кия» — «На сарае лежит масляный блин») [4].

Загадка не обошла стороной и болезни человека. В комедийном плане предстает чирей ′кокша′ («Сӧсна мыйым савареш удыра, каза тӱкыжӧ дене ӧрга, айдеме веле мыйым чамана» — «Свинья меня о забор чешет, коза рогами бодает, один только человек жалеет»), или соринка в глазу ′шинча шӱк′ («Тумо ерыш пурен каен, ер шортеш, тумо уке» — «Пал дуб в озеро, озеро плачет, дуб — нет») [5].

Как самое ценное, самое быстрое и острое в загадках рисуется человеческий мозг ′вуйторык′ («Пурыдымо клатыштем ош мыжер кия» — «В амбаре незахоженном лежит белый кафтан»; «Нӱжым нӱжым, туштым туштышым, ош шовычеш вӱдыл пыштышым» — «Сказ-

---

1 Марийские народные загадки, №№ 583б, 617.
2 Там же, №№ 654, 658, 660, 661а.
3 Там же, № 655.
4 Там же, №№ 603, 578, 578а, 578б.
5 Там же, №№ 647, 646, 602.

ку рассказал, загадку загадал, в белый платок завернул»; «Тӱняште мо эн писе да пӱсӧ?» — «Чего быстрей и острей на свете нет?»[1].

Современные марийцы в отношении жилищ и дворовых построек имеют значительное сходство со строениями русских, живущих по соседству уже с первой половины XIII века. Поэтому и у тех и у других имеются подобные загадки. Например, о бревнах в стенах ′пырдыж пырня′ («Пӧртыштӧ—перемеч, тӱнӧ — когыльо»— «В избе — ватрушка, на улице — пирог» — марийская. «На улице—горбушка, в избе ломоток», или «В избе сплюшилось, наружи растопырилось» — русская)[2]; о дверях ′омса′ («Коктын шогат, коктын кият, кумшо мурен коштеш» — «Двое стоят, двое лежат, третий песенки поет» — марийская, «Два стоячих, два лежачих, один побегай» — русская)[3] и др.

В давние времена преобладающим типом жилища марийцев была курная изба ′шем пӧрт′ («Ӱшкыжын тупшо рожын» — «У быка на спине дыра»)[4], где бревенчатый сруб не имел пола и потолка. По этой причине загадка о луне констатирует: «Pört koklaste pel terke kəsal sin′ dza»—«Под крышей висит полблюдца толокна»[5]. С течением времени стали устилать потолок, по-видимому, из тонких еловых жердей, а для дымохода пользоваться деревянной трубой из цельного куска ствола липы и других лиственных деревьев, что также отразилось в загадке («Кудло ик кож, ик писте» — «Шестьдесят одна ель и одна липа»)[6].

Загадки об избе указывают на его детали, например, на пазы в стенах («Пӧрт йырем лакым кӱнчышым» — «Вокруг избы прорыл канавку»), слеги ′йытыркашта′ («Куд суас йолла-мучашла малат» — «Шестеро татар спят головой к ногам»), матицу ′авагашта′ («Шкеже пӧртыштӧ, вуйжо уремыште» — «Сам в избе,

---

1 Марийские народные загадки, №№ 580, 581, 582.

2 Там же, № 1101; Садовников Д. Н. Загадки русского народа, №№ 26, 27.

3 Марийские народные загадки, № 1122; Садовников Д. Н. Загадки русского народа, № 78д.

4 Марийские народные загадки, № 1104.

5 *Paasonen H.* Tscheremissische Texte. SUST LXXVIII. Helsinki, 1939, s. 35.

6 Марийские народные загадки, № 1105.

голова — на дворе»), порог ′омса лондем′ («Пурем гынат, лектам гынат — коя сӧснам кушкыжам» — «Захожу и выхожу — на свинье верхом сижу»), дверной крючок ′омса руалтыш′ («Кечывалым кеча, йӱдым суртым орола» — «Днем висит, ночью дом сторожит»)[1] и т. д.

Известно, что еще в XVIII веке окном в доме марийца служило четырехугольное отверстие, которое вместо стекла затягивалось пузырем. Позже стали применяться волоковые окна со стеклом («Межаже пу, ангаже яндау» — «Межи деревянные, поля стеклянные»)[2]. Постепенно волоковое окно вытеснилось косячным. Первоначально, видимо, оконных звеньев было меньше («Ким йӓр мындыр агылеп—икварешвӓшлин ак кердеп» — «Три озера рядом находятся, но никак не встретятся», или «Ик олыкыштем куд изи олык» — «На одном лугу шесть лужаек»), а сегодняшняя загадка иллюстрирует: «Ик шондыкем коло ныл угылан» — «Один сундук — двадцать четыре угла»[3].

Эволюционное развитие отразилось и в загадках о печке. В первое время она была без дымохода, ложилась на деревянном основании с глиняным очагом («Шун мекем от пукшо гын, ок ырыкте» — «Глиняного куля не накормишь — греть не будет»). В потолке избы делалось дымовое отверстие, которое обычно затыкалось втулкой с намотанными на нее тряпками («Матран умшаш шовычым шӱшкам» — «Рот Матрены заткну тряпкой»). С усовершенствованием избы претерпела изменение и печь: появился дымоход («Янгелде кугыза пӧртвуйышто тамакым шупшын шинча» — «Дед Янгелде сидит на крыше и покуривает»), ее стали белить («Ош кугызам кенгежым огытат ончал, а телым кажне кечын куанен вӱчкат» — «На седого старика летом и смотреть не хотят, а зимой каждый его погладит»[4].

Спутником избы до недавнего времени было помещение, называемое летней кухней ′кудо′, где в жаркое время варили пищу и выполняли другие домашние работы. Оно (кудо) помещалось обычно напротив избы

---

1 Марийские народные загадки, №№ 1102, 1109, 1112, 1130, 1132.

2 Там же, № 1138.

3 Там же, №№ 1145, 1135в, 1135.

4 Там же, №№ 1153, 1201, 1141, 1167.

через двор или посредине двора. Некоторые их даже называли летним домом[1]. Пол был земляным. Сруб подгонялся прочно, а крыша покрывалась специально со щелями, чтоб дым мог свободно подниматься от открытого очага («Шем ушкалемын тупшо рожын» — «У черной коровы спина дырявая»). В юго-западных районах республики слово кудо означает двор как отдельное хозяйство. Это явление запечатлелось и в загадке («Шолымын лӱмжӧ изажын деч кугу» — «Имя младшего брата знатней старшего»)[2].

Между избой и кудо ставились ворота 'капка'. В древнее время их заменяли заборы 'аныык' («Пупум нелеш» — «Дерево глотает дерево»). Затем появились одностворчатые ворота, называемые марийские ворота 'марла капка' и двустворчатые с крышей русские ворота 'рушла капка' («Кум изак-шоляк ик упшым упшалыныт» — «Трое братьев надели одну шапку»)[3].

За хозяйственным двором находилось гумно 'идым' («Кугыжан кугу салмажым кумыктен ом керт» — «Цареву сковороду опрокинуть не могу»), курная баня 'шем монча' («Идым-пече покшелне казамат шинча» — Посреди огорода стоит каземат») и овин 'агун', который имел в хозяйстве крестьянина-земледельца большое значение. Овин — коническое сооружение для сушки снопов — предстает в виде «Шем ӱшкыж пунжо еда шӱла» — «У черного быка дышит каждый волосок» с вариантами: — ик ушкалем 'одна корова', йошкар тунам 'корова-буренушка' и ачаже чурк 'отец шатер'[4]. Последний вариант, безусловно, описывает древнейший тип овина, называемый марла агун 'марийский овин', состоящий из ямы для разведения в ней огня и конусообразного строения из жердей, чтоб укрепить вокруг них снопы для просушки. Подобные шалашевидные сооружения встречались и у других финно-угорских народов Поволжья и Прибалтики[5]. С середины XIX века

---

1 *Паллас П. С.* Путешествие по разным местам Российского государства, ч. III, пол. 2. СПб, 1788, с. 39.

2 Марийские народные загадки, №№ 1195в, 1196.

3 Там же, №№ 1224, 1219.

4 Там же, №№ 1206, 1197, 1210, а, б, 1213.

5 *Жеребцов Л. Н.* Занятия крестьян локчимских селений в конце XIX вв.— В кн.: Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1963, вып. VIII, с. 51; *Heikel A.* Die Gebäuden der Ceremissen, Esten und Finnen. SUSA IV. Helsingfors 1888.

овины стали бревенчатыми в виде двухэтажных построек с четырехугольным срубом и дверцей посередине. Загадка отразила и это новое для того времени явление («Пире умшам карен шога» — «Стоит волк, разинув пасть»). Овин использовался главным образом осенью и зимой («Кенгежым исыр, телым тӱжӧ — «Летом яловая, зимой стельная»)[1].

Недалеко от избы посреди двора, а у некоторых и на улице, строился колодец-журавль ′варан таве′ («Ик марий эрат-касат юмылан кумалеш» — «Утро ли, вечер ли—мужик богу молится»), или колодец-ворота ′пӱтырымӧ таве′ («Ямбылат кугу подым кумыктен от керт»— «Большой котел Ямбылата нельзя опрокинуть») и рассадник ′шаге′ («Ныл йолан тенгыл талуклан ик гана вӱдым йӱэш» — «Лавка о четырех ногах раз в тод глотнет воды»)[2].

Усадьба с огородом обносилась изгородью («Кыгыр-мугыр, мом кӱтет? — Казам шекланем» — «Криво-косо, чего ты стоишь? — Коз стерегу») или тыном из тонких прутьев, веток ели («Тыге йӧре-варе, туге йӧре-варе, чыла йӧре-варе» — «И так спутана, и сяк спутана — все смешано»)[3].

Возле населенных пунктов на возвышенности обычно строились ветряки ′мардеж вакш′ («Курык вуйысо кува киндым йодын шога, пуэт — мӧнгеш пӧртылта» — «На горе бабка выпрашивает хлеба, получит — дает обратно»), а где имелись реки — водяные мельницы ′вӱд вакш′ («Кугу ӱшкыж почшым вӱдыш чыкен мӱгыра» — «Спустил бык хвост в воду и ревет»)[4].

Далекие предки марийцев долгое время не занимались земледелием, ибо оно возможно лишь в местах супесчаных, унавожение не шло впрок, да и скотоводство не могло процветать, так как кругом были леса и болота. Поневоле они сделались охотниками, бродили по окружности до 200 верст от своего дома, среди опасностей и лишений, и рыбаками[5]. Главным орудием охоты до появления ружья были лук ′йонгеж′ со стрелами

---

1 Марийские народные загадки, №№ 1211, 1212.
2 Там же, №№ 1192, 1194, 1208.
3 Там же, №№ 1220, 1222.
4 Там же, №№ 1235, 1230.
5 *Риттих А. Ф.* Материалы для этнографии народов России, Казанская губерния, XIV, т. I, Казань, 1870, с. 127.

′пикш′: «Озаже эре колта, колтымыжо эре кая, озаже мом кӱшта, тудым шукта» — «Хозяин посылает, посланный идет, что прикажет хозяин, исполняет»[1]. Из этого оружия марийцы метко стреляли по лесным зверям, по врагу. Об этом свидетельствует ряд исторических рукописных и печатных источников. Так, например, в одном из русских заговоров говорится: «Я раб божий заговор заговариваю на черном воску и на черном шелку... сохрани от стрел и от ногайских, и от литовских, и от черемисских и от чюваских»[2]. А Рычков П.[3] и Герберштейн[4] отмечают, что в стрельбе из лука самыми искусными являются марийцы и чуваши.

Зимой средством передвижения для охотника являлись лыжи, поэтому в народной загадке про лыжи говорится: «Вӱдым, рокым ужмекше огыл, лум курыкым ужмекше куана» — «Радуется не воде и земле, а снежной горе»[5].

Для ловли рыбы, кроме рыболовного крючка, часто пользовались мережой, которая изготовлялась из ивовых прутьев «Шаренге пӧртем йыр тӧрзан» — «Ивовый дом — окна кругом»)[6]. Рыба в пищевом рационе марийца составляла важное подспорье.

Спутником охотников была бортевая веревка ′вопш кандыра′, употребляемая, кроме своего основного назначения, также для добычи птиц и зверьков, застрявших на деревьях («Возеш — пий олмым налеш, шогалеш — пушенге кӱкшыт лиеш» — «Ляжет — не больше собачки место займет, встанет — ростом с дерево будет»), и лодка ′пуш′ («Киддыме-йолдымо мӱшкыр дене иеш» — «Без рук, без ног на брюхе плывет»)[7].

Позже, с появлением ружья ′пычал′, древние орудия охоты — лук, рогатина — вышли из употребления, но по традиции произносить наименование и новых предметов охоты было под запретом. Ружье называли

---

1 Сборник заговоров, заклинаний, и примет. — Рукописный фонд научной библиотеки им. Н. Лобачевского Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина. Фонд № 2366, с. 21.

2 *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии, с. 201.

3 *Герберштейн С.* Записки о Московии, с 139.

4 Марийские народные загадки, № 1266.

5 Там же, № 1266.

6 Там же, № 1288.

7 Там же, №№ 1274, 1269.

кадыр куэ ′кривая березка′, *кадырвондо* ′кривая палка′ («Кадыр куэ мӱндыркӧ шӱведа» — «Кривая береза плюет далеко»; «Кадырвондо ик чома акаш» — «Кривая палка — цена жеребенка»)[1].

Из спортивного инвентаря называются шахматы («Мэштет гын — модат, кертат гын — сенгет» — «Умеешь — сыграешь, сможешь — победишь»), конек ′ивол′ («Кок йолан, когынекшат кепшылтыме, а садак кудалыштеш» — «Две ноги, да и те спутаны, а все-таки бегает»), санки ′издер′ («Киндым пуэм — киндым ок коч, шӱлъым пуэм — шӱлъым ок коч, курыкым ужеш — юмым ужеш» — «Даю хлеба — не ест, даю овса — не ест, увидит гору — радуется как богу»)[2]. Охота, как промысел, в настоящее время в крае почти отсутствует, поэтому молодежь древнейшие орудия охоты причисляет к разряду спортивных инвентарей.

Одежда, обувь и украшения тоже отразились в этом жанре народного афористического творчества. Рассмотрение видов одежды, отраженных в загадках, мы начнем с женского костюма, ибо он в большей степени и по сей день сохранил традиционный национальный колорит.

В женском марийском костюме большим разнообразием и сложностью составных частей отличались головные уборы замужних женщин, среди которых рельефно выделялись четыре основных типа: сорока, шымакш, шарпан и шынгашовыч. По ним народ делит себя на четыре этнографические группы, ибо наряд являются специфическим для различных районов.

«Шокшо вӱта ӱмбалне кӱр лапчык» — «На теплом хлеву лубяной лоскут»[3] — в таком виде рисуется *сорока* (головной убор женщин в окружности города Йошкар-Олы). ′Шокшо вӱта′ теплый хлев — образ человеческой головы. ′Кӱр лапчык′ — обшитая холстом берестяная распорка, которая приспосабливается для того, чтобы сорока твердо стояла на лбу. По свидетельству загадки, она была хорошо орнаментирована («Какарика-марика, кызыл корка пеледыш»[4] — непереводимое выраже-

---

1 Марийские народные загадки, №№ 1277, 1279.
2 Там же, №№ 1286, 1267, 1268.
3 Там же, № 1358.
4 Там же, № 1359.

ние, состоящее из междометных слов и передающее блеск и богатую вышивку этого головного убора).

Шымакш — головной убор замужних женщин северо-восточных районов республики. Основу его составляют небольшой четырехугольный богато вышитый и разукрашенный кусок холста. Чтобы носить шымакш, поверх прически надевался остроконечный колпачок из бересты и войлока, который в загадках предстает в образе церкви 'черке' («Изи курыкышто черке шога» — «На горке церковь стоит»), или холмика («Изи гына курыкышто пӱсӧ вуян чонга» — «На горке холмик с острой вершиной»)[1].

Народная загадка иронически называет шымакш чертовой кожей 'албаста коваште', чертовыми штанами 'албаста йолаш', сатаной с хвостом 'почан сотана'[2]. Это, возможно, потому, что несмотря на красоту, он является большой обузой для женщин: требует изрядного напряжения зрения, отнимает много времени для вышивания и вреден для здоровья.

К концу XIX века размер шымакша уменьшается, вышивалась лишь трехугольная часть и конец головного убора. Середина же четырехугольного холста оставалась белой. С проникновением красного цвета плотность вышивки становится незначительной («Вӱта шенгелне йӧшкар солык кеча» — «За хлевом висит красный платок»)[3].

Шарпан носят женщины южных и юго-западных районов республики. Он представляет собой полотнище, два конца которого и края вышиты («Пӧрт шенгелне кок тренча кеча» — «За избой висят две дранки»)[4].

Из одежды упоминается рубашка 'тувыр' («Чондымо чонаным нелеш» — «Неживой глотает живого»), отмечаются его составные части: тесемка 'мелгандыра' с воротом («Мужыр мызым ваш йолыштем» — «Пару куропаток привязываю вместе»; «Кок исыр вате кечыгут кучедалыт» — «Две глупые бабы весь день дерутся»), отдельно ворот 'тувырмел' («Ик каван вуем унчыли кошартем» — «Два стога завершаю вниз головой»; «Кок

---

1 Марийские народные загадки, №№ 1355, 1355а.
2 Там же, № 1354—1356.
3 Там же, № 1354б.
4 Там же, № 1357.

каваным иктеш кошартем» — «Два стога завершаю вместе»). Загадки подчеркивают особенности и другой одежды: штанов ′йолаш′ («Кок мешак ик ангаи» — «Два мешка — одна горловинка»), перчаток ′парня-шан пиж′ («Вич кыдежлан ик омса» — «На пять комнат одна дверь»), шубы ′ужга′ («Шорык айдемым нелеш» — «Овечка глотает человека»), шелкового платка ′порсын шовыч′ («Ок коч, ок йӱ — шкеже ковыр» — «Не ест, не пьет, а сам щеголяет»), пояса ′ӱштӧ′ («Кангапий почшым нелеш» — «Худой пес проглотил свой хвост»)[1] и др.

Из постельных принадлежностей в загадках рисуются подушка ′кӱпчык′, перина ′тӧшак′, полог ′шынгалык′. Указывается, какую форму они имеют («Кок мӱшкыран, ныл неран» — «Два брюшка, четыре клюва»), из какого материала изготовляются («Кыне йымалне чыве ден лудо пызнен шинчат» — «Под коноплей жмутся друг к другу курица и утка»). В старину существовал обычай, по которому постель-перина не заправлялась, а свертывалась в углу. Отсюда и сравнения («Кастене олык, эрдене пуч» — «Вечером лужок, утром рожок», или «Кастене — перемеч, эрдене — когыльо» — «Вечером ватрушка, утром—пирог»[2]).

Вышивка была в плоти и крови женщин-мариек. Их искусством восхищался и продолжает восхищаться весь мир. Еще до Октябрьской революции марийская вышивка была представлена на выставке в Чикаго, посвященной 400-летнему юбилею Америки. В 1913 году в Париже она была удостоена Золотой медали. Лучшие образцы экспонировались на Всемирных выставках в Брюсселе, Мехико, Токио, Монреале и т. д. В настоящее время марийские вышивки экспортируются в зарубежные страны.

Народная загадка удостоверяет творческую изобретательность марийских вышивалыщиц. К примеру: «Ангаже деч йыранже чевер» — «Грядки краше полоны»[3]. Грядки — линии орнаментации, вышиваемые на концах рукавов, на плечах и на подолах рубах, по кра-

---

1 Марийские народные загадки, №№ 1230, 1321, 1322, 1366, 1326, 1332, 1323, 1336, 1335.

2 Там же, №№ 1316, 1318, 1317.

3 Там же, № 1363.

ям женских головных уборов, свадебных одежд; полоса — беловой материал.

Ясно, диалектика накладывает свои отпечатки и на искусство. По всей вероятности, другая загадка «Куэ пелен колдырма» — «Возле березки бубенчики»[1] выражает процесс перехода от старых традиционных узоров к новым. Животные элементы в виде коня и конских голов, фантастической птицы с распростертыми крыльями и многорукими фигурами и растительные элементы в виде деревьев, лепестков и листьев цветов встречаются в более древних типах орнаментов. Усложнившись, композиционно, этот зооморфный и растительный мотив (в данном случае березки)постепенно сливается с геометрической формой ромба, дав начало весьма сложному и совершенному по форме геометрическому узору (колдырма 'бубенчики')[2].

Загадки же о вышивке «Пӧрт йырем вӱрым йоктарем» — «Вокруг избы льется кровь» отражают формирование специфической гаммы красок в узорах. Первоначально вышивальщицы применяли всегда темные цвета и полутона. Кирпичный цвет заменял все тона красного цвета, зеленый и синий имели совершенно темный тон[3]. Затем эта полутонная гамма красок становится более яркой («Пӧрт йырем чыве чевер чапаже дене каялеш» — «Вокруг избы курица проходит алыми ножками»)[4]. А загадка «Пӧрт йыр вӱрангым кышкен коштам» — «Вокруг избы раскидываю веревки (привязь)»[5] отражает, по всей вероятности, оберегательное предназначение вышивки, применяемой в рубахах, которые надевались на медвежью охоту[6].

Значительная яркость и разнообразие отделки в современном марийском костюме говорит о том, что традиционный национальный колорит сохраняется устой-

---

1 Марийские народные загадки, № 1364.

2 *Яковлева В. Я.* О марийской вышивке. — «Учен. зап. МарНИИ». Йошкар-Ола, 1951, вып. IV, с. 25; *Риттих А. Ф.* Материалы для этнографии народов России, с. 144; ***Heikel A.*** **Tscheremissische** Stickereiornamentik. SUSA XXX. Helsinki 1913—1918, s. 1.

3 *Четкарев К. А.* Героини марийских сказок. — «Труды МарНИИ». Йошкар-Ола, 1956, вып. XI, с. 91—92.

4 Марийские народные загадки, № 1365а.

5 Из личного фонда автора.

6 *Крюкова Т. А.* Марийская вышивка. Л., 1951, с. 30.

чиво, но в процессе развития национального костюма формируются и его новые элементы[1].

«Обувь у мужчин и женщин как летом, так и зимой составляли онучи и лапти, которые только у богатых мужиков в праздничное время заменяются сапогами»[2],—пишет один из этнографов конца прошлого века. Это подтверждается и количеством загадок об этих предметах. Загадки подчеркивают отличие марийских лаптей от русских по форме («Ик коля кок почан — «Мышь одна, хвоста два» — лапоть марийцев; «Ик коля кок почан, кум неран» — «У одной мышки два хвоста, три носа» — лапость русских; «Марийын вуй гыч шочеш, рушын — йол гыч» — «У марийца родится с головы, у русского — с ног» — вот различие, подмеченное в плетении этой обуви[3].

Валенки в давние времена считались, видимо, в некоторой степени антисанитарными, ибо афоризм утверждает: «Эрже-касше терыс ямшык» — «И утром, и вечером навоз возит».

Сейчас можно слышать среди школьников новую загадку об обуви: «Кечывалым онга ден ий ӱмбалне, кастене кровать йымалне» — «Днем на льду и досках, а вечером — под кроватью[4] — ботинки.

Женщины и в настоящее время по традиции являются приверженцами всевозможных украшений. Нагрудные украшения составляют различные фибулы.

Шыркама 'брошка' («Йыр йыргештен, покшеч чывыштен» — «Кругом окружено, посредине ущипнуто»)[5] овальное украшение, пристегиваемое булавкой к рубахе.

Более респектабельным нагрудным женским украшением, имеющим вид трапеции, является почкама — нагрудное женское украшение из серебряных монет

---

1 *Крюкова Т. А.* К вопросу об изучении современной одежды марийцев. — «Учен. зап. МарНИИ». Йошкар-Ола, 1953, вып. V, с. 176.

2 *Трсицкая Н. Т.* Черемисы Арбанской волости. — «Известия ОАИЭ при Казанском университете». Казань, 1893, т. XI, вып. I, с. 66.

3 Марийские народные загадки, №№ 1348, 1351, 1347.

4 Из личного фонда автора.

5 Марийские народные загадки, № 1370.

(«Тӧрза шинча поян» — «Окошко избы все в серебре»), которые рядами пришиваются на белое или черное сукно. По краям оно оснащается ожерельем («Кынену-рышто кӱсле кеча» — «На конопляннике висят гусли»)[1].

Из наручных украшений чаще упоминается браслет 'кидшол' («Чива-чива — ваш ск шу» — «Тянется-тянется — концами не сходится») и кольцо 'шергаш' («Мучашдыме-тӱнгалтышдыме...» — «Без начала и конца...»; «Пундашдыме бочкышто тич шыл» — «Бездонная кадка полна мяса»)[2].

Из украшений загадка называет также ракушки 'кышкывий' («Ош вӱльын мӱшкыржӧ шелын» — «У белой кобылы распорот живот»), серьги 'кӧрж' («Чӱча-чӱча — чӱчалт ок керт» — «Капает-капает — капнуть не может»)[3].

В процессе исторического развития марийский народ создал богатое и разнообразное по национальным формам самобытное музыкальное искусство. Разнообразны и его музыкальные инструменты.

Одним из любимейших музыкальных шипковых инструментов народа являются гусли 'кӱсле' (горн.— кӓрш), сходные с многострунными шлемовидными русскими инструментами. Они имеют изящную трапециевидную форму и делаются из тонких березовых, ореховых или кленовых досок. Для верхней деки берется сухая еловая или пихтовая доска. В старину, по-видимому, они имели ярковыраженную треугольную форму («Кум лукан ангаштем шӱдӧ тӱрлӧ кайык мура»—«На поле с тремя сторонами поют сто разных птиц»)[4].

В седые времена струны изготовлялись кустарным способом из овечьих кишок. На старинных инструментах струн было только более десятка, что подчеркивается и в загадках («Пече воктен латкуд ӱшкыж мӱгыра» — «Возле изгороди ревут шестнадцать быков»). По мере усовершенствования их число постепенно возрастает до двадцати пяти («Ик пӧрт ӱмбалне коло вич шӱшпык шӱшкалта») — «На одной избе поют двадцать пять соловьев)», а сейчас доходит до 35—45 («Ик ага

---

1 Марийские народные загадки, №№ 1361, 1360.
2 Там же, №№ 1374, 1377, 1378.
3 Там же, №№ 1380, 1375.
4 Там же, № 1289а.

ӱмбалне ныллe ик пире урмыжеш» — «На одном поле воет сорок один волк»)[1].

Происхождение марийских гуслей точно не определено, но из истории религии ясно, что гусли применялись при культовых молениях, устраиваемых в священных рощах.

На гуслях играют как мужчины, так и женщины. Но вот в Горномарийском районе — только девушки, так как этот инструмент там считают нежным, женским. Имеется даже такая поговорка: «Плоха невеста та девица, которая не умеет играть на гуслях». И в недавние времена существовал обычай — не выдавать девушек замуж, пока не научатся играть на гуслях. Рассказывают, что в 80-х годах прошлого столетия одна горномарийка была вызвана в Угарман (у карман — 'ноная крепость'), то есть в Нижний Новгород, когда там был царь. Пожелав познакомиться с представителями местных инородцев, он потребовал к себе марийку-гусляршу. Ее игра так ему понравилась, что он подарил ей кубок[2].

В последнее время появились новые гусли — хроматические, с новым диапазоном, строением и внешним видом. Создателем такого инструмента является заслуженный деятель культуры Марийской АССР В. С. Кашутин. Загадка тоже не отстала от жизни, она уже гусли иллюстрирует по-новому: «Важык вуян ангаштем тӱрлӧ-тӱрлӧ кайык мура» — «Поле клином, там какие только птицы не поют»[3].

Древнейшим музыкальным инструментом, о которых сложены загадки, являются волынка 'шӱвыр' и барабан 'тӱмыр'.

Волынка, как указывает загадка, изготовляется из бычьего пузыря («Ӱшкыж сӱанлан кая» — «Бык идет на свадьбу»), и в недавнем прошлом была она во всеобщем употреблении («Пӧртан йӹде ик танпи» — «В каждой избе одним тоном»). К воздушному резервуару-пузырю приделывается парная игровая трубка 'чылым', которая издает довольно сильный жужжащий звук. Народная наблюдательность подметила такое звучание

---

1 Марийские народные загадки, №№ 1291, 1289б, 1290.

2 *Эшпай Я. А.* Национальные музыкальные инструменты марийцев. Йошкар-Ола, 1940, с. 32.

3 Марийские народные загадки, № 1289.

шӱвыра, и в загадках о ней довольно часто встречаются характерные аллитерации («Пшлач-пшлач пшладарм, ӱстел тӱрым пшладарм, важык-торык омса велыш», или «Пырлем-пырлем пырлялыым, чашка тарым пырлялыым» — на русский язык эти звукоподражательные загадки не переводятся»)[1].

Шӱвыр является неотъемлемым атрибутом марийского свадебного обряда («Сӱанлан кая»—«Идет на свадьбу»), ввиду этого в ее репертуаре часто слышны такие свадебные мелодии, как «Куштымо сем» — «Плясовая», «Тулаче куштымо сем» — «Плясовая свахи», «Кок пачаш» — «Парная», в попеременном исполнении двух солистов — «Ӱдыр капка ончылно»—«У ворот невесты». Из праздничных же исполнялись такие: «Семыкым ваш-лиймаш» — «Встреча семика», «Родо-тукым деке голынна» — «Посещение родных», «Сийлымылан тау мут» — «Благодарность за угощение». Из исторических остались «Мамай кугызан колымо деч ончыч шокталтыме семже» — «Предсмертная песня Мамая» и «Канайын мурыжо» — «Песня Каная»[2].

Как указывают исследователи марийского музыкального фольклора, шӱвыр (волынка) был спутником повседневной жизни древних мари, ибо до нас дошли мелодии разнообразнейших песен. Например, «Пӱнчӧ вуйышто шинчыме муро» («Песня, исполняемая на вершине сосны»), «Шурно пасу гоч эртен кайыме муро» («Песня, исполняемая во время прохождения через хлебные поля»), «Колышылан шоктымо» («Похоронная»[3]) и др.

Народная загадка в какой-то мере подтверждает высказывания музыковедов. «Пырлем-пырлем пырлалыым, чашка тарым пырлялыым»[4]—загадка о шӱвыре, где аллитерация воссоздает звуки музыкального инструмента, но выражение *чашка тарым* ′возле лесочка′ дает намеки на то, что загадываемый предмет втсрит чему-то

---

1 Марийские народные загадки, №№ 1294, 1297, 1296, 1298.

2 *Эшпай Я. А.* Национальные музыкальные инструменты марийцев, с. 20; *Чиванов Ю.* Чодыра сем. — «Марий коммуна», 1969, 15 ноябр.; *Никифоров П. Н.* Марийские национальные музыкальные инструменты. Йошкар-Ола, 1959, с. 58.

3 *Ефремов Т. Е.* «Шӱвырзӧ кугыза. — «У вий», 1930, № 5, с. 18—20.

4 Марийские народные загадки, № 1295.

возле чащобы. По всей вероятности, это сторожи постов на шӱвыре коротали свое время.

В другом тексте о шӱвыре сказано: «Пӱгыр кугыза пасу гоч шортын-шортын куржеш» — «Горбатый старик бежит через поле и плачет»[1], словосочетание пасу гоч 'через поле' тоже убеждает нас в правильности вышеуказанного вывода.

В 20—30 годы этот музыкальный инструмент стал выходить из всеобщего употребления, особенно в южных районах республики. В северных же, как в Сернурском, Маритурекском, Новоторъяльском и Советском районах, и в настоящее время шӱвыр является любимейшим музыкальным инструментом народа.

В современном свадебном обряде, на праздниках шӱвыр с барабаном 'тӱмыр' составляют традиционный дуэт. Об этом говорит сама загадка: «Ӱшкыж ден пий сӱан еда варгыжыт»—«Бык с собакой на каждой свадьбе гуляют» (досл. — 'визжат')[2]. Поэтому чаще всего в загадках шӱвыр и тӱмыр фигурируют совместно. В нашем сборнике имеется всего один номер о тӱмыре, представленном отдельно.

Загадка особо подчеркивает, что одна из основных частей тӱмыра—натянутая с обеих сторон корпуса мембрана — изготавливается из собачьей кожи («Ик пий кажне сӱаныш кошташ» — «Один пес на каждую свадьбу ходит»)[3].

Как констатирует искусствовед Я. А. Эшпай, в прошлом барабан у марийцев являлся праздничным, ритуальным, а также военным музыкальным инструментом[4].

Тӱмыром пользовались в общественных процессиях нравственного порядка. Если, например, замечали внебрачные отношения, то выводили виновных на улицу, привязав друг к другу, обвешав обоих старыми вениками, лаптями, и вели их по улице под громкий бой барабана[5]. По рассказам старцев и по художественному

---

1 Марийские народные загадки, № 1295.

2 Там же, № 1301.

3 Там же, № 1300.

4 *Эшпай Я. А.* Национальные музыкальные инструменты марийцев, с. 10.

5 *Мошков В. А.* Труба в народных верованиях. — «Живая старина». СПб., 1900, вып. 4, с. 464.

описанию некоторых прозаиков выясняется, что под ритмичный звон тӱмыра наказывали охочих до чужого добра, нечистых на руку. В загадках также указывается на подобное назначение инструмента. Повторяемые звукоподражательные фразы («тӱр ден тӧр, тӱр ден тӧр»— полнее, полнее; «пелыжат сита, пелыжат сита» — «достаточно и половины, достаточно и половины») воссоздают сцену экзекуции[1].

Во второй половине XIX века к марийцам начинают проникать гармошки. Местные мастера приспособили русский строй инструмента к особенностям национальных мелодий. Одна из разновидностей таких гармоник получила местное название марла гармонь 'марийская гармоника'. Она стала любимым народным инструментом, про которую намекают: «Ик клатыштем коло ныл агытан мура» — «В одном амбаре поют двадцать четыре петуха», или «Чондымо чонаным куштыкта» — «Неживой живого заставляет плясать»[2].

Древним духовым музыкальным инструментом марийцев является свистулька 'шӱшпык', которая изготовляется из глины в виде птицы или животного. По этой причине народ называет его глиняным соловьем 'шун шӱшпык'. На этом инструменте с тремя-пятью отверстиями можно исполнить довольно сложные мелодии. Загадка подметила и эту особенность «соловья»: «Чуни кайык семым луктеш» — «Желтоголовый королек мелодии издает»[3].

В народе бытует и другая свистулька, называемая *арама шӱшпык* 'ивовый соловей', которая обычно изготовляется из молодой ветки ивы или липы во время соковыделения. Она не имеет игровых отверстий. Про нее загадывают ту же самую загадку, которую мы привели выше.

Этими двумя духовыми инструментами пользуются в настоящее время из взрослых преимущественно пастухи, а дети учатся выводить первые мелодии.

В загадках отразилась дружба, творческая взаимосвязь марийцев с соседними народами.

Марийский народ с незапамятных времен живет на

---

1 *Лекайн Н. С.* Кӱртньӧ вий. — «Пиалан илыш», 1940, № 2, с. 68—69; Марийские народные загадки, № 1303.

2 Марийские народные загадки, №№ 1302, 1305.

3 Там же, № 1309.

великой реке Волге по соседству с татарами, чувашами, удмуртами и русскими. У каждого из них сложившиеся веками обычаи и национальные традиции, накопленный тысячелетиями хозяйственный опыт и житейская мудрость. Все это нашло свое отражение в устном поэтическом творчестве народов. Ясно, что между этими народами в различные исторические периоды были разные взаимоотношения, особенно до Великой Октябрьской революции. Но простой народ, чьими руками создавались все материальные ценности, всегда демократично относился к своему соседу-другу, к какой бы национальности он не принадлежал.

«Некоторое время тому назад вышел сборник марийских народных песен,— пишет известный татарский романист Гумер Баширов. — Я читал его с радостным изумлением: как мудр и поэтичен мой сосед!»[1] А марийское словесное искусство, в свою очередь, замечает яркие цвета одежды татарок, мастерство и умение мужчин-татар, которое нашло свое отражение и в загадках: «Авун вара вуйышто татарла шовыч кеча» — «На колоснике овина висит платок татарки» — кленовый лист; «Чодыра покшелне татар ӱдырын солыкшо кеча»—«Посреди леса висит платок татарочки» — рябина; «Кыгырикым-магырикым, тотенакым-волакым йывыжик, казанский мужик»—так звукоподражательная загадка говорит о ветряной мельнице, в строительстве которых мастера-татары принимали активное участие[2].

Крестьянам и рабочим — марийцам и татарам, чувашам и русским — одинаково ненавистны были ханы, мурзы, тӧра 'чиновники', ибо «не в ханских роскошных палатах, не в богатых теремах мурз и ханов крепла дружба марийцев и татар, а в мастерских ремесленников Казани, на Волге, на полях и лесных дорогах ковалась и крепла вековая дружба»[3], — пишет марийский писатель Ким Васин.

«В нашем краю исстари татары бок о бок живут с марийцами. Это тесное общение двух народов вызвало в жизни обычаи, свойственные только нашему краю...— продолжает его мысль известный татарский поэт Сибгат

---

1 *Баширов Г.* Обычай — старше закона. — «Литературная Россия», 1964, 28 авг.

2 Марийские народные загадки, №№ 179, 188а, 1237.

3 *Васин К. К.* Страницы дружбы. Йошкар-Ола, 1959, с. 138.

Хаким. — В роду у нас все были плотниками. Мой отец еще до революции, в год своей женитбы, срубил избу знакомому марийцу, недавно сыгравшему свадьбу. В день новоселья отец и мать поехали поздравить своих новых друзей и подарили им пару голубей»[1].

Чуваши и марийцы всегда жили очень дружно, заимствуя друг у друга все лучшее, как в области одежды и вышивки, так и в области устного и музыкального фольклора, не говоря уже о том, что между этими народами существовали тесные экономические связи.

Мотив дружбы и творческого заимствования ярко вырисовывается при сопоставлении марийских и удмуртских народных загадок, так как эти народы связаны родственными узами, до недавнего времени совместно молились в священных рощах. «Зарезь но ӧвӧл, музьем но ӧвӧл, уяны но уг луы, ветлыны но уг луы»— «Не море, не земля, и плавать нельзя, и ходить нельзя»[2]. Это удмуртская загадка о болоте, а марийская почти вторит: «Вӱдат огыл, мландат огыл — ни ияш ок лий, ни каяш ок лий»—«Не вода, не земля — ни вплавь, ни пешком»[3].

Подобны загадки этих народов про зубы, лыжи, лапти, шубу, рыбу и др.

П. Д. Шестаков в конце XIX века, изучая влияние русского языка на языки «инородческие», указывал, что «между инородцами нет вражды и неприязни к русским, особенно между инородцами-финнами.., русские в преданиях финских инородцев занимают место между народами, которые любезны богам»[4].

Если бы П. Д. Шестаков был знаком с марийскими народными загадками, то непременно отметил бы то же самое. Марийцы давным-давно подметили богатырские плечи братьев-русских, молодецкую удаль в работе и выразили в своих загадках: «Ик руш кок окна гыч онча» — «Один русский смотрит в два окна» — матица; «Пӧртйымалне кугу руш кия» — «В подполье лежит русский богатырь» — бочка; «Ик руш латкок ӱштым

---

1 *Хаким С.* Поэзия и жизнь. — «Советская Татария», 1958, 7 авг.

2 *Кралина Н. П.* Загадки удмуртского народа, с. 154.

3 Марийские народные загадки, № 144.

4 *Шестаков П. Д.* Заметки о влиянии русского языка на языки инородческие. — Труды IV археологического съезда, том 2, отд. 6. Казань, 1891, с. 3—4.

ўштalын» — «Один русский подпоясался двенадцатью ремнями» — кадка[1] и др.

Благодаря общности элементов демократической культуры, единства экономики народов и некоторых обычаев, образа жизни у различных народов возникли очень сходные и совершенно одинаковые загадки по тематике и содержанию. Таковы загадки о топоре: «Чодыраш кая — ялым онча, ялыш толеш—чодыраш онча» (марийская); «В лес идет — домой смотрит, домой идет — в лес смотрит» (русская); «Вири моли—куды ваны, куды моли—вири ваны» (мордовская)[2]; об овце: «Кува куржеш — куп лӱнгалтеш» (марийская); «Бабка бежит, все болото дрожит» (русская)[3], о зубах: «Гори сюрьын тӧдьы чипыос» (удмуртская); «Йошкар кашташте ош чыве-влак шинчат» (марийская); «Сидит две жердочки белых курей» (русская)[4]; о копне: «Ачажын шочмаш эргыже мия» (марийская); «Инясениянь элекс баласы тыуарь» (татарская); «Где прежде матери дети родятся?» (русская)[5]; о лыжах: «Павалпа Савал амартса чупассе» (чувашская)[6].

Дружба народов, как видно, влияла на сюжеты загадок, на их образы, и это естественно, так как «каждый народ выражает собою преимущественно одну какую-нибудь сторону всецелого и единого духа человеческого и потому нуждается в соприкосновении с другими народами, принимая от них в себя то, чего ему недостает, и дает им от себя то, чего им недостает»[7].

---

1 Марийские народные загадки, №№1110, 829; другие из личного фонда автора.

2 Марийские народные загадки, № 956; *Садовников Д. Н.* Загадки русского народа, № 11; *Самородов К. Т.* Мордовские загадки, № 599.

3 Марийские народные загадки, № 362; запись автора.

4 Марийские народные загадки, № 615; *Кралина Н. П.* Удмуртские народные загадки, № 1114; *Садовников Д. Н.* Загадки русского народа, № 1807б.

5 Марийские народные загадки, № 712; *Витевский В. Н.* Сказки, загадки и песни нагайбаков Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии. — «Труды IV археологического съезда в России, бывшего в Казани». Казань, 1891, т. 2, с. 276; *Садовников Д. Н.* Загадки русского народа, № 1317.

6 *Сироткин М. Я.* Чувашский фольклор, с. 52.

7 *Белинский В. Г.* Общий взгляд на народную поэзию и ее значение. Русская народная поэзия. — Собр. соч., т. 2. М., 1948, с. 121.

Взаимной дружбой, творческим взаимообогащением веет не только от загадок, но и от многих других жанров устного народного творчества поволжских и приуральских народов.

Народные загадки создавались в различные исторические эпохи, поэтому не удивительно, что в них сохранились яркие отпечатки отношения трудящихся масс к различным представителям эксплуататорского класса. Царская нагайка, купеческая жадность и поповское глумление — все это нашло отражение в образах загадок народа мари: «Пӧрт гоч кугыжан лупшым шуэн ом керт» — «Через избу царскую нагайку перекинуть не могу» — змея; «Озанг купеч чӹдыра йыранным вонча» — «Казанский купец переходит просеку» — змея; «Ончыч ончет — каза пондаш, шенгеч ончет — ӱдырамаш» — «Спереди — козья борода, сзади — женщина» — поп[1].

В этом малом жанре устного народного творчества отразилась и политическая обстановка определенного периода. В годы первой русской революции 1905—1907 годов традиционные образы загадок были заменены новыми, характерными для того времени. Например, про веник загадывали: «Ужар сывыным чиялеш, порсын ӱштым ӱшталеш, кугыжам пушташ каялеш» — «В зеленом кафтане, в шелковом пояске и идет убить царя». До этого времени выражение *идет убить царя* ′кугыжам пушташ каялеш′ преподносилось идет *пошлепывать* ′чат-чат ышташ каялеш′. О пне со снежной шапкой загадывали: «Кугыжан упш шӧрын каен» — «Шапка царя съехала набок». Указанные варианты народных текстов были включены в сборник «Марийские загадки» Икумарий (Г. Л. Леонтьев), но цензор Казанской губернии Н. И. Ашмарин заметил народную сатиру и эти места зачеркнил.

Хотя загадки отображают не отношения людей, а говорят о вещах, их классовая направленность обнаруживается в критическом, насмешливом изображении таких представителей села, как поп и мельник[2].

Отдельные отголоски исторических времен и зарисовки некоторых черт социальных типов обнаруживаются в таких текстах: «Мурза игыжым чот куча» —

---

1 Марийские народные загадки, №№ 566, 563, 1442.
2 *Рыбникова М. А.* Загадки, с. 30.

«Мурза крепко держит своих сыновей» — матица; «Кок озан шотлен пытарыдыме тарзышт ушо» — «У двух господ не счесть слуг» — солнце, луна и звезды; «Коя тӧра кавам ок уж» — «Тучный барин не видит неба» — свинья; «Телым кугу тӧрам орола, кенгежым ана вок-тен кия» — «Зимой господ сторожит, летом у грядки лежит» — маяк; «Купыжа кулланже кумалеш» — «Царь кланяется своему слуге» — колос; «Тылмац толеш — шая кеа» — «Толмач придет — речь пойдет» — ключ; «Шуркын ял староста»—«Рогатый — староста деревни»[1] — баран.

В XVI—XVIII веках марийцы платили дань Русскому государству мехами, главным образом куницами и белками. Это нашло отражение в народной загадке о белке, которая изображается как открыватель ворот казны 'казна капка почедыш'[2].

Марийский фольклор, как и в прошлом, имеет немалое количество загадок, связанных с военным делом. Они изображают предмет со стороны действия или перечисления характерных деталей их устройства: «Кадыр куэм мӱндыркӧ шӱвалеш» — «Кривая береза плюет далеко» — ружье; «Чондымо чонаным пуштеш» — «Неживой живого убивает» — ружье; «Мӧр гае веле— ӱшкыж дечын виян» — «С ягоду крошка, а сильнее быка» — пуля[3].

После империалистической и гражданской войн появились загадки о пушке и снаряде. По всей вероятности, они проникли из уст фронтовиков-воинов. Например, «Чонгешта—мӱгыралтеш, керылтеш — енгым пуштеш» — «Летит — ревет, упадет — человека убьет» — снаряд[4]. Определенно, что она является калькой с русской народной загадки: «Летит—лается, упав — рассыпается». Но загадочник подошел к своему произведению творчески. Образ снаряда воссоздал переосмыслением загадочного образа навозного жука, который «Чонгешта — мӱгыра, шинчеш—мландым кӧргынчеш»— «Летит — воет, сядет — землю роет»[5]. Автор усилил де-

---

1 Марийские народные загадки, №№ 1114, 35, 368, 1429, 236, 906, 367.

2 Там же, № 405.

3 Там же, №№ 1277, 1278, 1280.

4 Из личного фонда автора.

5 Марийские народные загадки, № 539.

тали и дополнительно подчеркнул: «упадет — человека убьет».

Как правило, в марийских загадках образ определенного врага встречается редко, аналогичное явление в русских загадках подчеркивает Л. В. Долмановский[1]. Но современные войны расширили представления о военной технике. Бытовыми стали понятия о танке, ракетах, пушках, самолетах и т. д.: «Акам чоян муралеш, немыч пушкед куржеш» — «Сестрица хитровато запоет, фашист задрав штаны бежит» — «Катюша» (гвардейский миномет). Самолет стал не только «Кайык огыл, тудын дечын писын чонгешта»—«Не птица, а летает быстрее нее», но и «Ший комбем кая, мамыкше почешыже кодеш» — «Летит серебряный гусь—остается пух вслед», то есть самолет стал реактивным, или «Ик гана йўэш да кок тўжем менгым чыма» — «Напьется раз и жмет две тысячи верст»[2].

В новых загадках на военную тематику традиционные нациснальные образы, взятые из крестьянского быта, частично обработаны, это придает загадкам своеобразный колорит, помогает ярче выразить поэтическую сторону предметов.

Народные загадки, которые, как и всякое явление, отражающее объективную действительность, не являются раз навсегда застывшими. Так, например, деревянная соха в период примитивного хозяйственного уклада изображалась: «Пасушто шӧрын кува коштеда» — «Кривая бабка по полю ковыляет»[3]. Она видоизменялась, к ней приделали железную режущую часть, что приметила и народная загадка: «Кӱртньӧ неран сӧсна мландым пургедеш» — «Свинья с железным рылом роет землю»[4]. Иным словом, изменчивость загадки — в социальной основе. Не созерцание и не наблюдение издали содержится в загадке, а тот производственный опыт, в котором предметы сталкиваются с человеком и взаимодействуют[5].

---

1 *Долмановский Л. В.* Пословицы, поговорки, загадки и меткие слова. — В кн.: Русский фольклор Великой Отечественной войны. М.-Л., 1964, с. 257.

2 Из личного фонда автора.

3 Марийские народные загадки, № 1042.

4 Там же, № 1043.

5 *Рыбникова М. А.* Загадки. М.-Л., 1936, с. 36.

Известный финский фольклорист А. Аарне, рассматривая изменчивость загадки у различных народов, утверждает, что первоначальный вариант — простейший[1].

Изменчивость загадки наблюдается и в смешении ее объектов по сходным признакам, выполнению действий, по функциям и качествам. В подобном случае такого рода тексты имеют несколько отгадок — два или три. Например, «Шупшмо шӱртем мундыраш погеи ом керт» — «Протянутую нитку в клубок не могу намотать» — паутина или дорога[2]; «Пӧрт тич унам ушо, иктыжымат ом пале» — «Полна изба гостей, ни одного не узнаю» — огурец или следы от ног[3]. Мотовило и зыбка, горох и картофель, посконь и сорска, серп и глаза, наперсток и ламповое решето и ряд других предметов имеют одинаковый текст загадок. В таких случаях, очевидно, происходит своеобразное переосмысление более древних по происхождению загадок, соотнесение их с новыми объектами, возникшими и принадлежащими другой стадии общественного развития. Например, «Мланде йымалне тул йӱла, мландывалне шикш тӱрга» — «Под землей огонь горит, на земле дым идет» — морковь, вулкан[4]; «Туштым туштем, йомакым колтем, ош шовычеш вӱдыл пыштем» — «Загадку загадаю, сказку расскажу, в белый платок заверну»[5] — мозг, книга. Некоторые образы по ситуации могут иметь иногда даже три отгадки. Например, «Ишкыш сакаш лиеш, сондыкыш пышташ ок лий» — «На крючок повесить можно, в сундук ложить нельзя» — отгадками служат коромысло, прялка и ружье[6].

Среди загадок марийского народа, как и у других народов, повышенную остроту приобретают те, содержание которых основано на двусмысленности или имеют ярко выраженный эротический характер.

Подобные явления (изменчивость, всевозможные переосмысления) подчеркивают, что народная загадка как

---

1 Aarne A. Vergleichende Rätselforschungen.—FFC XXVI—XXVII. Helsinki, 1918, s. 36.

2 Марийские народные загадки, №№ 512, 121.

3 Там же, №№ 306, 306а.

4 Там же, №№ 162 и 299.

5 Там же, №№ 581 и 969.

6 Там же, №№ 845, 759, 1276.

жанр устного поэтического творчества вечно в развитии. Она издавна выполняет познавательную и воспитательную функцию, что «делает возможным существование старых традиционных загадок, спасает их от забвения, а также открывает возможность создания новых их вариантов о новых предметах»[1].

На какой бы ступени высшего развития не находилось человеческое общество, человек в орудиях своего труда, в результатах своей работы видит красоту, поэзию. Поэтому загадка всегда останется любимейшим жанром народной поэзии, будет отражать народную жизнь во всем ее многообразии.

---

1 *Митрофанова В. В.* Современное состояние русских народных загадок. — В кн.: Современный русский фольклор. М., 1966, с. 208.

Глава четвертая

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА МАРИЙСКИХ ЗАГАДОК

Язык загадок всегда отличается яркой образностью. Исследователи четко определяют, что область загадки— поэзия по преимуществу, где действительность отражена неущербно, цельно, во всей полноте чувств. Образы в загадках ярки, красочны, исполнены разнообразных звуков, предметы очерчены резко, отчетливо[1].

Загадки ярко отражают особенности образного мышления и поэтического склада народа. В марийском устно-поэтическом творчестве много таких самобытных загадок, созданных по законам и принципам национальной народной поэтики.

Основные приемы художественной ткани загадок подчинены одной цели — поэтически воспроизводить, воссоздать действительность.

Благозвучие является необходимым требованием речи, поэтому загадки как произведения человеческой фантазии преднамеренно окрашиваются выразительными и изобразительными средствами языка. Этими средствами являются звуковая организация речи, лексические и синтаксические возможности языка.

Собиратели и исследователи марийского фольклора констатируют, что изрядное количество загадок построено на звукоподражании[2].

---

1 *Аникин В. П.* Русские народные пословицы.., с. 75.

2 *Ибатов С. И.* Марий калык мут ден тушто-влак, с. 2; *Васильев В. М.* Программа для собирания сведений о народе мари.— «Ужара», 1918, 16 янв.

Как средство организации поэтической речи в этом жанре видное место занимает ономатопея. Из 1467 основных единиц сборника загадок, вышедшего в 1967 году, 137 текстов имеет те или иные междометные слова.

Такого рода загадки главным образом отражают процессы человеческого труда, действия зверей, птиц, насекомых. Они подчеркивают наблюдательность, умение человека подмечать малейшие оттенки казалось бы самого простого явления. Например, мочку конопли в болоте: «Чып-чывылдик, куп-кувылдик, Васян кува йывылдик». Прошел положенный срок мочки, ее достают для сушки, вешают на перекладину: «Чып-чывылдым, куп-кувылдым, кашта вак каен колтыш»[1]. Изменилось растение, действие совершилось, поэтому сообразно модифицировались фонетические особенности текста.

Человеческая наблюдательность настолько тонка, что она способна замечать малейшие шумы при росте и созревании растений, например, гороха, различает звуки зерен проса, крупы при веянии и др.[2].

Звукоподражания в марийских загадках бывают междометные и словесные.

Междометное звукоподражание воспроизводит ритм какого-нибудь действия. При этом в загадках подбираются только такие слова и выражения, которые соответствуют такту описываемого действия. Например, юркая ласточка в загадке изображается «Пин-пинь кугыза, отин-пинь кугыза, Яшкырля Кырля кыр-кыр», а бабочка — «Кырля кыр-кыр, Кырля выр-выр»[3].

Междометное звукоподражание больше всего используется в загадках о процессе труда, что характерно и для других финно-угорских народов Поволжья и Приуралья[4]. Необходимо отметить, что иногда такие междометные выражения территориально ограничены. К примеру, о шерстобитии в Моркинском районе замечают: «Шаман тур-тур, шаман тур-тур, Янашкелде-ошкелде, пылып-пылып, чиван-чиван, паскырля вошт тӱр-

---

1 Марийские народные загадки, №№ 254, 255.
2 Там же, №№ 224, 237, 722, 723.
3 Там же, №№ 442, 505.
4 *Китиков А. Е.* Общность элементов поэтики загадок поволжских и пермских финно-угорских народов. — В кн.: Вопросы финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1970, вып. V, с. 218—220.

лӧ шакляк мур»[1]. А в Новоторъяльском районе для изображения этого же процесса использованы совсем другие междометия: «Тут-тут, тама ту, ошканат канат керет, плиш-плиш Тарля, Тарля вошг шакляк тӱкӧ»[2].

В ряде случаев междометное звукоподражание воспроизводит целый комплекс какого-нибудь труда. Например, прядение, навивку, тканье и околачивание холста: «Мра-мра Мамра, сиге-сиге Сигельде, ски-ски сыгырдым, дым-дым йогырдым, тӧрт-быгт»[3].

По замечанию лингвистов, в марийском языке довольно часто употребляются междометия, дающие зрительный образ действия[4]. Народная загадка является подтверждением правильности вывода языковедов. Такие образные слова могут выступать в роли главных и второстепенных членов предложения: «Шиште чок-чок, киса быр-быр» — рубка (топор и щепки); «Кызыр-козыр Орина, йыртым-юртым Тарля»—«Неуклюжая Арина, попрыгунья Дария»[5] и т. п.

Как мы уже отметили выше, звукоподражание бывает и словесное. В этом случае загадка часто использует слова в значении всевозможных звукоподражаний, то есть слова употребляются не по своей семантике, а по фонетической близости. Для этого они нередко видоизменяются и не договариваются, одним словом, составляют своеобразную аллитерацию или ассонансы.

Народная загадка часто обращается к богатству детского фольклора — считалкам, жеребьевкам, скороговоркам и словотворчеству ребят как к материалу словесного звукоподражания. Например, в деревне Кужнур Сернурского района детскую считалку «Тыргедык-тыргедык, шикланпетухлан, шагылым-магылым, тӱгмым-чварым-лочокым»[6] пожилые люди преподносят как загадку о запрягании лошади. А загадкой о ястребе, схватившем и утащившем курицу, в населенных пунктах Советского и Моркинского районов, используя словотворчество детей, испытывают сообразительность и

---

1 Марийские народные загадки, № 667.

2 Там же, № 668.

3 Там же, № 683.

4 *Пенгитов Н. Т.* Сопоставительная прамматика русского и марийского языков, ч. I. Йошкар-Ола, 1958, с. 157—158.

5 Марийские народные загадки. №№ 734, 536.

6 Там же, № 698.

взрослого человека: «Чыви-чыви, эсен бля, лып-лып»[1]. В приведенной загадке выражение *чыви-чыви* означает курочку, *эсен бля* — заимствованное с татарского языка слово 'будь здоров', *лып-лып* — междометие, изображающее летящую птицу с частыми взмахами крыльев, в значении улетел. Подобное использование детского словотворчества можно заметить в загадках о ключе, помеле[2]. А скороговорку «Туп-туп тувашын, кылта вашын-овашын, ик-кок кыладик, а вараже йывылдик» жители деревни Конганур Куженерского района загадывают как загадку о молотьбе цепом[3]. Для такого переосмысления имеются все основания. Выражения и отдельные слова детской речи можно перенести на обыкновенный общедоступный язык. *Туп-туп-тувашын* — спина к спине, *кылта вашын овашын* — сноп к снопу, *ик-кок палыдик* — удары раз и другой, *а вараже йывылдик* — потом убегаю. Загадка использовала тонкое своеобразие восприятия детей.

Словесное звукоподражание для раскрытия образа не игнорирует эвфонию фонетических созвучий различных языков, особенно соседних — татарского, русского, чувашского.

Зимнее солнце склоняется к весне, птицы по-иному запели свои песни. Например, пестрая синичка поет: «Чашкерысе мурызем «Шӱкшӱ пӱй! Шӱкшӱ пӱй!» манын мокталта» — «Певунья рощи хвалится: «Старый зуб! Старый зуб!»[4]. Выражение *шӱкшӱ пӱй* при быстром повторении довольно точно воспроизводит соло пташки; но заметим, слова *шӱкшӱ* 'старый' и *пӱй* 'зуб' не имеют в загадке своего семантического значения.

Такой же прием использован в загадках о барабане и волынке: «Иктыже: «Тӱр ден тӧр, тӱр ден тӧр!» — манеш, весыже: «Пелыжат сита, пелыжат сита! Ия Ярамарий, ия Ярамарий!»[5]. Текст данной загадки, если не учесть его художественного приема, довольно легко переводится на другие языки. Но при этом невозможно передать звуковых особенностей марийского оригинала,

---

1 Марийские народные загадки, № 483.
2 Там же, №№ 903, 1031.
3 Там же, № 717.
4 Там же, № 450.
5 Там же, № 1303.

получится только словесный набор. Смысл его примерно переводится так: «Первый говорит: «Вровень с краем, вровень с краем!». Другой вторит: «Достаточно и половины, достаточно и половины! Чертов Ярамарий, чертов Ярамарий!». Если в оригинале выражение *тӱр ден тӧр, тӱр ден тӧр* созвучно низким звукам барабана, а *пелыжат сита, пелыжат сита*—высоким звукам волынки, то в переводе на русский язык благозвучие этих выражений сохранить невозможно.

При помощи эвфонии слов русского языка воспроизводится щебетание ласточки: «Качырий-пучырий, Качырий-пучырий! Куда пошла, зачем пошла?!. — Мука купить. — Почем мука? — Руб сорок, руб сорок! Тюрик!» [1].

С этой же целью в обиходе марийских загадок и слова татарского языка: «Арым-лоп-лоп, кисырым лоп-лоп, орым лоп-лоп» (валяют тесто) [2]. Три слова—*арым* ′рожь′, *кисырым* ′кусок′, *орым* ′война′[3] — служат для воссоздания ритма труда и звукового эффекта в сочетании с национальными традиционными звукоподражательными междометиями. Количество примеров можно увеличить, но следует отметить, что такие загадки бытуют в населенных пунктах, расположенных в непосредственной близости с Татарской республикой.

К ономатопее нужно отнести своеобразные слоговые полиндромы, которые в марийских народных загадках встречаются в единичных экземплярах. Про брюкву, например, загадывают: «Кӱчык Менуш вынемыш тӧршта» — «Маленькая Вабрюк прыгает в яму» [4]. Отгадка заключена в производном имени-полиндроме Мен + уш (Ва + брюк), где инверсируют слоги слова (уш + мен ′брюк + ва′).

Нередко загадка использует как средство художественного воспроизведения сочетание междометного и словесного звукоподражаний. Например, в загадке о сите: «Шинчык-пырчык, шинчык-пырчык — тупем рожын» [5]. Примерный перевд на русский язык: «Тар-тарары, тар-тарары, спинка-то моя вся в дырах». Или:

---

1 Марийские народные загадки, № 445.
2 Там же, № 1386.
3 Татарча-русча сузлек, М., 1956, с. 41, 260, 414.
4 Марийские народные загадки, № 286а.
5 Там же, № 931.

«Пыгыльдым-погыльдым — пел кормыж» — «Ныра-поныра — полгорсти» (о кочедыке) — смысловой перевод: «Йывызым-йывызым, да омса шенгек» — «Тих-тихонько, да за двери»[1] — метла. Перечень подобных текстов можно продолжить.

Звукоподражание в довольно достаточном количестве встречается и в русских загадках. Д. Н. Садовников, имея в виду звукоподражание, пишет, что в них сказывается любовь к созвучиям, даже в прямой ущерб смыслу[2].

Исследователь русских народных загадок А. И. Гербстман указывает еще на одну интересную сторону звукоподражания, нередко встречающуюся в загадках, — на звукопись, которую можно назвать отгадочной, когда имеется более или менее полное совпадание между звуковыми составом загадки и ее отгадки, которое автор еще называет и звуковой подсказкой[3].

Анализ звуковой структуры текстов марийских загадок и их отгадок позволяет утверждать, что подобные явления в них не наблюдаются.

Эстетическое назначение звукоподражаний народной загадки, как мы заметили, состоит в том, чтоб образно раскрыть эвфонические богатства окружающей действительности, научить человека находить самые тонкие нюансы ее проявления. Звукоподражание, как первоэлемент художественной формы, в марийской народной загадке играет более существенную роль и значительно богаче формами, чем поэзия книжная. Поэтому поэты и писатели нередко обращаются к этому поэтическому средству народной загадки.

В повседневной разговорной речи назначение слова, как правило, ограничивается служебно-понятийными целями. В речи же поэтической, следовательно, и в языке загадок, эти же слова могут обозначать совсем иные признаки и свойства предметов и явлений. Правда, новые значения слов возникают только в словосочетаниях, то есть в связанной речи, в контексте. Не слово, а оборот речи создает каждую словесную форму, худо-

---

1 Марийские народные загадки, №№ 953, 1023, 405, 254, 255, 416, 430, 431, 495, 524.

2 *Садовников Д. Н.* Загадки русского народа, с. 271.

3 *Гербстман А. И.* О звуковом строении народной загадки — В кн.; «Русский фольклор», XI. М., 1968, с. 195.

жественно отражающую явление, основные приемы которого подчинены одной цели — поэтическому воспроизведению действительности. Новые, дополнительные картинно-выразительные качества в словах возникают потому, что их собственное постоянное значение переносится на другое явление. Короче говоря, слова в таких случаях употребляются не в своем прямом, а в переносном значении. А нарсдная загадка, как художественное восприятие объективного мира, зиждется на этом. Основанием для этого является обычное сходство между предметами, явлениями, их взаимозависимость, всевозможные сравнения, уподобления, которые называют тропами.

Среди троп самым распространенным, самым типичным для загадки является метафора. Недарсм загадку Аристотель называет хорошо сложенной метафорой. Все слова и выражения в метафорическом употреблении в загадке приобретают картинный и наглядный характер. Например, в загадке о челноке 'шуша' в ткацком стане («Ик лудо кок вуян» — «У утенка два носенка») образ птицы служит картинным обозначением детали ткацкого стана. Но метафора может быть также очень смелой, только отдаленно напоминающей изображаемый предмет или явление: «Ачаже шочмаш эргыже мия» — «На рождение отца приходит сын». До поры, пока не известен ответ, загадка кажется нелепой. Но под сыном здесь подразумевается копна, а под отцом — скирда. Ясно, скирда растет только объединением нескольких копен. Теперь же мнимое противоречие снято. Развернутая метафора здесь оказалась очень смелой и в то же время вполне закономерной[1].

В основе образования метафоры лежит сравнение. Оно представляет первичную форму, из которой вырастает метафора. По всей вероятности, поэтому некоторые исследсватели метафору называют «сокращенным сравнением»[2].

В метафоре заключено картинное воспроизведение явлений и предметов, поэтому она может служить средством пробуждения в сознании определенных эмоций и сложных оценочных суждений, относящихся к этим

---

1 *Ибатов С. И.* Марий калык мут ден тушто-влак, с. 25—26.
2 *Кралина Н. П.* Загадки удмуртского народа, с. 145.

явлениям. Например, загадка о дверных петлях: «Тыштат огыл, туштат огыл — шопрем пыжаш» — «Сорочье гнездышко не в избе, не на улице»[1]. Выражение «не в избе, не на улице» сразу настораживает нас — что это такое? как такое может быть? — и этим вызывает пытливость. Уподобление в данном случае основано на внешнем признаке.

Следует отметить, что для литературных произведений характерна простая одиночная метафора, а народным загадкам присуща метафора развернутая.

Большинство художественных приемов загадок основано на принципе сопоставления. Простейшим и наиболее распространенным приемом такого рода сопоставления является сравнение предметов, явлений, сходных между собой или по виду, или по свойству, или по функции.

Поэтика сравнений в загадках сложна. Литературоведами она до сих пор теоретически полностью не разработана. В различных учебных пособиях для вузов, в словарях (лингвистических и поэтических) исследователи отмечают не одинаковое количество типов сравнений и по-разному их определяют. А. Квятковский пишет: «В системе разнообразных поэтических средств выразительности сравнение является начальной стадией, откуда в порядке градации и разветвления вытекают почти все остальные тропы — параллелизм, метафора, метонимия, синекдоха, гипербола, литота и прочие. В сравнении — истоки поэтического образа»[2].

В марийских загадках наблюдается ряд типов сравнений.

Наиболее распространенным является простое сравнение, которое представляет собой объединение двух сходных явлений, предметов при помощи слов гай, гане — и суффикса -ла, которые на русский язык переводятся как, будто, похоже, словно, напоминает и др.: «Шуршы гань тӧргешта, лыды гань кӹньылеш» — «Прыгает, как блоха, встает, как утка»[3] — кочедык.

Характерным для загадок является сравнение сте-

---

1 Марийские народные загадки, № 1128а.
2 *Квятковский А. П.* Поэтический словарь. М., 1966, с. 280.
3 Марийские народные загадки, № 952.

пенное, когда загадка, сопоставляя два предмета, явления, качества, подчеркивает и подобие и превосходство одного из них над другим. Например, загадка о вышивке: «Ангаже деч йыранже чевер» — «Грядки краше полосы» [1].

Степенные сравнения подразделятюся еще на ряд групп: на абсолютно-предельные, двойные, увеличительные и уменьшительные. Иногда сравнения очень трудно соотнести в ту или иную подгруппу. Например, загадка о вожжах: «Шуйнен возеш — вара кут, чумырген возеш — кынер кут» — «Растянется — целый шест, свернется—с локоток» [2]. Здесь налицо и степень увеличительная, и степень уменьшительная. Сходное явление довольно часто встречается в удмуртских загадках: «Котьмарлэсь но вылын, котьмалы но матын» — «Выше всех, ближе всех» [3] — солнце. Предельно-абсолютное сравнение вполне сочетается со степенью уменьшения. Такие загадки нередко встречаются и у марийцев.

Реже встречается сравнение двойное, которое выражает более высокую степень качества: «Лум деч ошо, шӱч деч шеме»—«Ьелее снега, чернее сажи» [4]—сорока. В данном тексте отсутствует морфологическая форма сравнительной степени, ибо описательная или превосходная степень в марийском языке образуется синтаксическим способом. Для выражения же двойной степени перед прилагательными положительной степени ставятся пеш, моткоч 'очень' и другие. Исследователь истории марийского языка И. С. Галкин пишет: «...морфологической формы сравнительной степени прилагательных в древне-марийском языке не было. Сравнение качества предметов выражалось синтаксически» [5]. Поэтому можно утверждать, что загадки, где имеются двойные сравнения, образованные синтаксическим путем, являются наиболее древними по своему происхождению. В более позднем пласте лексического состава марийского языка для образования сравнительной степени употреблялся

---

1 Марийские народные загадки, № 1363.
2 Там же, № 1090.
3 *Кралина Н. П.* Удмуртские народные загадки, № 73.
4 Марийские народные загадки, № 463.
5 *Галкин И. С.* Историческая грамматика марийского языка. Морфология, часть I. Йошкар-Ола, 1964, с. 97.

современный суффикс -рак. Синтаксический способ образования сравнительной степени характерен для поэтики загадок и других народов Поволжья и Урала[1].

Наиболее часто встречается отрицательное сравнение—«выключение» сходных признаков из загадываемого предмета или явления. В таких загадках формально отрицается сходство загадываемого предмета с другим предметом, по существу же этот предмет дает намек на загаданный: «Ег огыл — тунукта, йылмыдыме — йожек ойла» — «Не человек — учит, без языка — намекает» — книга[2].

При количественном сопоставлении выявляется, что среди форм сравнений преобладают отрицательные. Это характерно и для других жанров устно-поэтического творчества финно-угорских народов. На это указывают исследователь карельского фольклора профессор В. Я. Евсеев[3], когда анализирует художественные особенности языка карело-финского эпоса и рассматривает карельский фольклор в историческом освещении, исследователи мордовского фольклора профессор А. И. Маскаев[4] при рассмотрении художественных особенностей мордовских эпических песен и К. Т. Самородов[5] в работах, посвященных вопросам мордовской загадки.

«Сравнение может создать своеобразную композиционную структуру»[6], отмечают А. Бердников и Е. Тудоровская, анализируя поэтику марийских народных песен. То же самое можно сказать и о сравнениях, используемых в загадках. Если, например, совершенно освободиться от отрицательных сравнений, то абсолютно ничего не останется от образа и композиции загадок. Поэтому сравнение в этом случае, как и в песне, играет двойную роль — композиционную и тематическую.

---

1 *Китиков А. Е.* Общность элементов поэтики загадок поволжских и пермских финно-угорских народов. — В кн.: Вопросы финно-угроведения, вып. V, с. 219—221.

2 Марийские народные загадки, № 653.

3 *Евсеев В. Я.* Исторические основы карело-финского эпоса, кн. 2. М.-Л., 1957, с. 253—257; Его же. Карельский фольклор в историческом освещении, Л., 1969, с. 55.

4 *Маскаев А. И.* Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964, с. 401.

5 *Самородов К. Т.* Мордовские загадки, с. 11—12.

6 *Бердников В. М., Тудоровская Е. Т.* Поэтика марийских народных песен, с. 54.

В марийских народных загадках часто встречается и один из распространенных видов тропов — эпитет. По определению А. Н. Веселовского, «эпитет — это одностороннее определение слова, либо подновляющее его нарицательное значение, либо усиливающее, подчеркивающее какое-нибудь характерное, выдающееся качество предмета»[1]. Обладая такими признаками, эпитеты с определяемыми словами в народных загадках служат прекрасным средством воссоздания образа.

Как средство индивидуализации и конкретизации, то есть эпитации, в марийских загадках широко используются названия цветов, которые в прозаической речи и в некоторых случаях даже в песнях являются простым определением. В этих эпитетах мы видим отношение народа к изображаемому предмету.

Как красочное образное определение в народной повседневной речи, в первую очередь, встречаются эпитеты ошо 'белый', шеме 'черный', 'темный', которые бытуют и в других жанрах народного творчества.

В каких же сочетаниях они фигурируют? Например, эпитет *ош* 'белый': *ош солык* 'белое полотенце' — образ тумана («Нур йыр ош солыкым сакалтенам»—«Вокруг поля развесил белые полотна»); *ош алаша* 'белый мерин' («Пасу покшелне ш алаша кудалыштеш» — «Посреди поля скачет белый конь (мерин)» — буран; *ош комбо* 'белый гусь' («Ош комбем пел йолан» — «Белый гусь на одной ножке») — капуста; *ош чыве* 'белая курочка' — зубы, чайник на углях и др. Так при помощи эпитетов от общего отделяется частное (буран), от абстрактного — конкретное (гусь). Такой же метод познания находим в других эпитетах: *шем солык* 'черный платок' — дым, *шем ожо (алаша)* 'черный жеребец' (мерин) — гром, иголка, чесалка для кудели, веретено; *шем кишке* 'черная змея' — хомут; *шем кожла (чодыра)* 'черный лес (бор)' — волосы[2] и др.

Эпитет *шеме* 'черный' в народной этимологии символизирует злую, темную силу. Это мы можем заметить и в пословице «Шем мотор ӱдыр — чоя ӱдыр» — «Смуглая красавица — хитрая девица»[3].

---

1 *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. Л., 1940, с. 73.

2 Марийские народные загадки, №№ 36, 59, 271, 615, 825, 1182, 120а, 752в, 776а, 785, 1068, 583.

3 НРФ МарНИИ, МФЭ, 1961, тетрадь № 5, с. 45.

Как видно, определяемыми словами при эпитетах являются названия животных, птиц и предметов повседневного домашнего обихода. Поэтому в подобных случаях эпитеты к этим словам стали постоянными. Такие эпитеты употребляются в сочетании со словом *йошкарге* или *чевер* 'красный'; *йошкар агытан* 'красный петух' — огонь; *чевер йдыр* 'красная девица' — солнце, морковь, самовар; *сар ола, лудо, сур, чувар* 'сивый, пегий, серый, пестрый': *сар алаша* 'буланый мерин' — петух, *ола алаша* 'пегий мерин' — кошка, *лудо мыжер* 'серый кафтан' — дым, *чувар куку* 'пестрая кукушка' — чирей[1].

В качестве эпитетов названия других цветов встречаются довольно редко. В роли объяснительных эпитетом употребляются эпитеты *ужарге* 'зеленый': *ужар куку* 'зеленая кукушка'—угар, *ужар поганя* 'зеленая куколка'—желчь; *канде* 'синий': *канде упш* 'синяя шапка'—лен; *нарынче* 'желтый': *телым нарынче* 'зимой желтый'—лук; *кака* (какар) 'синий': *кäка тӹрвы* 'синие губы' — печная труба; *кӧк* 'сивый': *кӧк вӹльӧ* 'сивая кобыла' — полог[2].

В роли эпитетов в марийских загадках редко используются названия металлов. В полутора тысячах номеров загадок сборника 1967 года в качестве поэтического определения только раз появляется название металла *вӹргене* 'медь' («Пӧрт йӹрем вӹргеныы оксам керам» — «Вокруг избы нанизываю медные монетки» — клоп). Всего два раза встречается название *той* 'латунь' («Той менге ӱмбалне ош кӧгӧрчен шинча» — «На медном столбе сидит белый голубок» — чайник). Только в четырех текстах можно заметить эпитет *шӧртньӧ* 'золотой' («Окнашкем шӧртньӧ шӱртым шупшмо» — «В моем окне — золотая нить» — лучи солнца; «Тоя вуйышто шӧртньӧ тыртыш» — «На конце палки — золотой круг» — подсолнух[3]).

Эпитет *кӱртньӧ* 'железный', по всей вероятности, в марийские загадки начал проникать вместе с усовершенствованием орудий обработки земли в крестьянском

---

1 Марийские народные загадки, №№ 1183, 5, 298в, 819, 152, 383, 1176а, 648.

2 Там же, №№ 1175, 639, 260, 282а, 1177, 1338б.

3 Марийские народные загадки, №№ 522, 823, 11а, 310.

хозяйстве. Например, про соху загадывали: «Шаньык йолан овда чыла тӱням пукша, шкеже шужышо шога» — «Баба-яга — вилами нога, весь мир кормит, а сама голодна». А в поздних вариантах про нее утверждают: «Пу тӱкан, кӱртньӧ йолан тага мландым йырым-ваш савыра» — «Баран с железными ногами и деревянными рогами роет землю». В других вариантах соха — *кӱртньӧ ӱшкыж* ′железный бык′, иголка — *кӱртньӧ кайык* ′железная пташка′, плуг — *кӱртньӧ неран сӧсна* ′свинья с железным рылом′[1] и др.

Наиболее продуктивным оказался эпитет *ший* ′серебряный′, в котором подразумевается не материал как таковой, а цвет, идеализирующий определенный предмет. Например, солнечные лучи — *ший шаньык* ′серебряные вилы′ или *ший шуарвондо* ′серебряный пестик′ («Окнам ший шаньык дене шуралтем — ок пудырго» — «Вонзаю серебряные вилы в окно — стекла не бьются»; «Кудо тӱньык гыч ший шуарвондым шуэм» — «Сквозь трубу кудо[2] бросаю серебряный пестик»), самолет — *ший комбо* ′серебряный гусь′ («Ший комбем кая — мамыкше почешыже кодеш» — «Летит серебряный гусь — остается пух вслед»), роса — *ший сравоч* ′серебряный ключик′ («Кува куржеш-куржеш да ший сравочым йсмдара, тылзе ужеш, кече налеш» — «Старушка по полю гуляла, серебряный ключик потеряла, месяц увидел, солнышко украло»)[3] и др.

Художественные достоинства эпитета, как и всякого тропа, определяются соответствием их употребления в конкретных условиях. В таком случае самые простые слова могут играть роль художественного средства. Например, «Пӧрт воктен кӧтырем ушкал кия»—«Возле избы лежит неуклюжая корова» — сугроб; «Туштым туштем—туштанай, кадыр йолан Токтанай»—«Загадку загадаю—отгадай, кривоногий Токтанай»—кочерга[4].

При классифицировании разновидностей эпитетов, встречающихся в этом малом жанре марийского фольклора, можно выделить такие категории:

а) Эпитеты-прилагательные: *сокыр сӧсна,* ′слепая свинья′ («Пече воктен сокыр сӧсна кудалыш-

---

1 Марийские народные загадки, №№ 1040, 1039, 1038, 745, 1043.
2 *Кудо* — уст., летняя кухня.
3 Марийские народные загадки, №№ 9, 7, 1254, 1423.
4 Там же, №№ 58, 921.

теш»— «Возле изгороди бегает слепая свинья»—буран; «Конгаште презе кия» — «Мокрый теленок в печи валяется» — язык); *лузга маска* 'лохматый медведь' — воз сена («Пасу гоч лузга маска кудалеш» — «Через поле бежит лохматый медведь»)[1] и др.

б) Имена существительные, выполняющие грамматическую функцию определения. Например, *пу пуда* (дословно: дерево + гвоздь) 'деревянные гвозди' — сучья; *шопке клат* 'осиновый амбар' — гусь, яйцо; *кӱ курык* 'каменная гора' — лоб[2] и др.

в) Имена собственные (названия деревень, городов, рек, озер, имена людей и др.): *Тамши такыр*, 'паровое поле Тамши' — пупок; *Мартын ер* 'озеро Мартына' — жидкий суп; Варангуж марий 'Варангужский мужик' — сорока; *Куэрла сола вате;* женщина куэрсолинская'—*веник*[3] и ряд др.

г) Не в меньшей мере марийским загадкам свойственны эпитеты-причастия, образованные при помощи суффиксов *-дыме (-дымо, -дымӧ)* и *-шо (-ше, -шӧ)*: *вуйдымо киса* 'безголовая синица' — листья, *пӱйдымӧ Ориш* 'беззубая Ориш'—мялка; *пундашдыме печке* 'бездонная бочка' — кольцо; *шелше терке* 'расколотая чашка' — месяц[4] и др.

д) Иногда междометия также создают эпитеты: *лырк-ларк Пигельде* 'ковылиха Пигельде' — утка; *лыст-лыст Лысталче* (непереводимое выражение о шуршании и движении веника), *чапкан-лапкан Йогор* (о широком метле)[5] и др. Большую роль в подборе таких междометных эпитетов играет, безусловно, аллитерация.

Имеются загадки, которые основаны только на одних эпитетах или эпитетах с определяемым словом: «Яклака, да моклака» — «Гладок, да комковат» — кочедык; «Упшал кертдыме упш» — «Шапка, которую нельзя надеть» — кочка; «Почдымо Яшпика» — «Бесхво-

---

1 Марийские народные загадки, №№ 61, 612а, 709.
2 Там же, №№ 1108, 436, 1400, 583.
3 Там же, №№ 637, 806а, 470, 1016.
4 Там же, №№ 176, 763, 1378, 16.
5 Там же, №№ 431, 1014а, 1027.

стая Яшпика»—лягушка; «Ургышдымо тумыш» — «Заплатка без швов» — пегие животные[1].

Часто слова, ставшие эпитетами, имеют антонимы, и нередко они в композиционной структуре загадок употребляются параллельно: «Иле кожшо деч кукшу кожшо кужу» — «Сухая ель выше сырой» — посконь; «Кенгежым — пич чодыра, телым — яндар пасу»—«Летом—дремучий лес, зимой — чистое поле» — хмельник[2]. В такой же взаимосвязи находятся эпитеты *шеме—ошо* 'черный—белый', *изи—кугу* 'маленький—большой', *тошто—у* 'старый—молодой' и др.

Мы здесь рассмотрели лишь наиболее часто встречающиеся в народных загадках эпитеты, но и они свидетельствуют о многообразии, яркости и выразительности марийского народного определения.

В текстах марийских народных загадок в немалом количестве встречаются синонимы, которые при различном звучании отражают одно и то же явление или предмет объективной действительности.

Специфические особенности и роль синонимов в этом жанре устной поэзии четко выявляются в группе слов, объединенных на основе семантической общности, называемой синонимическим рядом.

Отметим некоторые наиболее распространенные категории синонимов, замеченных в художественном языке марийских загадок.

а) Семантика слов синонимического ряда в языке литературном и в диалектах совпадает. Так, например, *пасу и нур* 'поле' («Пасу покшелне йолдымо клат шинча» — «Посреди поля стоит безногий амбар» — туман; «Нур йыр ош солыкым сакаленам» — «Посреди поля развесил белые полотна» — туман[3]; *ял и сола* 'деревня' («Черкан ял, тыште агытанжат ок муро, енгжат ок кынел» — «Деревня с церковью, но здесь петухи не поют, и люди не встают» — кладбище; «Кок сола лошты кого кӹшкы киа» — «Меж двух деревень лежит большая змея» — дорога)[4]. Можно привести еще ряд примеров: *чыпчалташ — чӱчалташ* 'капнуть; *кӧтырем — муз-муз* 'неуклюжий'; *тӱняште — йымышты-юмышты*

---

1 Марийские народные загадки, №№ 951, 145, 557, 392.
2 Там же, №№ 257, 322.
3 Там же, №№ 53, 53а.
4 Там же, №№ 123, 395.

'на свете'; *пеледыш — чевер саска* 'цветочки'; *лузга — лӧзмӧн* 'мохнатый'; *тамле—тутло* 'вкусный'; *шыл—пызе* 'мясо'; *тоя—пондо* 'палка'; *окна—тӧрза* 'окно'; *шӧрын—тӱрын* 'косо', вкривь'; *чодыра—кожла—пӱнчӧ* 'лес, бор'; *пусак—лук—угыл* 'угол'; *уремыште—тӱнӧ* 'на улице'; *окмак—ушдымо—исер—турак* 'дурак'[1] и др. Эти слова, составляющие синонимический ряд, способны заменять друг друга.

Такое же совпадение семантики в синонимическом ряду происходит в архаизмах и заимствованных словах. Например, *пӧртвуй* и *вуйволак* 'конек' («Пӧртвуйышто шелше терке шинча» — «На крыше дома — расколотая чашка» — месяц; «Вуйволакыштем кышал терке шинча» — «На коньке избы — чашка киселя» — месяц.

б) В своем ряду синонимы различаются по своим семантическим оттенкам. К примеру: *шорташ* 'плакать'—*мӱгыраш* 'реветь', *урмыжаш* и *варгыжаш* 'выть' («Чодыраште шортеш, пасушто шып коштеш» — «В лесу плачет, в поле молчит» — ветер; «Кудашеш — мӱгыра, чия — пудештеш» — «Раздевается — ревет, одевается — трещит» — река; «Шып толеш, урмыж кая»—«Молча приходит, с воем уходит» — снег; «Ӱшкыж ден пий сӱан ода варгыжыт»—«Бык с собакой на каждой свадьбе стонут (воют)» — пузырь и барабан)[2]. Или: *кудалташ* 'бросать'—*шуаш* 'перебросить'—*шолаш* 'перекинуть'; *колаш* 'умереть'—*кавараш* 'подыхать'—*порволаш* 'провалиться'; *йорга* 'флирт'—*чылдырий* 'строптивый'—*йылдырий* 'жеманный' — *ковр* 'щеголь', 'франт'; *чевер* 'красивый'—*сӧрал* 'хороший'—*ямле* 'пригожий', 'прелестный'; *пужаш* 'разобрать'—*шалаташ* 'разломать'; *чӱнгаш* 'клевать'—*тонгаш* 'клевать' (что-нибудь твердое); *нояш* 'уставать' — *йонлаш* 'устать' (и упасть в обморок); *чонгешташ* 'летать'—*чымаш* 'мчаться'; *йорташ* 'бежать рысью'—*кудалаш* 'скакать'—*тӧргаш* 'скакать галопом[3] и др.

в) Слова, образующие синонимический ряд, имеют не одинаковые способности сочетаться с другими сло-

---

[1] Марийские народные загадки, №№ 552, 1074, 129, 130, 131, 129а, 130а, 131а, 881—859, 709—709а; 1394—1395, 662—663, 432а, б; 1400—1400а, 80—80а, 515, 514, 1198, 150—571, 1322, 761.

[2] Там же, №№ 103, 87, 44, 1301.

[3] Там же, №№ 438, 440, 439, 1390, 171, 177, 678, 1438, 1336, 1363, 1373, 1394, 877, 877б, 451, 451а, 88, 88а, 1255, 1256, 88, 92, 91.

вами в предложении. Так, синонимы *кок* 'два'—*мужыр* 'пара'—*вожын* 'раздвоенный'—*шӱяш* 'связка' (попарно) имеют общий смысловой стержень, но различаются в характере связей с другими словами. Слова *вожын* и *шӱяш* вступают в синтаксические связи лишь с отдельными существительными. Например, *шӱяш* — с предметами, связанными с растительным миром (*кыне, йытын кылта шӱяш* 'снопы льна и конопля, связанные попарно'). Круг же слов, с которым может сочетаться *кок* и *мужыр*, почти безграничен[1]. Такое же явление с синонимами *рок* и *мланде*. Если слово *мланде* употребляется в значении почва, планета, страна, местность, место, то слово *рок* ограничено в такой возможности.

г) Для образования синонимического ряда загадка использует и словарное своеобразие детского фольклора: *чапа—йол* («Пӧрт йыр чыве вӱран чапаже дене каялеш» — «Вокруг избы курочка проходит с кровавыми ноженьками» — вышивка на подоле), *чача—модыш* («Аршак-вуршак—юмын чача» — «Кисточки-точки — божья игрушка»—горох; «Ик модышем кумырымат ок шого» — «Игрушка не стоит и копейки» — половая тряпка)[2] и другие, которые наиболее часто встречаются в загадках о частях человеческого тела.

В языке художественной литературы синонимы употребляются авторами, чтобы избежать тавтологии и подчеркнуть отдельные особенности местного края, обычаев и нравов[3]. Такой принцип использования синонимов отмечается и в жанрах устной поэзии, так как он является принципом языка в целом. Но для загадок характерно необыкновенно внимательное и бережное отношение к слову-синониму, в них учитываются малейшие семантические оттенки. Поэтому они в загадках используются в большей части как художественное средство усиления их выразительности.

Как отметили выше, из сравнений вытекают гипербола и литота. Эти фигуральные выражения, в которых преувеличиваются или преуменьшаются действи-

---

1 *Казанцев Д. Е.* О синонимах в марийском языке. — В кн.: Тезисы докладов на научной сессии по итогам исследовательских работ МарНИИ за 1966 год. Йошкар-Ола, 1967, с. 20.

2 Марийские народные загадки, №№ 690, 225, 499.

3 *Евгеньева А. П.* Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. М.-Л., 1963, с. 254—297.

тельные размеры, качество или состояние описываемого явления, в народных загадках служат эмоционально-выразительным средством для характеристики внутренних ощущений («Кормыж кӧргем шотлен ом пытаре»— «Содержимое горсточки не могу сосчитать» — мука) и создания зрительного образа, то есть средством картинного изображения («Мый шогалам пын, кече деке шуам» — «Если я встану, до солнца достану»—дорога)[1].

Гипербола, как прием поэтизации, вслед за сравнением и эпитетом относится к наиболее древнему и распространенному художественному средству языка загадок.

Способы создания гиперболы в этом малом жанре народного творчества различны.

В первую очередь, они организуются в сопутствовании всевозможных эпитетов при одновременном использовании количественной числовой градации. Такая гиперболизированная градация финно-угорской народной поэзии отмечен исследователем карело-финского эпоса В. Я. Евсеевым[2], который подчеркивает и древность гиперболы.

Различные числа в качестве гиперболы в произведениях марийского народного творчества начинают фигурировать с 3-х. Довольно ярко они вырисовываются в молитвах[3]. В загадках же число 3 встречается только в своем прямом значении («Ик сӧсна кум йолан»—«У одной свиньи — три ноги» — лэхань).

Из числа первого десятка в целях усиления художественного впечатления наиболее часто употребляется числительное 7, реже — 9. В загадке, например, бабочка изображается: «Ведаси выр-выр, Тораси тор-тор, укалеш кышажат, огеш шокто йӱкшат, кая шым нурым коден, кая шым ялым эртен, кая шым энгерым вончен»— «Федосия кривая, Дарья лепетунья не издают ни звука, не оставляют ни следа, летят через 7 полей, 7 деревень, летят через 7 речек»[4] и др.

---

1 Марийские народные загадки, №№ 1381, 122.

2 *Евсеев В. Я.* Исторические основы карело-финского эпоса, кн. 2. М.-Л., 1960, с. 247.

3 Тӱрлӧ марийын кумалтыш мутышт. Казань, 1918, с. 14.

4 Из личного фонда автора. Загадка записана от уроженки д. Кем-Сола Новоторъяльского района Бояриновой В. И.

«Понятия числа и фигуры,— писал Ф. Энгельс,— взяты не откуда-нибудь, а только из действительного мира»[1].

Количественное числительное часто встречается в марийских бытовых и религиозных обрядах. Например, невесте полагалось изготовить к свадьбе для подарков не менее 7 шарпанов, 7 нашмаков, 7 рубах, 7 полотенц... В старинной свадебной песне, которую пели подруги невесты при изготовлении подарков, говорится:

Шым кренга йытын нӧшмым
ӱденам,
Шымлу кылтам кӱрын
ыштенам,
Шымлу тулеш туленам,
Шымлу мундырам шӱдыренам,
Шымлу аршын вынерым
куэнам,
Шым тувыр ден шым
сорокам ургенам[2].

Семь фунтов льняного семени
посеяла,
Семьдесят снопов надергала,
Семидесятью мялками мяла,
Семдесять мотков напряла,
Семдесять аршин новины
наткала,
Семь рубашек и семь сорок
сшила.

Термином *родо* 'племя' (общее понятие о родстве) народ ведет подсчет до седьмого колена. В. М. Васильев указывает, что в марийском языке сохранилось выражение *шышым йот*, полнее *шымшым йот* 'семь раз чужой', то есть совершенно чужой человек, не имеющий уже никаких родственных связей с данным лицом; по традиции сват обращался к жениху «*шышым* йотышко еш погаш каена» — «отправляемся на совершенную чужбину, чтобы составить семью»[3].

В различных религиозных церемониях раскрываются мистическое значение чисел 7 и 9. Исследователь секты «Кугу сорта» («Большая свеча») С. К. Кузнецов указывает: «При постановке свечей на восковый круг соблюдается, чтоб на липовом столе было 7 свечей, на березовом — 9. Оба эти числа — семь и девять — имеют мистическое значение; ... число 7 сектанты приурочивают к числу дней недели, а относительно 9 не дают никаких объяснений. Черемисы насчитывают 9 миров, среди которых Земля занимает последнее место; всех вер на

---

1 *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. М., 1945, с. 36—37.

2 *Зорин П.* Песни черемис Ветлужского края. — «Труды Костромского научного общества по изучению местного края». Кострома, 1917, вып. VIII, с. 51.

3 *Васильев В. М.* Функциональная семантика в марийском языке. — «Учен. зап. МарНИИ». Йошкар-Ола, 1940, вып. I, с. 49.

земле 77; умершему в 7-й день по смерти (равно как в сороковой) предлагается угощение»[1].

Ритуал 7 соблюдается и при молении в священных рощах, исследователь об этом пишет: «На моление народ собирался по звуку барабана, заменяющего колокольный звон. Перед священными деревьями устраивается жертвенник, укрепленный на четырех березовых столбах, с частыми перекладинами (семь и девять) из тонких березок, поверх которых густо накладываются березовые ветки, а сверху все это накрывается пеньковой белой скатерью»[2].

Эти магические числа в священной роще были применимы и к полу. Хотя кугусортинцы допускали к участию на молениях женщин и имеющих детей девиц, однако они должны были стоять особняком и не ближе, как в девяти саженях от священных деревьев, а мужчины располагались поближе — в семи саженях[3].

Числа 7 и 9 в этом значении используются и в различных молитвенных текстах.

Числа 7 и 9 как гиперболы характерны для поэзии и других финно-угорских народов. Например, в мордовской народной песне героиню Литову выдали замуж и везли ее «семь недель, семь дней шагали по дорогам днем и ночью, семь лесов прошли дремучих, семь полей прошли широких, переплыли семь глубоких быстрых речек»[4].

А в эстонских народных пословицах доминирует число 9: «Что не может сделать один, сделают девятеро»— «У осенней ночи девятеро сыновей» (то есть изменчива), «Девять ремесел, десятый голод»[5] и др.

Включаются в тексты загадок и другие числа первой сотни: 4, 5, 6, 10, 12, 24, 30[6], но наиболее четкую гиперболизацию дают 40, 41 и 77.

Число 40, несомненно, связано с религией. Видимо,

---

1 *Кузнецов С. К.* Черемисская секта «Кугу сорта». — «Этнографическое обозрение». Москва, 1909, кн. 79, с. 11.

2 Там же, с. 36.

3 Там же, с. 36—37.

4 *Кириллов П. С.* Мордовские народные песни. М., 1957, с. 49.

5 *Норман Э.* Эстонские народные пословицы. Таллин, 1956, с. 11, 16, 17.

6 Марийские народные загадки, №№ 329, 666, 849, 666а, 700, 1333, 1109, 1135, а, б, в, 217, 218, 6666, 700, 262, 1111, 1135, 1306, 234, 423.

не в меньшей мере употребление числа 40 соединено и с магией. Например, при общественном молении в роще произносили: «Зажигаю сорок костров, зарезав сорок яловых, великий бог, просим тебя помочь в сборе семьи, поднять постройки, собрать три разные скотины, три разных урожая»[1]. По привычке веря в силу слова-числа, они включали их и в загадки. Поэтому, наверно, колос в загадках изображался через число сорок: «Кӱтӱчӧ ныле лаче дене шога, ныле лачыште ныле шултыш» — «Стоит пастух с сорока пестером, в сорока пестерах по сорок ломтиков»[2], также стог — «Сороковой печкем ныле шӱдышан» — «У бочки-сороковки сорок обручей»[3].

Автор статьи «Кое-что о фольклоре и его природе» В. Мухин число 41 также относит к разряду магических[4]. Анализ показывает—оно используется народом в загадках чаще числа 40: «Тошкалтыш мучашкем ныле ик ына толын шогалын — иктыжымат ом пале» — «Сорок один гость у моего крыльца, и ни одного из них не узнаю» — следы ног, или «Ныле ик йолан, ныле ик пылышан, вичкыж капан, кугу вуян, кече куш онча, тудат туш савырна» — «Ног—сорок один, ушей — сорок один, шапка кругла, куда солнышко, туда и он» — подсолнух[5].

Нередко употребляется и такое запоминающееся число, как 77 («Шымлу шым тӱрлӧ кайыкыштем иктыже почдымо»—«Из семидесяти семи пташек одна без хвоста»—лягушка)[6]. Данное число, как прием гиперболы, встречается и в удмуртских загадках о бороне, углах дома, гармони: «Пылыз сильымдон но сизьым, ош луд вылысь тыбыр вылез бертэ» — «Ног семьдесят семь, а с поля на спине идет»[7].

Как гипербола в загадках популярны числа 100 и 1000. Например: «Кум лукан анаштем шӱдӧ тӱрлӧ ка-

---

1 Тӱрлӧ марийын кумалтыш мутышт. Казань, 1918, с. 24.

2 Из личного фонда автора. Загадка записана в селе Арино Моркинского района.

3 Марийские народные загадки, № 245а.

4 *Мухин В. А.* Кое-что о фольклоре и его природе. — В кн.: *Васильев В. М.* Марий калыкын йомакше.., с. 12.

5 Марийские народные загадки, №№ 643, 308.

6 Там же, № 559.

7 *Кралина Н. П.* Удмуртские народные загадки. №№ 201, 226, 518.

йык мура» — «На поле с тремя сторонами поют сто разных птиц» — гусли, а самый обыкновенный предмет домашнего обихода — метелка предстала в образе ста солдат: «Шӱдӧ салтак ик прежам ӱшталын» — «Сто солдат одним ремнем подпоясались». Подобные числа встречаются в загадках о замке, репе, звездах и месяце[1].

Числовые гиперболы тысяча и особенно миллион, по всей вероятности, в марийских загадках начали употребляться в более поздний период. Например, книга изображается: «Олмапу—окапу, тӱжем тӱрлӧ саска» — «Яблоня — позумент, и тысяча разных плодов», или решетка лампы — «Метрий вуй тӱжем рожан» — «На голове у Митрюхи тысяча дырок», а из культурных растений капуста («Метрий вуй тӱжем тумышан» — «У Метрия голова тысячу раз заплатана»), огурец («Тӱжем муным ик муныш мунчымо» — «Тысяча яиц снесено в одном яйце»), которые в марийском крае стали выращивать довольно поздно, чем, скажем, рожь или овес[2].

Редко встречаются в качестве гиперболы числа более высшего класса. В сборнике загадок, вышедшем в 1967 году, читатель может найти всего один текст с числом 700000 миллионов, это загадки о маке и об улье[3].

Интересно отметить, что в советское время техника развивается такими бурными темпами, что человеческая фантазия в некоторых случаях отстает от него. Про самолет совершенно недавно загадывали: «Ик гана йӱэш да кок тӱжем менгым чыма» — «Напьется раз и жмет две тысячи верст». А сегодня эта гипербола в некоторой степени уже устарела...

Зачастую в марийских загадках гиперболу создают отдельные слова-эпитеты: *кугыжан* 'царский' («Кугыжан пӱгым ваш шупшаш огеш лий» — «Царскую дугу затянуть нельзя»; «Ший шиялтышым шиялтем — кугыжан капка почылтеш, сар кутко тарвана» — «Заиграю серебряную дудочку—царские ворота открываются, жел-

---

1 Марийские народные загадки, №№ 1289а, 1026, 909, 294, 32.
2 Там же, №№ 968, 869, 274, 305, (490, 801, 855, 882, 1199, 1203).
3 Там же, №№ 311, 1205.

тые муравьи забегают» — загадки о радуге и рассвете). В образе *кугыжан лупш* 'царская нагайка' предстает в народном изображении змея, в образе *кугыжан печке* 'царская бочка'—хмель, *кугыжан под* 'царский котел' — небо[1] и др.

Исстари были в деревнях свои «чемпионы» по силе, по умению мастерить, поэтому в народных загадках вместо эпитета *кугыжан* 'царский' для образности используются имена. Например, колодец 'таве, нӧреп' уже не царский котел, а «Ямбылат кугу под» — «Большой котел Ямбылата» — видимо, он умел чинить железную посуду. Утренний рассвет изображается — «Савли капка почылтеш» — «Ворота Савли открываются», вероятно, Савли имел большие ворота; радуга — «Ямбатыр пӱгым руал ом керт» — «Дугу Ямбатыра закинуть не могу». Ямбатыр по легендам был высок ростом, имел и силу изрядную. По народной логике и вещи, и орудия труда, которыми он пользовался, должны быть отличными от других[2].

В качестве гиперболы в народных загадках иногда применяются слова *кочамын* 'дедушкин', *кувавайын* 'бабушкин', *кугызайын* 'дяди': «Кочамын коркажым кумыктен ом керт» — «Дедов ковш не опрокину» — колодец; «Пасу покшелне кувавайын шергеже кия» — «Посреди поля лежит бабушкин гребень» — борона; «Кугызайын кугу упшыжым упшалын ом керт»—«Большую шапку дяди надеть не могу» — снег на пне[3].

Изредка можно встретить парную гиперболу: «Кугу великан умшаште йошкар пондашан кугыза пӧрдалеш» — «Во рту большого великана валяется старик с красной бородой»[4] — горящее полено в печи; «Кугыжан кугу салмажым кумыктен ом керт» — «Цареву большую сковороду опрокинуть не могу» — гумно[5].

Второй вид гиперболы — зрительный, который создается использованием в качестве определений отрицательных причастий и прилагательных с суффиксами

---

1 Марийские народные загадки, №№ 566, 316а, 80, 28.
2 Там же, №№ 1194, 152, 1118а.
3 Там же, №№ 1194, 1044, 81.
4 Из личного фонда автора. Запись сделана в д. Якай-Сола Советского района.
5 Марийские народные загадки, № 1206.

-дыме; (-дымо, -дымӧ): «Кучен кертдыме шем ожем уло, руал кертдыме пӱгем уло, лупшал кертдыме лупшем уло» — «Есть вороной жеребец — не удержишь, есть дуга — не закинешь, есть плетка — не хлестнешь» — гром, радуга, молния[1].

Этот поэтический прием используется для утрирования количества предметов («Йога, йога — йоген ок пыте» — «Течет-течет — не вытечет» — река), расстояния («Москошто пурам пуралат, шанчашыже тышке толын возеш» — «В Москве сруб рубят, а сюда щепки летят» — письмо), промежутка времени («Ик ушкал мокшым кум ий кочкам» — «Печень одной коровы ем три года и никак не съем» — брусок), для подчеркивания беспредельности действия («Кая-кая, каен огеш шу. куржеш-куржеш — миен огеш шу» — «Идет-идет — не дойдет, бежит-бежит — не добежит» — река)[2].

Отдельным загадкам характерно в некоторой степени наличие юмора.

Средством достижения юмористического эффекта чаще всего является противоположная гиперболе фигура — литота. В литоте, как и в гиперболе, выразительность и картинность предметов и явлений возникают на основе тропа или сравнения. Полсвая тряпка, например: «Ырым ок шого — мер калык ончылно» — «Копейки не стоит, а перед всем миром (народом)», или пчела: «Тӱжем тӱрлӧ калык ик тарзым ашна» — «Тысяча разных народов содержат одного работника»[3].

Можно заметить взаимное сочетание литоты и гиперболы: «Шеч кутыш веле — тенгызым пӱя» — «Сам с вершок, а прудит море» — затычка у бочки; «Кынер кутыш веле — купыжалан ойым ышта» — «Сам с локоток — царю советы дает» — безмен; «Мушкындо гае веле — поч гыч кучен нӧлталаш ок лий» — «Сам с кулачок — не поднимешь за хвост» — клубок и др[4].

В заключение необходимо отметить, что гипербола как способ художественной выразительности в этом малом жанре марийского народного творчества используется в большем разнообразии, чем в песенном фольк-

---

1 Марийские народные загадки, № 120а.
2 Там же, №№ 89, 971, 946, 90.
3 Там же, №№ 1019а, 488.
4 Там же, №№ 832, 801, 886а, 768.

лоре. Сходное явление замечается и в мордовском фольклоре[1].

Как элемент поэтики в загадках используются собственные имена в качестве нарицательных. Этот прием, во-первых, есть частный случай олицетворения («Макар кува эрдене эрак ӱпшым шереш» — «Макариха с раннего утра волосы расчесывает» — печная труба), во-вторых, принцип метонимии («Пыркай кугызай пырням руа, Канай акай шере нӧнчыкым нӧштылеш»—«Дед Пыркай бревно рубит, тетя Канай тесто месит» — дятел, короед)[2].

Большое количество древних языческих имен, мужских и женских, сохранилось в загадках. В сборнике 1967 года насчитывается более 40 имен. Некоторые из них сейчас можно встретить только в текстах загадок. Например, *Алыки, Пайвий, Шайвий, Пыртывий* — женские имена; *Яман, Путкай, Петкай, Пӱемыр, Палтай, Атлаш* — мужские имена. Подобное можно заметить и в загадках других финно-угорских народов. В марийских текстах они встречаются больше всего в загадках о явлениях природы, о растениях, в меньшей степени в загадках, изображающих орудия труда.

Довольно часто используются русские имена: Антон, Дарья да Марья, Петыка и др. Эти имена характерны и для загадок других народов Поволжья и Приуралья. Чаще других встречается имя Антон. Но у каждого народа он воссоздает разные образы. У мордвы Антон — это приб, у коми—капуста, у марийцев — паровоз или труба. Петр или Петыка у мордовцев — звезда, у удмуртов — еж, у марийцев — петух. У всех финно-угорских народов Поволжья и Урала в широком обиходе имена Дарья да Марья («Тарья ден Марья ваш ончат» — «Дарья с Марьей друг на друга глядят»)[3]. А Матрена то «красивая», когда мордвины загадывают о солнце, то «страдающая насморком», когда марийцы и коми изображают самовар.

Некоторые имена употребляются как синонимы слов великан, большой. Например, имя легендарного марий-

---

1 *Маскаев А. И.* Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964, с. 402.

2 Марийские народные загадки, №№ 1168, 460.

3 Там же, № 1165.

ского богатыря Ямбатыра: «Ямбатыр пӱгым руал ом керт» — «Дугу Ямбатыра закинуть не могу»[1] — радуга.

В народных загадках в большом количестве встречаются диалектные слова.

С восточного диалекта, например, вошли такие: *мындер* 'подушка', *метерка* 'помело', *сӧсьа* 'кисть', *йомар* 'внутренность', *кельымшан* 'бродяга', *аймылык* 'глупый', *элыксыр* 'против воли', *шӱрде* 'свилеватый', *алтек-култек* 'вдоль и поперек', *кызыртыш* 'возня, мешканье';

с северо-западного диалекта: *кӧрага* 'старинная деревянная посуда для пива, браги, величиной с ведро', *коти* 'кошка'; *аяк* 'кривой', *шунго* 'низкое заболоченное место' и др.;

с горного диалекта: *постол* 'вроде, подобно', *тыӹыл* 'опрятный', *коти* 'ботинки' и др.;

с лугового диалекта: *мӱгӱт* 'крошечный, маленький', *трака* 'букашка', *чли* 'мизерный' и др.

В художественной литературе диалектизмы принято относить к средству стилизации языка. Но в народных загадках обнаруживается еще одна ее специфическая черта — употребляться без дефиниции. В этом смысле они используются как табу. Например, о двери восточные марийцы загадывают: «Тыныш-оныш аймылык»— «Туды-сюды дурачок»[2]. Эта загадка популярна и среди луговых марийцев. Поэтому не всегда можно определить, где записана или возникла та или иная народная загадка.

Силою народной привычки и его сочувствием к старинному слову и выражению в загадках удержалось немалое количество архаизмов, которые отражают социально-экономический уклад и мировоззрение народных масс на различных этапах исторического развития.

Давно прошли времена крепостного гнета, много слов из лексики того времени вышли из повседневного употребления, только загадка дает возможность встретиться с некоторыми из них: *олвот* 'господин', 'ненасытный', 'жадный' («Олвот вате куштен-куштен мӱшкырым нумалеш» — «Жадная баба пляшет и забеременеет»— веретено)[3], *ялче* 'батрак', 'работник', 'слуга' («Озаже

---

1 Марийские народные загадки, № 1186.
2 Там же, № 1119.
3 Там же, № 784.

ялчылан кумалеш» — «Хозяин кланяется слуге»)[1], *азырен* — смерть как существо в народной мифологии («Азырен тувыр дечат лишыл» — «Смерть ближе рубашки»[2] — пословица; «Юмо дечын изи, кугыжа дечын кугу» — «Меньше бога, больше царя» — черт)[3].

Сохранившиеся архаизмы помогают нам воссоздать в некоторой мере быт наших предков. Например, строение: *вуйволак* (диал. *кумыктыш*) 'конек' («Вуйволакыштем кышал терке шинча» — «На коньке избы — чашка киселя»)[4], *кудо* 'летняя кухня' («Кудо тӱньык гыч ший шуарвондым шуэм» — «Сквозь трубы летней кухни бросаю серебряный пестик»)[5]; предметы домашнего обихода: *изике* 'светец', *кестен* 'кистень', *шопшар* — род лестницы из цельного дерева с коротко обрубленными сучьями, *шувыш* 'кожаный мешок' для хранения муки, ношения кушаний и для совершения национальных обрядов — святок, моления, похорон — и хождения в гости с гостинцами, *лаче* — плетеный или сшитый короб с крышкой из липовой коры, бересты для сбора грибов или ягод, *комдо* 'лукошко', *алдыр* 'большой деревянный ковш для разливания пива', *эртньэ* 'небольшая воронкообразная посуда рыболова или охотника из бересты для питья воды; одежду и украшения, головные уборы и др.: *шымакш* 'женский головной убор' замужних женщин, основу которого составляет небольшой четырехугольный богато вышитый и разукрашенный кусок холста, *пӱргенчык* 'свадебный платок невесты', *кышкывий* 'ракушки', используемые для нагрудного украшения женщин; *сывын* 'женская верхняя одежда' из зеленого сукна, надеваемая на свадьбу' и др.; меру длины: *шӱльӧ* 'маховая' (мера, равная обхвату рук взрослого человека), *виякш кут* или *кынер кут* 'длиною в локоть'.

Встречаются такие архаические выражения, которые не поддаются переводу на другие языки, например, выражение *аньык-тӱньык,* встречающееся в загадке о капусте («Аньык-тӱньык, ярым ятас»)[6], которое означает

---

1 Марийские народные загадки, № 1431.
2 Марийско-русский словарь. Йошкар-Ола, 1956, с. 18.
3 *Васильев В. М.* Марий мутер. М., 1928, с. 18.
4 Марийские народные загадки, № 16а.
5 Там же, № 7.
6 Там же, № 1415.

«друг к другу», «один возле другого». В старину капустный лист использовался в качестве сковороды для печения лепешек. Или в загадке о конских ушах встречаем выражение «Тупа-тупа эртньэ»[1]; истиный смысл которого мы находим в северо-западном диалекте: «спиной к спине». В загадке о серпе употребляется выражение *акрем-тӱтрем* («Акрем-тӱтрем уло ерым тӱтыра»)[2], означающее состояние всеобщего переполоха.

Архаизмы в других жанрах марийского фольклора сохранились в меньшей степени. Это, видимо, объясняется тем, что народным загадкам свойственна необыкновенная смелость сближений, сравнений и представлений. Поэтому связь между предметами и его образом народный ум удерживает веками, хотя конкретный смысл этой связи утрачивается, а колорит определенной эпохи сохраняется.

Наряду с фонетическими и лексическими средствами поэтического языка народных загадок своеобразными художественными приемами, усиливающим ее образную выразительность, служат всевозможные синтаксические способы, к которым в первую очередь следует отнести структуру и конструкции текстов.

Нами проанализирована структура и конструкции предложений загадок, помещенных в указанном сборнике автора. Результаты свидетельствуют, что наибольшая часть текстов передается в форме простых предложений (81,25%). Конструкции же сложных предложений составляют всего лишь 18,19%.

Типы простых предложений дефилируют в виде полных предложений («Ер покшелне вырлянге йӱштылеш» — «Посреди озера купается трясогузка»[3] — ложка). Довольно большое количество простых предложений не имеет подлежащего, оно опущено, но подразумевается («Пасу гоч пӱгым руалыым» — «Через поле закинул дугу»[4] — радуга).

Немалая часть загадок оформляется в виде неопределенно-личных предложений («Мурен вола, куштен кӱза» — «Спускается — поет, поднимается—пляшет»— веретено; «Кыдал йыр ок шу, пасу йыр шузш»—«Пояс-

---

1 Из личного фонда автора.
2 Марийские народные загадки, № 1036.
3 Там же, № 806.
4 Там же, № 118а.

ДАННЫЕ

о типах предложений марийских народных загадок с их вариантами

Типы предложений	Вселенная	Растит. мир	Животный мир	Насекомые	Рыба, земновод.,	Человек	Разные работы	Предметы рукоделия	Посуда	Предметы домаш. обихода	Орудия сельского козяйства	Постройки	Машины	Орудия охоты	Музыкальн. инструмент	Одежда	Пища	Разные	Всего	%% в подтипе	%% от общего колич
Простые:																					
Личные	103	138	69	40	10	62	48	32	43	149	39	86	5	26	14	51	27	14	956	66.8	54.3
Неопр. личн.	38	34	36	8	4	16	2	10	18	27	16	23	2	1	—	21	12	7	275	19.2	15.6
Назывные	9	6	12	15	2	14	23	9	5	18	8	11	1	1	2	1	7	7	151	10.5	8.5
Вопроси-тельн.	10	9	8	1	3	8	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	4	2	47	3.2	2.6
Всего—160	187	125	64	19	100	73	51	66	194	63	122	8	28	16	73	50	30	1429	—	81.25	
Сложные:																					
Бессоюзные	29	27	29	9	4	19	20	9	6	26	9	32	3	2	10	6	4	17	261	81.56	14.83
Сложные:																					
Сложносоч.	—	5	1	2	—	2	1	1	1	4	—	1	—	—	—	—	—	—	18	5.62	1.02
Сложнопод.	11	6	1	2	2	—	—	1	—	4	—	10	1	—	—	2	1	—	41	12.81	2.33

В том числе:																							
Подлежащие	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3			
сказуемые.	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2			
дополнительн.	1	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	1	—	—	—	—	—	—	—	4			
определительн.	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3			
места	—	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—		5			
времени	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	4			
условия	5	3	—	1	—	—	—	—	—	2	—	5	1	—	—	1	1	—		19	5.93	1.08	
причины и след.	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1			
Всего	40	32	31	13	6	21	21	11	7	34	9	43	4	2	10	8	6	17		321		18.19	
Смешанной конс.	3	1	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—		10		0.56	
Итого	203	228	157	77	25	121	94	62	73	230	72	165	12	31	26	81	56	47		1760			

ницу не обхватит, а поля обойдет — серп)[1]. Подлежащие в этих предложениях отсутствуют, даются только сказуемые, дополнения и определения.

К такому же выводу приходит исследователь удмуртских народных загадок Н. Кралина, которая констатирует, что из грамматических конструкций загадка предпочитает неопределенно-личную форму[2].

Имеется значительное количество текстов загадок, в которых предмет-образ только называется и к ним дается какое-либо определение: «Пӧртвуйышты — пел шергинды» — «На крыше — отломленная лепешка» — месяц; «Окна вуйышто реве комдо» — «Над окном — лукошко репы» — звезды; «Пӱнчӧ вуйышто ярминга» — «На вершине сосны — ярмарка» — пчелы; «Чыркыш-чоркыш Тойгелде» (непереводимая загадка о стрекоте кузнечика и его неуклюжих прыжках); «Трик моклок» — «Юркая крошка» — блоха; «Ургышдымо тумыш» — «Заплата без швов» — пегие животные; «Чылдым-чылдым, лаптым пасмырля» — «Прыг-скок, косолапый»—заяц; «Лыптыр-лаптыр Пигельде»—«Ковылиха Пигельде» — утка; «Йыр вуян Стьопан» — «Кругом видящий Степан» — сова; «Кудо вуйышто волак» — «По дворам корыто» — ковш; «Шем шинча окрик» — «Черноглазый крикун» — горшок; «Пырыс пашма — прем тӱр» — «Узкий рубец — кошачий переход» — бурак (на краях берестяного бурака в старину выжигали или плели тонкие узоры, которые называли *прем тӱр*. Смысловой перевод загадки — «Узкий рубец — кошачий переход»); «Кадыр нер трака» — «Курносая букашка»; «Яклака да моклака»—«Гладок, да комок»—кочедык; «Сырви-сорви яндар Тачана»[3]—«Оборванная, но чистая Татьяна» — полотенце и ряд других.

Количество и структура назывных предложений показывают, во-первых, что отгадками являются те объекты, которые человеку известны с давних времен; во-вторых, они выражают прежде всего понятие или представление, но не преследуют цели выразить суждение. Словом, в указанных загадках нет предиката предложения, а есть субъект и его качества; в-третьих, они в

---

1 Марийские народные загадки, №№ 780, 1034.

2 *Кралина Н. П.* Загадки удмуртского народа, с. 147.

3 Марийские народные загадки, №№ 16, 21, 493, 517, 392, 399, 429, 456, 804, 843, 950, 951, 1020.

некоторой мере адекватны иносказательным подставным именам предметов (заяц — *лаптым пасмырля* 'косолапый', сова—*йыр вуян* 'круглоголовый' и др.). Поэтому можно полагать, что назывные предложения служили первоосновой синтаксического оформления народных загадок. Лингвисты, занимающиеся историей народного языка, определенно доказывают, что концентр сказуемого когда-то имел не глагольный, а именной характер. Это свойственно для всех финно-угорских языков, кроме прибалтийско-финских[1].

Простые вопросительные предложения тоже, видимо, были характерны на первых этапах развития народных загадок, ибо тематическая классификация свидетельствует, что отгадками служат древние объекты. Их коэффициент от общего количества составляет всего-навсего 2,6%.

С расширением человеческого кругозора, развитием техники и науки усложнилось содержание загадок. Естественно, изменились структура и конструкции предложений. Они стали более многосложными. В синтаксисе народных загадок прослеживается эта изменчивость — переход от простых форм к более сложным, совершенствование произведений народного творчества в процессе их многовекового существования.

В загадках широкое распространение имеют бессоюзные сложные предложения («Нигӧ ок лӱдыктӧ — чылан чытырат» — «Никто не пугает — все дрожат» — осиновый лист; «Изи гына кӧршӧкше, тамле гына йомарже» — «Горшочек-то маленький, а внутренность в нем вкусна» — орехи)[2]. По частоте употребления они стоят на первом месте (14,8%). Как подчеркивают лингвисты, то же самое характерно и для языка современной марийской художественной литературы[3].

В бессоюзном сложном предложении могут быть объединены два, три и более предложений, как однотипных (со значением одновременности, временной последовательности, противопоставления), так и разнотипных (выражающих причино-следственные, пояснитель-

---

[1] *Бубрих Д. В.* Историческая морфология финского языка. М.-Л., 1955, с. 159.

[2] Марийские народные загадки, №№ 178, 199.

[3] *Тимофеева В. Т.* Современный марийский язык. Йошкар-Ола, 1961, с. 100—101.

ные, условно-временные и присоединительные отношения). Все они в загадках находят применение как средство динамичности действия («Пылышыжым пӱтыралам — шинчажым кара» — «Крутну ухо — открывает глаза» — лампа), выделения отдельного, частного от общего («Кум изак-шоляк йӱштылаш воленыт, коктынжо йӱштылыт, кумшыжо серыште кия» — «Три брата спустились к озеру, двое купаются, третий на берегу валяется» — ведро, коромысло), оттенения деталей («Шонанпыл гоч имне дене кудалыт, оржаже коеш, имныже ок кой» — «Сквозь радугу скачут на коне, гривы видны, а коня нет» — дужка котла, пар)[1].

Сложносочиненные предложения с сочинительными союзами в загадках — явление довольно редкое (1,02% от общего анализируемого количества). Для соединения отдельных предложений в сложное употребляется в большей степени соединительный союз *да* (русское соответствие — *и* и *да*): «Ӱшкыж шинча пеш коя, да кочкаш ок лий»—«Жирен бычий глаз, да есть нельзя»— сучок в стене; «Ик олым пырчым шупшылам, да ул тӱня тарвана» — «Трону одну соломинку, и весь свет зашевелится» — воробы[2].

В единичных случаях простые предложения, составляющие сложносочиненное предложение, соединяются союзной частицей *-ат* (соответствует русскому *и*): «Омсам пурышымат, енгам шыргыж вашлиеш» — «Зашел в избу, и встречает с улыбкой молодушка» — щели в стенах. То же самое можно констатировать о противительных союзах *а* и *но*: «Икте ойла, коктын кӱтат, а коктын колыштыт» — «Один говорит, двое следят, а двое слушают» — рот, глаза, уши; «Презе-влакем яклака улыт, но йырангеш йолышштымо улыт». — «Теленок гладок, да привязан меж прядок» — огурцы[3]. Указанные союзы (да, а, но) являются заимствованными с русского языка, поэтому для произведений устного народного творчества они не характерны.

Как видно из таблицы, сложноподчиненные предложения не типичны для марийских загадок. Всевозможные виды придаточных предложений имеются только в 41 номере.

---

1 Марийские народные загадки, №№ 861, 798, 811.
2 Там же, №№ 1107, 789.
3 Там же, №№ 1103, 584, 302.

Изредка встречаются типы смешанных конструкций, то есть сложные предложения с сочинением и подчинением (0,5%): «Тӱня мучко шуйналтын кием, кидем да йолем лиеш ыле гын, шогалын, кава марте шуам ыле; ойлен да ужын моштем ыле гын, чылажымат каласкалем ыле» — «Разлегся я на весь свет, если мне б руки да ноги, я бы встал да небо достал, а если бы еще рот да глаза, все бы вам рассказал»[1] — дорога. Надо полагать, что большая часть текстов со всевозможными союзами — явление довольно позднее. Но было бы ошибочным утверждение, что марийский язык в начале нашего тысячелетия не располагал сложными конструкциями. Доказательством этого служат ряд загадок о древних вещах марийцев («Озаже эре колта, колтымыжо эре кая, куш кая — шкат ок пале; озаже мом кӱшта, тудым шукта» — «Хозяин посылает, посланный идет, куда — не знает, но приказ исполняет» — стрела)[2], тексты молитв, заклинаний и примет.

Наличие текстов с различными типами сложных предложений и смешанных конструкций, безусловно, есть результат обогащения структуры марийского языка новыми синтаксическими возможностями на основе постоянного качественного видоизменения, а именно: бессоюзные сложные предложения становятся союзными («Кеча груша — кочкаш ок лий» — «Висит груша — есть нельзя», более поздний вариант: «Грушам пеш чевер, да кочкаш ок лий» — «Груша красна, да есть нельзя»)[3], простые предложения становятся сложными («Шудо дечын ӱлыш, кужу дечын кужу» — «Ниже травы, длиннее длинного»; поздний вариант: «Кия гын — шудо дечат ӱлыш, шогалеш гын — каваш шуэш» — «Лежит — ниже травы, встанет — неба достанет» — дорога)[4], простые нераспространенные предложения становятся распространенными («Ургышдымо тумыш» — «Заплата без швов»; поздний вариант — «Тумышыжо ул, ургышыжо уке» — «Заплата есть, а швов нет» — пегие животные)[5].

---

1 Марийские народные загадки, № 125.
2 Там же, № 1271.
3 Там же, №№ 984, 984а.
4 Там же, №№ 124, 124а.
5 Там же, №№ 391, 392.

Совершенно другое дело в марийском литературном языке, где сочинители часто прибегают к сложным конструкциям предложений.

Общей, но яркой и редкой формой синтаксического оформления загадок является метафорический диалог, где предметы и явления характеризуют друг друга. Таких текстов мы обнаружили среди марийских загадок — 15, мордовских — 10, удмуртских — 3, коми—1.

Какие же предметы «говорят» о своих напарниках, сами о себе? Это, прежде всего, сама природа, птицы и животные, некоторые вещи, с которыми человек сталкивается повседневно. Поэтому, видимо, в народной речи самые простые незамысловатые вещи облекаются в остроумную загадочную форму. К примеру, загадка о сенокосе:[1]

— Хромой Лука, кушко кает?
— Нӱжмӧ пундыш, тылат могай сомыл?!

— Хромой Лука, куда идешь?
— Бритый пень, какое тебе дело?!

Загадка записана в деревне Пахтаево Яранского района Кировской области, где местное население часто использует для воссоздания образа русскую лексику, поэтому Лука «хромой», а не «окшак», как это преподносится у восточных марийцев. Здесь как бы происходит разговор между стержнем скошенной травы и косой. Аналогичные загадки имеются у народа коми и мордвы:

— Пиндол-вандол, ков молят?
— Нараф чакантъ пяли моян[2]

— Пиндол-вандол, куда идешь?
— Постриженная, к тебе иду.

Вот такой разговор ведут река и луг в удмуртской загадке:

— Чтыр-чутыр, кытчы мынил?
— Чышкем кымес, ма ужед?![3]

— Криво-косо, куда бежишь?
— Бритый лоб, какое тебе дело?!

А в коми загадке «не в ладу» река и ее берега:

---

1 Марийские народные загадки, № 565.
2 *Самородов К. Т.* Загадки мордовского народа, 669.
3 Учен. зап. Удмуртского НИИ, Ижевск, 1954, вып. XVI, № 107.

— Чукыль-мукыль, кытчо мӧдин?
— Шырӧм бурысь, мый тэд могыс?[1]

— Извилистый, куда идешь?
— Стриженая грива, какое тебе дело?

В загадках поволжских и пермских финно-угорских народов нередко встречаются выражения *читыр-чутыр* или *кырыж-мерен*—у удмуртов, *кичкорня-муворня* или *кичкере-мура* — у мордвы, *чукыль-мукыль* — у коми, и *кагыр-мугыр, кыгыр-мугыр* — у марийцев. Все они относятся к реке, траве, изгороди и на русский язык переводятся словом «криво-косо» или «извилистый». По нашему мнению, загадки с такими изобразительными междометиями восходят к очень далекому времени, возможно, даже к финно-угорской общности. Тексты подобных загадок синкретичны.

По-видимому, в начальном периоде распада волжско-пермской общности уже бытовали загадки-триады. Отголоски таких загадок можно заметить и в настоящее время у марийцев и у мордвы.

Тӱняште кумыт уке[2].

На свете нет трех вещей.

Отгадка — мост через море, лестница в небо, птичье молоко. Или другая марийская загадка об изгороди, дороге и овраге:

Ымыштым-юмыштым кумыт кагыр[3].

На свете три кривулины.

Подобна и мордовская загадка:

Монь колма ялгане:
Фкясь трясамань,
Омбоцесь симнесамань,
Колмоцесь пирьф ваны[4].

У меня три товарища:
Один меня кормит,
Другой поит,
Третий двор караулит.
(лошадь, собака, корова)

Правда, у коми и удмуртов следы таких загадок пока обнаружить не удалось, но выражение *чукыль-мукыль, чукыля-викыля* у коми, *читыр-чутыр, кырыж-мерен* — у удмуртов, относящиеся к этим же отгадкам,

---

[1] *Плесовский Ф. В.* Устно-поэтическое творчество коми народа. — «Историко-филологический сборник». Сыктывкар, 1958, вып. IV, с. 174.
[2] Марийские народные загадки, № 129.
[3] Там же, № 129а.
[4] Мордовские загадки, № 517.

дают некоторую возможность полагать, что подобные загадки-триады в небольшом количестве бытовали среди коми и удмуртов. Исследователь бурят-монгольского фольклора М. П. Хаманганов утверждает, что загадки-триады зародились в отдаленные времена[1]. Если так, то по всей вероятности, загадки-триады — это реминисценция переходного периода от древнейшей стадии развития загадки к современной, с более широко развернутыми метафорами.

Наряду с загадками диалогической формы имеются и монологические, в которых загадываемый предмет «ведет разговор» сам о себе:

Шулдырем уке — чонештем,
Мланде ӱмбалне ом кошт,
Шӱдыр-злакымат ом шотло.
Ен злакымат ом пале[1].

Крыльев нет — летаю.
По земле не хожу,
Звезд не считаю
И людей не знаю.

(Туча.)

Иногда диалог и монолог сочетаются со словами автора. Например, в загадке о телеге, санях и лошади: «Пӧрт коклаште кум кайык мурен шинчат, иктыже: «Ой кенгеж сай, кенгеж сай!» — манеш, весыже: «Ой теле сай, теле сай!» — манеш, кумшыжо: «Кенгежшат, гелыжат — иктак»,— манеш» — «На закутке три птички поют, первая: «Ой, хорошо, летом хорошо!», вторая: «Ой, хорошо, зимой хорошо!», а третья: «И зимой, и летом мне все равно!»[3].

Наблюдения показывают, что среди подобных больше всего встречаются загадки с монологом, затем — с диалогами, в последнюю очередь—диалог и монолог в сочетании со словами автора.

В качестве выразительного средства загадок употребляется также ударение. В зависимости от текста оно выделяет определенный слог или подчеркивает в предложении какое-либо слово или группу слов (словосочетание) наибольшей смысловой значимости.

В народных загадках довольно богато и разнообразно используются частицы как усилительно-выделительные, выделительно-ограничительные, определительные и

---

1 *Хаманганов М. П.* Бурят-монгольские загадки-триады. — «Учен. зап. Бурят-монгольского пединститута имени Д. Банзарова». Улан-Удэ, 1957, вып. XI, с. 146.

2 Марийские народные загадки, № 41.

3 Там же, № 1080.

другие, служащие для выражения различных смысловых оттенков слов, группы слов или целых предложений. А в современном марийском языке ряд частиц (*-ат, -ак, -ок*) и суффиксов (*-ян* и др.) имеет постоянное место в словах. На большинство из них падает ударение, которое организует мелодику речи, придает ей певучесть и музыкальную окраску («Кенгежге, телыге— ик саска» — «Зимой и летом — одним цветом» — ель, сосна; «Вӱдат огыл, тулат огыл — когарта» — «Не вода, не огонь — жжется» — крапива и др.; «Пӱдеок пырлеш, киддеок рисуя» — «Без зубов — кусает, без рук — рисует» — мороз)[1].

Фразовое ударение в предложениях зависит в большинстве случаев от типов предложений. Тут, конечно, нельзя игнорировать и желания загадывающего.

В простых распространенных предложениях ударение сравнительно в равной степени падает на подлежащее и сказуемое:

«Тли-тали кучыш» — «Ковылиха-крючок»; «Тарас тарта» — «Тарас-глупец»[2].

В простых распространенных предложениях фразовое ударение имеет следующие особенности:

а) Если в других жанрах народного творчества определение принимает ударение на себя, а определяемое слово оттеняется, то в загадках, как правило, ударение падает на них и составляет логическое ударение данного предложения: «Кудо тӱньык гыч **ший шуарвондым** шуэм» — «Сквозь трубу бросаю **серебряный пестик**» — солнечные лучи; «Чодыра покшелне шем шорык коваште кеча» — «Посреди леса висит **черная овчина**» — черемуха[3].

б) В личных предложениях, где опущено подлежащее, ударным словом всегда выступает сказуемое: «**Чумыргенып,** менгылан кидыштым **кучыктенып,** кудывече йыр **куржталып**» — «**Собрались** в кучу, **взялись** за палку, и **бегают** по двору» — метла[4].

в) В обстоятельствах и дополнениях ударение непостоянное, оно зависит от загадывающего, от его же-

---

1 Марийские народные загадки, №№ 164, 62, 347.
2 Там же, №№ 757, 990.
3 Там же, №№ 7, 187.
4 Там же, № 1028.

лания подчеркнуть «трудный» образ, чтобы слушателям легче было отгадать искомый предмет, или совершенно наоборот, чтоб сладить предлагаемый образ. В таких случаях сами загадывающие говорят: «Вуйда йыр шоналтыза!» — «Пораскинтье мозгами». Например, о нашем дневном светиле-солнце могут предложить:

Чодыра дечат **кӱкшӧ,** волгыдо дечат **волгыдо**[1]. (**Выше** леса, **краше** света).

Или:

Чодыра дечат кӱкшӧ, **волгыдо** дечат волгыдо. (Выше **леса,** краше **света.)**

г) Обращения, входящие в состав простых предложений, всегда являются ударными:

— *Кадыр нер,* куш кает?
— *Кужу йӱплан* мо паша?[2]

— *Горбоносые,* куда идете?
— *Длиноволосой* какое дело?

(Лыжи, трава.)

Более важную роль фразовое ударение играет в сложных предложениях, особенно в бессоюзных, где оно является одним из основных средств выражения смысловых и грамматических связей между частями предложения[3].

Если простые предложения, входящие в состав сложного, находятся в причинной, противительной или уступительной зависимости, то первое простое предложение произносится с упреждающей интонацией, что в дальнейшем последует разъяснение, а второе предложение — с заметным понижением тона:

Тул йӱла —| *шикшыже ок лек*[4].

(Огонь горит, |*а дыма нет* — светлячок).

Если же связь между простыми предложениями временная, то они все произносятся с интонацией перечисления и с некоторым повышением тона в конце каждого предложения:

«Йӱрат йӱреш, |лумат лумеш — ||Козай ватылан нимат огыл». («**И** дождь льет, |**и** снег идет, ||а жене Козая все нипочем» — кол ден прясла).

Необходимо также подчеркнуть, что одно и то же

---

1 Марийские народные загадки, № 1.
2 Там же, № 1432.
3 *Тимофеева В. Т.* Современный марийский язык, с. 10.
4 Марийские народные загадки, № 544.

бессоюзное предложение может быть прочитано с разными интонациями.

Своей поэтичностью ярко выделяются загадки, в которых образы рисуются путем ступенчатого сужения:

Пӱнчӧ, пӱнчыштӧ латкок укш,
укшыжо еда ныл пыжаш,
пыжаш еда шым муно[1].

Сосна, на сосне двенадцать сучьев, на каждом сучке четыре гнезда, в каждом гнезде семь яиц — год.

В марийских загадках нередко встречается особый прием повтора — палилогия:

Тумо,
Тумо ӱмбалне шоло,
Шоло ӱмбалне писте,
Писте ӱмбалне куэ[2].

Дуб,
На дубе вяз,
На вязе липа,
На липе береза — сани.

Являясь выражением народной мудрости, накопленной веками и постоянно пополняющейся, марийские народные загадки чрезвычайно интересны как образцы народной речи, поражающие своей лаконичностью и яркостью.

---

1 Марийские народные загадки, № 158.
2 Там же, № 1077.

Глава пятая

СВЯЗЬ ЗАГАДКИ С ДРУГИМИ ЖАНРАМИ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА. ВИДОИЗМЕНЕНИЕ ФУНКЦИИ ИНОСКАЗАТЕЛЬНОЙ РЕЧИ

Жанры фольклора находятся в сложнейшей диалектической взаимосвязи, но каждый из них отличается свойственными ему характерными особенностями. Во-первых, различие между жанрами народного творчества ярко сказывается в их поэтике, в своеобразном отображении действительности. Во-вторых, в дифференциации функций отдельных жанров, их бытования, особенностей исполнения, ибо загадка, как и другие фольклорные жанры, есть эстетическая абстракция. Его художественная природа, его специфика проявляется лишь в конкретных произведениях, которые не существуют вне определенной жанровой системы и не могут быть понятны вне ее. В-третьих, жанровая взаимосвязь и взаимопроникновенность получает свое проявление у каждого народа по-своему.

Взаимосвязь загадки с другими видами народного творчества необходимо рассматривать в сравнительном аспекте. Это дает возможность проследить развитие функций загадок, установить некоторые тенденции в их генезисе.

Первоначальное назначение загадки особенно подчеркнуто выявляется, когда она изучается во взаимосвязи с другими жанрами устного народного творчества, в первую очередь, со сказками.

В репертуаре марийского фольклора имеется немалое количество сказок, сюжет которых основан на за-

гадках. Так, например, в сказке «Умылыдымо каче» («Несмышленый жених»)[1] предметом загадки являются ответы невесты на вопрос жениха.

«Однажды на базаре девушка выручила сына одного бедняка. Отцу понравилась ее находчивость и поэтому, накупив вина, он посылает своего сына со сватом отыскать эту девушку. Вот пришли они к ней и спрашивают:

— Разве у тебя нет семьи?

— Семья? Есть! Есть у меня отец, мать, брат и невестка. Только мать ушла менять черное на белое. Отец ушел вынимать у живого сердце и легкие, а брат с невесткой ушли валить стоячих наземь,— говорит девушка.

Сват удивился, он ничего не понял из того, о чем говорила девушка. Потом он попросил у нее попить водицы.

— Воды нет. Я сама пью обмывки мертвеца,— ответила она и, взяв кувшин, вышла в другую избу. А жених со сватом посоветовались и сказали себе: «Зачем нам позволять так срамить себя!»

Сели и уехали. Приехали к отцу жениха и обо всем рассказали. А отец им говорит:

— Эх, глупые, ничего вы не поняли. Ведь она вам сказала, что отец ушел в лес делать бортевые улья, мать—полоскать белье, а брат с невесткой — жать, а напоить хотела она вас медовой бражкой. Поезжайте туда обратно, она как раз тебе подходящая жена.

Съездили жених со сватом, привезли девушку, и зажили они богато».

В другой народной сказке, использованной классиком марийской литературы М. Шкетаном в рассказе «Капка орол» («Караульщик ворот»)[2], отец сыну завещал: «Сынок, после моей смерти считай пни и ешь мед с калачами».

Когда умер отец, сын стал каждый день пересчитывать пни около своего дома, а потом, поев мед с калачом, ложился спать и спал до тех пор, пока не надоест. Проснется, опять начнет пересчитывать пни, опять ест

---

[1] *Четкарев К. А.* Марийские народные сказки. Йошкар-Ола, 1948, с. 138.

[2] *Шкетан М.* Капка орол. — Собр. соч., т. 2, с. 342.

мед с калачом. Пней было бессчетное множество — это отец вырубил лес для дворовых построек. Бревна достались сыну и сейчас гнили под дождем. А вот сын уже несколько лет ел мед с калачом и считал пни, но проку от этого не было, разбогатеть ему никак не удавалось...

«И что это такое,— думал сын,— живу по заветам отца, ем мед с калачом, все время считаю пни, а не разбогатею. Почему это так?»

Думал, думал сын и решил спросить старика-соседа.

— Эх, парень,— сказал сосед,— видать, тебе отец загадал загадку. Пни считай ты, когда их корчуешь, а на том месте начни сеять пшеницу. Тогда станешь жить в достатке, не будет стыдно перед народом.

Сын послушался соседа и принялся за работу».

Обращает на себя внимание сказка «Марий ден татар купеч» («Мариец и купец татарин»)[1], где мариец и татарин ведут спор из-за жеребца, который появился на свет ночью во хлеву постоялого двора и утром оказался возле мерина купца. Заспорили. Мариец обратился в суд. Судья для разрешения спора задает им загадки: «Что самое жирное на свете?», «Что самое вкусное?», «Что самое быстрое?» и «Что самое мягкое?» Кто отгадает — тому и жеребенок.

Загоревал мариец, вернулся домой и не ест, и не пьет. Это заметила десятилетняя дочь и спрашивает:

— Отец, чем так озабочен?

Рассказал бедняк все по порядку.

— Разве это трудная загадка? Я знаю,— сказала дочь и сообщила отцу отгадки.

Обрадовался отец, смело вернулся к судье. Первым стал отвечать купец.

— Самое жирное на свете — это свинья моей сестры. Она высотой в метр, а в длину полтора метра, еле ходит по двору. Что самое вкусное? — это, наверное, жаркое, которым угостила меня сестра. А самое быстрое — жеребец тетки, который стоит незапряженным вот уже третий год. А самое мягкое — это перина у моей тетки, она высотой в аршин, ляжешь, и самого себя не видно.

---

1 Сказки разных авторов. — НРФ МарНИИ. Дело № 700, с. 78—81.

Заробел мариец. Ответы купца, пожалуй, тоже были верны. А каковы его, то есть дочери?

— Ну ты, говори, говори! — поторапливает судья.

— На свете самое жирное — земля, самое вкусное — сон, самое быстрое — ум, самое мягкое — ладонь, — четко ответил мариец.

— Ты загадки сам разгадал или кто-нибудь другой помог? — допытывается судья.

— Помогла мне моя десятилетняя дочь, — поясняет истец.

Судья вызывает и дочку, предлагает ей ряд трудных загадок-задач: сшить трехметровой ниткой гимнастерку, галифе и картуз; приехать к судье не по дороге, но и не без дорог; не на лошади и не без лошади; не в рубашке и не без рубашки. Она разрешила и эти задачи. И судья удовлетворил просьбу истца.

Подобные варианты имеются и в других марийских сказках[1].

Так загадки, вводимые в основной сюжет сказки, представляют средство, возбуждающее любопытство, и держат слушателей в напряжении[2].

Загадка в сказках принимает всевозможные виды и оживляет ее. Например, в сказке «Ӱй ден мӱйым коч» («Ешь масло и мед»)[3] умирающий отец в аллегорической форме делает сыну наставления, как он должен жить в будущем: «Ешь масло и мед, никому не говори «добрая помощь».

Сын это понял в буквальном смысле и совершенно обеднел. Оказывается, отец сыну пожелал раньше других выходить на работу, тогда не будет надобности говорить «Добрая помощь». А если поработаешь на славу, то в хозяйстве в изобилии появится все необходимое — и масло, и мед.

Такие коллизи сюжетов встречаются в сказках «Ачаж ден эргыже» («Отец с сыном»)[4], «Мӱй ден калачым коч» («Ешь мед с калачом»)[5], «Марий эрге Йы-

---

1 Поп ден йорло. — «Ямде лий», 1937, 28 мая.

2 *Елеонская Е. Н.* Некоторые замечания о роли загадки в сказке. — «Этнографическое обозрение». М., 1907, № 4, с. 78—79.

3 *Васильев В. М.* Марий калыкын йомакше.., с. 46—47.

4 Там же, с. 47—48.

5 *Шкетан М.* Собр. соч., т. 2, с. 263—264.

ван» («Иван — сын марийца»)[1], «Окса под» («Котел с деньгами»)[2] и др.

В сказках нередко загадки находят применение в качестве реплик, которыми герои прикрывают свое действительное намерение. Так в сказке «Умылыдымо каче» («Несмышленый жених»), которую мы приводили выше, характерными являются реплики-ответы невесты на вопросы жениха.

Аналогичные загадки-реплики мы встречаем в сказке «Пачер» («Квартира»)[3].

Как видно, в сказках мы сталкиваемся с своеобразным видом афористического творчества — с «пиктографической» загадкой. Подобные афоризмы мы находим и в самостоятельном бытовании. Такие сказки близки к народным рассказам. Например, сказка «Отец и сын»[4].

«Жили отец с сыном. Сын был своенравный, работы не любил, с отцом все время ругался. Отец стал умирать и говорит сыну: «Сын мой, строй дом в каждой деревне, на каждой полосе мой лопаточки сохи, а если сильно станут притеснять из-за подати, то привяжи веревку к кольцу покрышки старой борти и удавись».

Отец в борть закладывает деньги, ввинчивает кольцо к покрышке борти и умирает.

После смерти отца сын его возит бревна и строит дом в каждой деревне, на каждой полосе моет лопаточку сохи. Живя так, он совсем обеднел. Будучи стеснен в отношении подати, он претерпевает и телесные наказания. Малый испытал страшные мучения, берет веревку, идет к борти, привязывает веревку к кольцу, делает на другом конце петлю и повисает на ней. И на него из борти сыплются деньги. Малый разбогател, уплачивает подати, а соседи все равно его бранят.

— А-а, ты по деревням дома строишь, на каждой полосе лопаточки моешь!

И начинают его бить.

— Отец мне так навещал, я и исполняю его желание, — отвечал малый.

---

1 НРФ МарНИИ, МФЭ 1952, тетрадь № 3, с. 1—3.
2 «Йошкар кече», 1923, 5 апр.
3 НРФ МарНИИ, МФЭ 1960, тетрадь № 2, с. 54—55.
4 *Васильев В. М.* Марий калыкын йомакше.., с. 47—48.

— Разве отец так говорил? Он завещал загадками: в каждой деревне строить дом, значит — заводить родню, мыть лопаточки у сохи, значит — корчевать кустарники.

После этого малый стал жить по мудрому совету отца».

Иногда загадка в сказках служит концовкой произведения. Например, в некоторых населенных пунктах Оршанского и Медведевского районов Марийской АССР, Яранского района Кировской области некоторые сказки завершаются такой широко распространенной загадкой: «Бочко ӱмбалан бочко, бочко ӱмбалан бочко, ӱмбалныже шондаш» — «Бочка на бочке, бочка на бочке, а на ней чесалка», отгадкой которой является дягиль. Приведенным выражением рассказчик-загадочник как бы подчеркивает, что тут многое сказано, выбирай как чесалка: лишнее выбрасывай, а нужное намотай на ус.

Определенную близость рассматриваемых жанров (загадки и сказки) подчеркивает и сама народная загадка («Мучашдыме мемгыш унчыливуя кӱзем» — «На бесконечный шест поднимаюсь вниз головой» — загадка о загадке; «Чара пистышке тупынь кӱзем» — «На голую липу поднимаюсь спиною» — загадка о сказке)[1].

Определенную взаимосвязь загадки и сказки отметил известный литературный критик 20-30 годов Вачай: «Сказка имеет еще одну особенность: некоторые сказки можно понимать иносказательно, как загадку: говорится об одном, разуметь надо другое»[2].

В северо-западном наречии загадку называют не *тушто*, а *йомак* 'сказка'. Аналогичное явление отмечает исследователь мордовского фольклора А. И. Маскаев[3]. Иные загадки мордовского народа имеют еще присказочное выражение. У мокши «азодан ёфкс», у эрзя — «ёвтан ёвко», которые на русский язык переводятся словосочетанием «расскажу сказку»[4].

Известная связь загадки и сказки обнаруживается

---

[1] Марийские народные загадки, №№ 651, 652.

[2] *Вачай.* Сылнемут ден возымын тӱнг рӱдыжӧ. — «У вий», 1930, № 5—6, с. 28.

[3] *Маскаев А. И.* Мордовские народные сказки. Саранск, 1947, с. 8.

[4] *Самородов К. Т.* Мордовские загадки, №№ 751, 1417.

и в совпадении сроков загадывания загадок и рассказывания сказок[1].

Загадки марийцев, как и других народов, очень близки и пословицам. Сходство между ними наблюдается в следующем: те и другие сжаты, кратки и лаконичны, афористичны и бессюжетны. Поэтому иногда загадки полностью совпадают с пословицами и отличаются лишь незначительным изменением смыслового (логического) ударения или отсутствием некоторых компонентов. Например, загадка о человеческом горе: «Шинчаш ок кой, да малаш эрыкым ок пу» — «В глаза не видно, а спать не дает»[2]. В пословице же к началу текста добавляется слово — отгадка загадки — горе 'ойго' («Ойго шинчаш ок кой, да малаш эрыкым ок пу» — «Горя глазами не увидишь, но оно спать спокойно не дает»)[3].

Подобными являются загадки о деньгах: «Шортын толеш, шӱшкен кая» — «С плачом приходит, с песней уходит»; о рыбе: «Мый лӱпчык ӱдырамашын ӱстембалныже кум ий годым илен кертам» — «На столе у неряхи проживу три года»; о еже: «Кӧ шке мутшылан ӧпкела?» — «Кто упрекает сам себя за свои слова?»; о лестнице, мосте и птичьем молоке: «Йымыштым-юмыштым кумыт уке» — «На свете нет трех вещей»[4]. Для сравнения приведем соответствующие пословицы: «Окса шортын толеш, мурен кая» — «Деньги с плачем приходят, с песней уходят»; «Кол лӱпчык ӱдырамашын ӱстембалныже кум ий годым ила» — «Рыба на столе у неряхи проживет три года»; «Шонгшо шке мутшылан ӧпкела» — «И еж в своем слове раскаивается»; «Юмыш кӱзаш шоптшар уке, тенгыз вончаш кувар уке, ош варашын шӧржӧ уке» — «На небо лезть лестницы нет, море перейти моста нет, у белого ястреба молока нет». Вследствие этого, вероятно, народ создал поговорку: «Иктыжым туштет, весыжым каласет» — «Одно загадаеш, другое выскажешь»[5].

---

1 *Четкарев К. А.* Ронго районысо йомак-влак. — В кн.: Марий фольклор ден литература, с. 79—80.

2 Марийские народные загадки, № 650.

3 *Ибатов С. И.* Марийские пословицы, поговорки и загадки, с. 110.

4 Марийские народные загадки, №№ 884, 551; запись автора.

5 *Ибатов С. И.* Марийские пословицы.., с. 61; запись автора.

Иногда текст загадки в абсолютной форме употребляется в значении пословицы. Часто прибегают, например, к марийской загадке «Енгамже пеш чевер, да нерже ӱпша» — «Красива молодка, да нос воняет»[1], когда намерены отметить о те или иные духовные погрешности человека, одетого щеголевато. Такое явление характерно и для загадок других финно-угорских народов, к слову, мордовских: «Сонць аф сяряди, а куфксни» — «Сам(а) не болеет, а все стонет»[2]. Данное выражение как загадка поворит о свинье, а как пословичное изречение — клеймит человека-притворщика.

Иногда в загадках мысль может достигнуть такой глубины обобщения, что ее трудно связать лишь с конкретными объектами загадки. Поэтому такие загадки становятся источником для возникновения пословицы.

Наблюдается и обратная взаимосвязь — народная пословица в художественной литературе используется в значении загадки, возникающей из иносказательного намека. Подобное явление довольно часто встречается в произведениях классика марийской литературы М. Шкетана.

«Карпуш при каждой встрече с ним посмеивался:

— Давай, машинами поменяемся! На твоей я буду намолачивать на 25 процентов больше...

— Не надсмехайся, —ответил ему Васю.—Гусят по осени нащупывают: жирные или нет...

— Загадку загадываешь, видимо, ха-ха!»[3].

Другой пример:

«— Как ты думаешь: три наших короля добьются или нет своего?

— Добьются, — говорит Вӧдыр и четко ставит свой стакан.

— Но-о?!

— Когда бог спит, черту свобода...

— Что загадываешь?

— Если будете так медлить, вас раздавят»[4].

Аналогичное смысловое употребление поговорок в

---

[1] Марийские народные загадки, № 518.

[2] *Самородов К. Т.* Мордовское паремиологическое творчество. — В кн.: Устно-поэтическое творчество мордовского народа, т. IV, кн. 1. Саранск, 1967, с. 21.

[3] *Шкетан М.* Карпуш. — Собр. соч., т. 2, с. 342.

[4] *Шкетан М.* Эрнгер. — Собр. соч., т. 4, с. 247.

фигуральном значении можно встретить в повестях и рассказах Я. А. Элексейна[1], драмах и комедиях А. А. Волкова[2] и у других марийских писателей.

Такую диалектическую взаимосвязь загадок и пословиц, поговорок заметил составитель толкового словаря русского языка В. Даль, который включал народные загадки в пословичный сборник. Он мотивировал это тем, что загадки всякому известны; допустив все остальное, казалось, не следовало исключать из этого сборника и их, потому что это такие же короткие изречения, то пошлые и ничтожные, то замысловатые, со своеобразным взглядом на вещи. Но и загадки иногда переходят в пословицы, становясь и тем и другим[3].

Сравнительный анализ позволяет отметить следующие отличия народных загадок от пословиц: во-первых, загадки отражают взгляды народа на природу и вещи, а в пословицы же включена вся житейская мудрость человека; во-вторых, загадки более древни по своему происхождению, в них «открылся полный простор для творческой фантазии человека, в пословице — для его здравого смысла и критики»[4]; в-третьих, видовое, а не родовое — вот что отмечает загадка. «Загадка, — как отмечает М. Рыбникова, — с ее частным мировоззрением стоит уже на грани поэзии и философии»[5]; в-четвертых, загадки всегда предметны и конкретны. Вследствие этого очень мало загадок о религии, правде, смерти, качествах человека и др.

Нередко народные загадки взаимосвязаны с народными песнями. Основную массу таких песен можно делить на две группы: песни-загадки и песни, в которых загадки составляют элемент поэтики.

Песни-загадки, которые в недавние времена исполнялись на свадьбах и праздниках, в настоящее время поются только при загадывании. Например, пляшущие пары должны были отблагодарить играющих на пузыре и барабане домашним напитком. Хозяин, зная эту на-

---

1 *Элексейн Я. А.* Ӧрмӧк. — В кн.: Ойлымаш ден повесть-влак. Йошкар-Ола, 1955, с. 33, 40, 46.

2 *Волков А. А.* Шочмо ялыште. — В кн.: Пьеса-влак. Йошкар-Ола, 1958, с. 8, 27.

3 *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 1957, с. 20.

4 *Садовников Д. Н.* Загадки русского народа. СПб, 1876, с. 1.

5 *Рыбникова М. А.* Загадки, с. 17.

родную традицию, наливает в ковш квас, при этом отплясывающие приговаривают загадками. Первый: «Тӱр ден тӧр, тӱр ден тӧр!» — «Вровень с краем, вровень с краем!», а другой вторит: «Пелыжат сита, пелыжат сита!» — «Достаточно и половины, достаточно и половины!». В целом — это загадка о пузыре и барабане. Затем, получив наполненный ковш, ставят его на голсву и под общий аккомпанемент этой песни-загадки плавно отплясывая, совершают несколько кругов[1].

У народа мари пелась и другая песня-загадка о самой свадьбе: «Ой-руй, рашт-рушт, дӱбр-дӱбр, дӱп-дӱп! Чиа-чиа коп-коп чонгырдик лӧшт!»[2]. (Загадка построена на звукоподражательных словах и на русский язык не переводится.)

М. Шкетан в юмористическом рассказе «Нернеш Йогор» пишет: «Яков, забравшись на бревна, заиграет старинные мелодии дедушки. Не своего дедушки, а песни деда по матери. Скоро пять лет, как он умер. Играя песни дедушки, Яков мысленно вспоминает и слова песни: «Вли-вли влича, пигашлик-ташлик, азик-вузик тувузук, вечерний ковш чумбаш, возле врага акмата ножки...» — пел дед Якова.

«Что означает эта песня, как ее понять?» — часто задумывался Яков и допытывался у многих стариков. Они тоже толком ответить не могли. Некоторые говорили: «Это не песня, а старинная марийская загадка...»[3]

Так иные песни просто не имеют никакого содержания, кроме загадок[4].

В 1925 году, когда был написан упомянутый рассказ, автор, по всей вероятности, сам не знал конкретную отгадку загадки-песни. Позже, в 1936—1937 годах, он опубликовал другое свое произведение — «Якшывай», где уже констатирует:

«Темит — певец, музыкант. Он умеет мастерить свирель из дягиля, умеет и играть на ней. Иногда он выходит на улицу, сядет под окно и заиграет нежные

---

1 Из личного фонда автора. Загадка записана в деревне Шӱкшер Сернурского района МАССР.

2 *Икумарий.* Марий калыкын туштыжо, с. 1.

3 *Шкетан М.* Собр. соч., т. 3, с. 23.

4 *Худяков И. А.* Великорусские загадки. — В кн.: Этнографический сборник. СПб, 1864, вып. VI, с. 15.

мелодии сернурских и торъяльских марийцев. Вокруг него закружатся мальчишки, просят его рассказывать сказки. А Темит будто и не слышит, играет себе на свирели, временами поет: «Вли-вли влича, пичашлык-ташлик, азик-вузик тувызик. Вечерний ковш чӱмбаш, возле оврага акмата ножки...».

— Это же не песня! — замечают некоторые из детей.

— Это — загадка, про утку с утятами так загадывают...

Темит песни придумывает сам, исполняет как загадки. Поэтому он слова коверкает, запутывает. Хотя так — ребята понимают его песни, смеются до слез»[1].

Некоторые загадки-песни и в настоящее время преподносятся как песни. Например, в Новоторъяльском районе поют о порхающей бабочке:

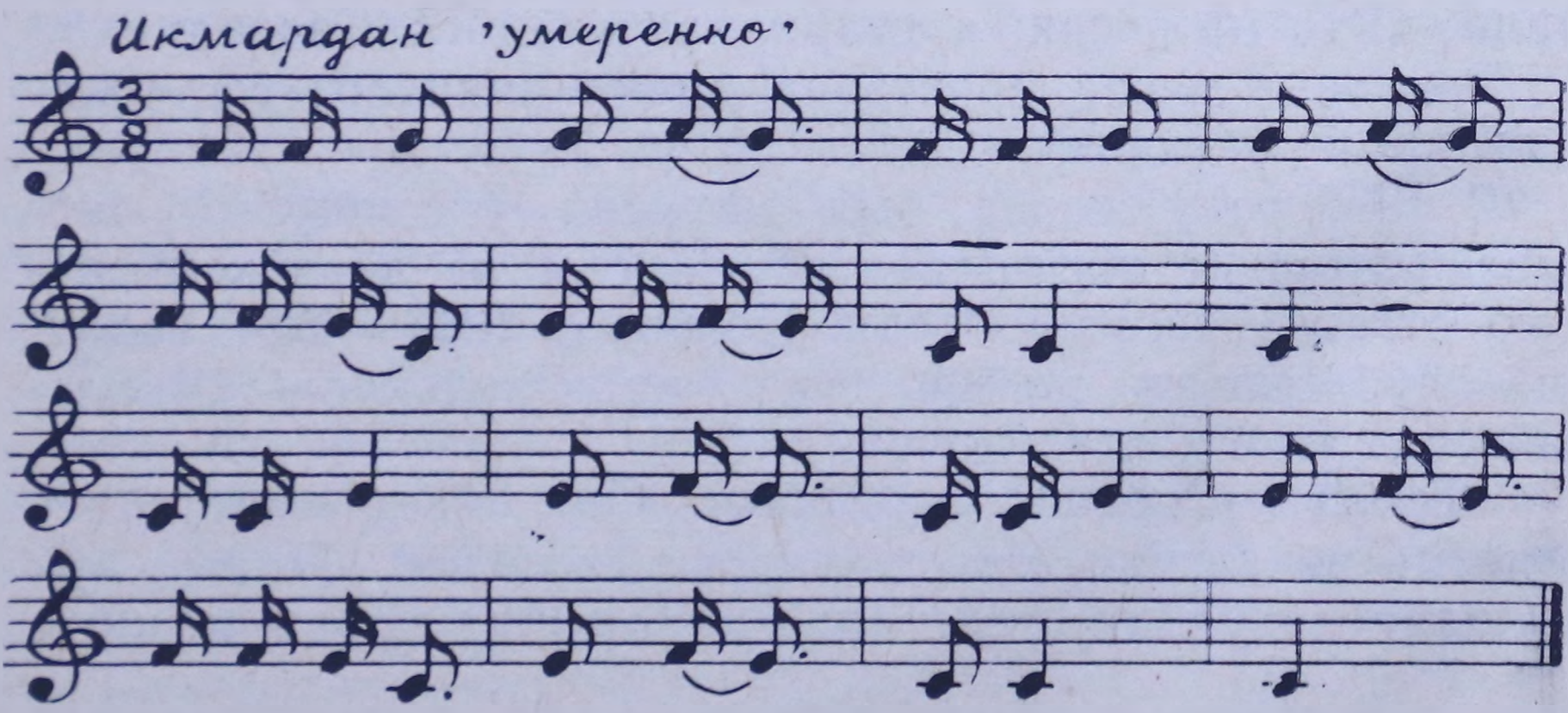
Ведаси выр-выр,
Тораси тор-тор,
Укалеш кышажат,
Огеш шокто йӱкшат,

Кая шым нурым коден,
Кая шым ялым эртен,
Кая шым энгерым вончен[2].

Феодосия выр-выр,
Тораси тор-тор,
Нет и следов,
Не слышно и голоса, идет

Оставив семь полей,
Оставив семь деревень,
Оставив семь речек.

Песня в нотном переложении звучит таким образом[3]:

---

1 *Шкетан М.* Собр. соч., т. 3, с. 256.

2 Из личного фонда автора. Загадка записана от уроженки дер. Кем-Сола, Новоторъяльского района, Мар. АССР Бояриновой В. И.

3 Запись мелодии А. С. Смирнова.

Известный фольклорист К. А. Четкарев тоже указывает, что в Казанском районе (сейчас он входит в состав Сернурского района Марийской АССР) в 20-х годах на мотив русской проходной песни пели известную звукоподражательную загадку о белке.

Этым-этым шуэтым,
Чика-рика йылметым,
Казна капка почметым...

А последняя, четвертая строчка песни придумывалась тут же на ходу[1].

Искусствоведы Я. А. Эшпай и П. Н. Никифоров отмечают наличие детских песен-загадок[2].

Выше мы отметили, что имеются загадки, которые включаются в песни как элемент поэтики (сравнение, метафора, параллелизм):

Кычкалме имнем — юмын йорга,
Руалалме пӱгем — сонарпыл.
Чийме вургемна — юмын саска,
Ышке улына — мӱкш ава[3].

Запряженная наша лошадка — божья кокетка.
Закинутая дуга — радуга.
Накинутая одежда наша — божий плод.
А мы сами — пчелиная матка.

Совмещая загадку о радуге с ее отгадкой, песня сравнивает предмет и явление, а гиперболизация создает образную картину. Употребление же параллелизма дается как развернутое сравнение:

Вӱдлан волымо годым ведра мура,
Кӱзымӧ годым мӱгыра.
Рвезе салтакышке мӱгырен кая,
Савырнен толеш муралтен.

Когда спускаешься за водой — ведра поют,
Поднимаешься — плачут.
Парень едет в армию — плачет,
Возвращается — поет[4].

---

1 *Четкарев К. А.* Песни мари. — В кн.: Марий калык муро. М.-Л., 1951, с. 26.

2 *Эшпай Я. А.* Марий калык муро. М., 1957, с. 3; *Никифоров П. Н.* Марийские народные музыкальные инструменты. Йошкар-Ола, 1959, с. 23.

3 НРФ МарНИИ, 1969, тетрадь № 2, с. 1.

4 *Николаев М. С.* Запись в дер. Карзя Вагайского района Тюменьской области. НРФ МарНИИ. МФЭ 1969, тетрадь № 2, с. 1.

Загадка в песне служит для составления образной метафоры:

Чевер ӱдыр вӱдлан вола,
Вӱдвараште варасем.

Мурен вола, ой ужата,
Тыркерым эртарен колта,
Тыркерым эртарен колта,
«Чеверын код!» манын кода[1].

Краса-дева по воду спускается,
На коромысле — ласточки.

Спускается и поет, ой, прощается,
С молодым сосняком прощается,
С молодым сосняком прощается:
«До свидания!» — говорит.

В песенном творчестве некоторых поволжских и пермских финно-угорских народов загадка присутствует точно в таких же значениях, как в сказке — составляют стержень произведения. Например, в мордовской песне «Эсодыця тейтерне» («Девушка-отгадчица»)[2].

Взаимодействие и взаимопроникновенность этих двух жанров (загадки и песни) в какой-то мере подчеркивает генезис термина *загадка*. Например, у удмуртов *мадьыны* ′загадка′ в северных говорах употребляется в значении петь[3]. А у марийцев исполнители песен-загадок говорят: «Мый ом каласе, муро каласа; муро огеш каласе, сем савыртыш савырнен толын каласа» — «Не я, а песня скажет; песня не скажет, намеком подскажет мелодия»[4].

«Загадка как нельзя больше подходит к жанру считалки, и та и другая играют несообразностями», — отмечает исследователь русских народных загадок М. Рыбникова[5]. Считалки детей мари главным образом опираются на эту сторону жанра, но они довольно часто прибегают к звукоподражательным загадкам. В северо-восточных районах республики посредством текста о запряжении лошади «Тыгырдык-тыргедык шиклан-петухлан, шагальым — магылым тӱчмым, чварым-лочкым» (непереводимое выражение) или о

---

1 НРФ МарНИИ. МФЭ 1969, тетрадь № 2, с. 1.
2 *Кавтаськин Л. С.* Эпические и лиро-эпические песни.—В кн.: Устно-поэтическое творчество мордовского народа, т. 1, с. 334—336.
3 *Кралина Н. П.* Загадки удмуртского народа, с. 123—124.
4 *Васильев В. М.* Марий муро. Йошкар Ола, 1937, с. 3.
5 *Рыбникова М. А.* Загадки.., с. 67.

тканье холста «Пра-пра паврасли, паврасли да тынгылдым, коп-коп, тая-мая, тыл-дал, йышкылдым-йошкылдым тӧрт» (непереводимое выражение)[1] ребятишки распределяют всевозможные роли и устанавливают очередь для начала игры.

Исследователи детского фольклора народа коми А. К. Микушев и П. И. Чисталев, русских — В. П. Аникин утверждают[2], что многие считалки, на первый взгляд, кажутся нагромождением каких-то заумных слов, искаженных до неузнаваемости словесных форм. Однако за внешней кажущейся неразберихой иной раз скрываются древние словесные формы, давно забытые в живой речи и сохранившиеся только в творчестве детей.

К сожалению, отдельные жанры марийского детского фольклора, в частности считалки, не стали еще достоянием научных фондов, поэтому в данный период не можем уверенно констатировать, в какой же конкретной зависимости и взаимосвязи находятся загадки и считалки.

Обнаруживается некоторая взаимосвязь между загадками и заговорами-молитвами. Например, от дурного глаза ′шинча вочмо′ и злых языков ′йылме пурылтыш′: «Среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье, понедельник, вторник — если в течение семи дней злодей сможет, наступив поганой ногой, схватив подлыми руками, крикнув зловещим языком, посмотрев злым взглядом, построив лестницу из ресниц семидесяти семи разных народов, подняться и посмотреть на блестящие звезды, только тогда у (имя человека) глаза будут дурными, язык злющим»[3].

Всевозможные заговоры и заклинания тоже имеют свой таинственный и иносказательный характер, что тоже говорит об их некоторой близости с загадками. По-видимому, этим и объясняется проникновение отдельных загадок без изменений или с незначительными

---

1 Марийские народные загадки, №№ 698, 688.

2 *Микушев А. К., Чисталев П. И.* Коми йӧзкотса сьындан-кыаьяс. Сыктывкар, 1968, вып. 2, с. 18; *Аникин В. П.* Русские народные пословицы, детский фольклор. М., 1957, с. 112—113.

3 *Мамаев В. М.* Мустай ялын илыш корныжо, — НРФ МарНИИ. Опись № 1, дело № 116, с. 233. (См. — приложение).

изменениями в эти жанры как метафорический субстрат для их формирсвания.

Взаимосвязь загадки с другими жанрами народного творчества дает немалый материал для установления эволюции фольклора в целом и его жанров в отдельности.

Говоря о видоизменении функции загадок в историческом процессе общественной жизни, необходимо указать и на некоторые национальные обряды и обычаи.

Простую форму загадочного иносказания сохранил марийский народный свадебный обряд, который начинается сватовством, где разговор ведется символическими образами. Примерно в таком аспекте:

«Сват. Добрый день, дорогие!

Родители. Добрый день! Присядьте, желанные!

Сват. Милые, к вам я пришел по важному делу. Вот в чем дело: сын Григория Александр намерен приобрести телку. Зная, что у вас она имеется, родители его послали меня. Что вы скажете в ответ?»

В Горномарийском районе сваты первоначально славословят жениха, только после этого предлагают: «Да мы еще потеряли ягненка, случайно она к вам не забрела? Говорят, что у вас, вот мы и пришли (приехали) ее увезти».

В этом же районе после подарков жениха родители невесты, намекая, говорят: «Тӓланда мӓ ши шураным, ши кӹчаным, ланзыри мижаным пуэна» — «Мы вам обещаем подарить с серебряными рогами, с серебряными копытами, мохнатой шерстью». Это следовало понимать, что они в подарки готовят барана. А младшие сестры мужа или невесты сулят: «Мӹнь тӹланет нӹл пӹлшан, мыгыр тупаным пуэм» — «Я вам дарю с четырмя ушами, с горбатой спиной», то-есть она для новой семьи выделяет два ведра и коромысло[1].

Исследователь быта, обычаев народов Поволжья К. И. Козлова пишет: «Перед приездом жениха в дом невесты там собирались родственники невесты, каждый захватывал с собой что-нибудь из напитков и угощение. Сначала приехавших угощали родители невесты, а по-

---

1 *Акцорин В. А.* Записи в Горномарийском районе. — НРФ МарНИИ. МФЭ 1960, тетрадь № 1, л. 89.

том ее родственники. Гостей собиралось во дворе очень много, на богатых свадьбах — до нескольких сотен человек. В тот же день невесту везли к жениху. Ее сопровождали родственники, иногда ехал отец, хотя родители обычно не ездили. В доме же жениха происходило угощение всех прибывших, а потом — раздача подарков родным жениха. Получающий подарки благодарил и отдаривал скотом или деньгами. Иногда благодарил загадками. Например, говорили: «У меня крылатый, полетит — поймаешь — твое», или: «С золотыми рогами, золотыми копытами, мохнатой шерстью — твое». Это значит, что дарят гуся или овцу»[1].

Известно, что в присутствии детей взрослые члены семьи разговаривали, как они сами называли, на особом языке «взрослых» или «тайн», использовав загадочные выражения. Например: «Ме кӱчык поч почеш каена, пачанам прикашыклан пуэн кодаш кӱлеш» — «Мы пойдем за коротким хвостом, ягнят наших надо оставить у приказчика». Это означало, что они собираются на охоту за зайцами, а малышей нужно оставить взаперти[2]. Или еще, чтобы не возбудить жалость детей к скотине, изъяснялись: «Ик куван купшым мӱкш-отарыш нангаяш возеш» — «Болото одной старухи, наверное, придется увезти на пасеку», которое следовало расшифровать следующим образом: «Одну овцу, наверное, надо везти на базар» (В народных же загадках овца предстает «Кува куржеш — куп лӱнгалтеш — «Бабка бежит — болото дрожит»)[3].

Подростков, начинающих понимать такую иносказательную речь, считали уже повзрослевшими, а умеющие парировать на загадки-вопросы, как например: «Мо эн писе?» — «Что самое быстрое?», «Мо эн темше?» — «Что самое сытое?» и другие — слыли вполне зрелыми, имеющими право жениться или выходить замуж. Это был своего рода обряд инициации. Разумеется, древний обряд инициации позднее настолько силь-

---

1 *Козлова К. И.* Этнография народов Поволжья. М., 1964, с. 120.

2 Устное сообщение охотника-промысловика Ягодарова Н. А., жителя д. Кюр-Сола Советского района Мар. АССР.

3 Из личного фонда автора. — Сообщение Степановой А. С., уроженки д. Корак-Сола Советского района Мар. АССР.

но изменился, качественно преобразился в новые формы обычаев, связанных с проверкой сообразительности молодежи, переходящей в возрастную группу взрослых людей, что здесь можно уже отмечать коренные изменения функции загадки и других видов метафорической, иносказательной речи. Как уже отмечалось, более поздние процессы развития функции достаточно ярко прослеживаются при изучении взаимосвязей загадки с другими жанрами фольклора[1].

---

[1] *Евсеев В. Я.* Сравнительно-историческое изучение загадок финно-угорских народов. — В кн.: Тезисы докладов научной конференции, посвященной итогам работ Карельского института языка, литературы и истории АН СССР за 1963 год. Петрозаводск, 1964, с. 21—22.

Глава шестая

ОБРАЗЫ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА НАРОДНЫХ ЗАГАДОК В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МАРИЙСКИХ ПРОЗАИКОВ, ДРАМАТУРГОВ И ПОЭТОВ

В главе «Художественные средства марийских народных загадок» мы отметили, что в загадках выразилась во всей своей полной силе изумительно глубокая наблюдательность земледельца к окружающей природе, предметам домашнего обихода и орудиям своего повседневного труда. Его эмпирические познания вещей, людей и явлений природы спрессованы здесь в «великолепные по своей лаконичности формулы»[1]. Эти формулы до такой степени точны и художественны, что, если даже представить их не в виде загадок, а в виде простого перечисления особенностей того или иного предмета, они все равно не утратят своих поэтических качеств. Поэтому на заре становления марийского литературного языка журналисты и мастера художественного слова в своей творческой практике радели отыскивать народные выражения, народные образы и часто прибегали к созданию поэтических образов на основе народной загадки. Передовая интеллигенция начала XX века (В. М. Васильев, И. Я. Бурдаков, И. Д. Данилов, И. Гаврилов и др.) призывали чаще обращаться к богатству родного фольклора. Например, И. Д. Данилов пишет: «Каждый жанр, как и песня, имеет свою прелесть. Они как мелодии. Услышав их, обрадуешься, вдоволь насмеешься, переживаешь и чувствуешь себя

---

1 *Чуковский К. И.* Мастерство Некрасова. М., 1952, с. 438.

как после хорошей песни... Хочется читать и читать. Проникающие в душу, настораживающие уши слова мы находим... в обилии среди народа: в марийских песнях, сказках, загадках, словах старых людей (то есть в пословицах и поговорках — А. К.). Их необходимо использовать в литературном языке. Написанные таким народным языком книги, газеты будут легко читаться, воодушевлять и просвещать народ»[1].

Сходную мысль он высказывает и в статье «О сборе материалов для составления словаря марийского языка», написанной под псевдонимом Важмар. О важности и необходимости материалов для словаря, услышанных из уст народа, он говорит, что «ценность этих материалов можно сравнить с кладом золота»[2].

Смелая художественная выдумка и причудливая поэтичность народной загадки привлекала классика марийской литературы М. Шкетана. Следует отметить, что в рассказах раннего периода (20-е годы) его творчества использование фольклорных материалов, отдельных сюжетов страдало унитаризмом, ибо, как подчеркивают литературоведы, тогда еще и «молодая советская фольклористика в целом стояла в стороне от бурных литературных боев тех лет»[3]. Например, в текст антирелигиозного рассказа «Нернош Йогор»[4], написанного в 1926 году, автор вводит известную звукоподражательную загадку-песню: «Вли-вли-влича, пигашлик-ташлик, азик-вузик тувузук, водо корка чӱмбаш, корем воктен акмата чапа». В данном случае она не способствует ни раскрытию образа героя, ни для усиления выразительности языка произведения. Констатируется только факт, что взобравшись на кучу бревен, Япык исполняет старинную песню-загадку деда.

В 1926 году вышел в свет первый выпуск сборников «Художественный фольклор», где наряду с важными вопросами о сущности, задачах фольклора было обращено внимание мастеров слова на народное творчест-

---

1 *Данилов И. Д.* Марий литератур йылмын ончыкылык корныжо. — «Йошкар кече», 1928, 5 мая (См.—приложение).

2 *Важмар (Данилов И. Д.)* Марла словарь ышташ материал погымо нерген. — «Йошкар кече», 1928, 9 июля.

3 *Выходцев П. С.* Русская советская поэзия и народное творчество. М.-Л., 1963, с. 168.

4 *Шкетан М.* Собр. соч., т. 3, с. 23.

во как на ценнейший материал для изучения художественного мировоззрения народа. На страницах этих книг молодые советские писатели национальных республик и областей, в трудах русских исследователей могли найти разрешение проблемы взаимоотношения советской литературы и устного народного творчества, роли фольклора в развитии литературы[1]. Под влиянием общественного мнения и некоторых своих личных опытов изменяется отношение и М. Шкетана к народному слову, он переходит к творческому использованию народно-поэтических традиций.

В 1926 году писатель опубликовал рассказ «Вишкыдемеш» («Становится жиже»), разоблачающий служителей церкви. Произведение начинается так: «Церковь Ирмучаша. С купола раздается звон колокола брин-брон, брин-брон, бун-бун. Во время праздника Шорыкйол[2] дубасят в колокола. «Блины-пироги, блины-пироги!»—звенят меньшие колокола, а большой басит: «Давай каравай!»[3].

Как видно, прозаик в свое произведение загадку вводит уже в ином виде: вносит свое понимание предмета, используя отгадку загадки. Вычеркивая из нее афористичность, писатель пользуется ею для характеристики особенностей малых и больших колоколов. Таким ярким художественно-композиционным приемом автор привлекает читателя к антиклерикальному рассказу.

В 1935—1937 годах М. Шкетан опубликовал множество юмористических рассказов: «Патай Сопром», «Вуйлатышын пондашыже» («Борода председателя»), «Опай кува» («Опаева старуха»), «Ече» («Лыжи»), «Парашют», «Шымлу ик подкинде» («Семьдесят одна лепешка») и других, написанных на тему борьбы с остатками прошлого в сознании и быту советских людей. В одном из них—«Опаева старуха»—писатель уже предлагает читателю синтез поэтического орбаза, чем лаконично подметил индивидуальные черты героя произве-

---

1 *Выходцев П. С.* Русская советская поэзия и народное творчество, с. 168.

2 *Шорыкйол* (досл. 'овечья нога') день марийского нового года (первая пятница после нового года старого стиля), совпадающий рождеством.

3 *Шкетан М.* Собр. соч., т. 3, с. 72 (См. — оригинал).

дения: «Не совсем давно (прошло пятнадцать лет) в нашей деревне умер Григорий — сын Черного Антона. В старину Черный Антон являлся героем грязной жизни. Его именем загадывали немалое количество загадок: «Черный Онтон, куда идешь — Широкий рот, чего орешь?»[1]. Автор не называет отгадку загадки — дым и печную трубу, она и не требуется, потому что главная цель автора подчеркнуть, какими личными качествами выделяется герой рассказа Онтон.

М. Шкетан создает образ, используя загадку по ассоциативно-метафорическому принципу, который четко мы видим в фельетоне «Вочко ӱмбалан вочко» («Бочка на бочке»), написанном в 1935 году. «Эти слова — может, загадка, может, концовка сказки — определенно сказать трудно: никакой этнограф не может сказать конкретно. Мы эти слова услышали от мужчины, вышедшего из попов. Ими он надсмехался над архиереем из Казани:

— Казанский архиерей во всех делах ставил бочку на бочку, бочку на бочку, а над ним чесалку.

Трудно понять смысл этих слов, но догадываешься, что архиерей был похож на безголового петуха, путал свои дела. Вместо того, чтобы умеючи вести дела, он всю работу спутывал как чесалка»[2].

Завершая фельетон и еще раз повторяя народную загадку, автор делает спределенные выводы: «Как не вспомнишь глупого архиерея? Они (бюрократы — А. К.) не помогли колхозам в обсуждении и принятии нового устава, им ставили «бочку на бочку». Такую огромную политическую работу превратили в чесалку — пустой формализм». Так, раскрывая образ архиерея через развернутую метафору загадки и сравнивая его с бюрократами, писатель добился четкой простоты и ясности мысли.

Иным является использованные народных загадок в творчестве другого марийского прозаика Н. С. Лекайна. Введя в текст произведения загадку и ее отгадку, и сохраняя свежесть, поэтичность народной загадки, автор олицетворяет образ, что является одним из важнейших моментов своеобразия стиля. Например, в по-

---

1 *Шкетан М.* Собр. соч., т. 3, с. 167. (См. — оригинал).
2 Там же, с. 199. (См. — приложение).

вести «Шӧртньӧ падраш» («Золотая крошка»), написанной для детей: «Микуш трудится на подаче снопов. Здесь ему очень нравится. В свободное время можно кувыркаться, повалятся на соломе сколько душа желает: никто не упрекнет, что сыплется рожь — ведь она на току. Кроме всего этого, сколько удовольствия доставляет Микушу шум молотилки и веялки. Молотилка визжит однотонным голоском. А у веялки интересней, она будто беспрерывно говорит:

Туды-сюды,
Туды-сюды,
Зерно — сюды.
Мусор — туды.

Туды-сюды,
Туды-сюды,
Ядро сюды,
Мякину — туды.

Так она сортирует зерно — ядрышки в одну сторону, а мякину — в другую, женщины крутят, а ребята наполняют мешки чистой рожью»[1].

Или еще другой пример: «В деревне Подгорная не пьют водицы из колодца. Хотя и далековато до ключа, наверное, будет километр или, может, полтора, но все-таки женщины носят воду с этого родника. Ведра приходят — поют, уходят — плачут»[2].

Большим знатоком всех жанров фольклора родного народа был прозаик и поэт Яныш Ялкайн (Ялкаев). В романе «Онго» («Круг»), в стихотворении «Йӱр йомак» («Сказка про дождь»), используя предмет в образной загадочной форме, он создает ярко выраженный юмористический тип.

«Аланов своим голосом снова продолжает: «Говорят и про несмышленного урядника. Он, оказывается, не знал загадку «Возле изгороди ревут шестнадцать быков».

Однажды, услышав звон гуслей, спрашивает он у старика:

— Слушай, что это слышится?

Старик отвечает:

— Разве не знаете, возле изгороди ревут шестнадцать быков.

Негодует урядник:

---

[1] *Лекайн Н. С.* Шӧртньӧ падраш. Йошкар-Ола, 1951, с. 195. (См.—приложение).

[2] Там же, с. 43.

— Как это так, почему быки? Вы, лопари, наверное, умышленно их приводите и заставляете выть!

Седобородый, улыбаясь, продолжает:

— Да перестань, положи на место свою пушку, нечаянно можешь убить гусляра, это он играет. Вероятно, про тебя, господин урядник, древние люди говорили: «Родился — не крестился, а Иисус Христос на нем сидел».

Урядник, нет слов, не понял и это иносказание[1].

Так писатель, следуя народной традиции, прибегает к народной загадке как пронзительному афоризму.

Своеобразное использование загадок и ее образов мы наблюдаем в прозаических произведениях Йывана Осмина и Кима Васина. В рассказе «Ормыж» («Одержимый») Й. Осмин пишет:

«Прочитав эту книгу, я подумал, что одержимый, вероятно, это дурак, безумец. Не напрасно народ говорит: «На свете имеются два дурака: один из них рыбак — ничего не видит, старается поймать; другой — охотник, который ничего не потерял, а все ходит и ищет»[2].

Подобный же прием органического включения загадок в художественный текст мы наблюдаем в историко-краеведческом очерке Кима Васина «Ший мундыра» («Серебряный клубок»).

«Встает на кленовые лыжи мариец, вихрем поднимая снег, помчится по следам зверя в лес. Лыжи — без рук, без ног — везут человека быстрее лошади, переносят через снежные сугробы и заведут в дремучий лес. Не лежат без действия и стрелы с перьими хвостами в пестере марийца. Он быстро находит им работу. Вот возле чащи по снежному насту бежит заяц, помахивая хвостом, и будто дразнит охотника: «Хвост мой короток, ноги длинные, меня не догонишь, от всех убегаю». Зоркие, как у беркута, глаза заметили юркого зайца. Нет! От него не спрячешься, не уйдешь! Натянул он свой лук и повелел стреле настигнуть зайца с коротким хвостом. Свистнула стрела, мгновенно исполнила приказание хозяина, растянулся на спину белый заяц, не спасся короткий хвост!»[3].

---

1 *Ялкайн Я. Я.* Онгго. Йошкар-Ола, 1958, с. 185.
2 *Осмин Й.* Ормыж. — «Марий коммуна», 1965, 17 авг.
3 *Васин К. К.* Ший мундыра. Йошкар-Ола, 1969, с. 12.

Аналогичное использование народных загадок К. Васиным мы находим в главе, раскрывающей, как книга стала великим достоянием для народа мари[1].

Не робкое обращение к художественным средствам загадок, ее образам наблюдается в произведениях драматургов. Правильно отмечают литературоведы, что первые пьесы зачинателей марийской драматургии (А. Ф. Конаков, И. Беляев, Н. С. Мухин и др.) далеки от художественного совершенства, потому что авторы следовали общему принципу того периода «точно так же, как в жизни» воспроизвести события, обстановку, детали быта. Естественно, и принципы употребления богатств народного творчества на этом стартовом этапе не отличались особым разнообразием. Народные образы, песни и пляски в пьесы были перенесены в их чистом, первородном виде[2]. Например, в драме А. Ф. Конакова «Тулык ӱдыр» («Сиротка»)[3] загадка в ткань произведения вошла совершенно без всякой обработки. Естественно поэтому, что она не стала средством поэтики речи, украшающим произведение.

Использование художественного богатства народной загадки мы наблюдаем и в пьесах драматургов-современников.

Особой популярностью у зрителей пользуется музыкальная комедия Н. Арбана «Кенеж йӱд» («Летняя ночь»), которая, по мнению исследователей, по своему сюжету и по образам, а также изобразительным средствам стало новым, оригинальным произведением в марийской драматургии, отмеченным чертами национального своеобразия[4]. Пьесу пронизывает светлый лиризм, жизнерадостный юмор. Создавая комедийные ситуации и характеры, автор широко опирается на традиции народного юмора и сатиры, использует многообразие жанровых красок фольклора родного народа.

В первом действии председатель колхоза Шумелев противостоит идеям Кати и Ольги, которые предлага-

---

1 *Васин К. К.* Ший мундыра. Йошкар-Ола, 1969, с. 68.

2 *Иванов А. Е.* Марийская драматургия. Йошкар-Ола, 1969, с. 56—59, 45.

3 *Конаков А. Ф.* Пьеса-шамыч. Йошкар-Ола, 1950, с. 99—100; *Столяров В. С.* Литература—илышын вӱршерже. Йошкар-Ола, 1960, с. 44—47.

4 *Иванов А. Е.* Марийская драматургия, с. 198.

ют построить новый колхозный клуб и просят выделить необходимые средства. Председатель отвечает:

«Шумелев. В настоящее время денег нет.

Катя. Как это так?

Шумелев. А вот так! Катенька-путенька, Кури без носа. Мука почем? — Руб сорок! Ха-ха-ха!..

Ольга. А я слышала, что деньги имеются.

Шумелев. Если есть — и ведь дыр до черта»[1].

Шумелев в своем ответе, адресованном Кате, использует звукоподражательную загадку о юркой ласточке, где имя Качырий (Катя) употребляется в пренебрежительно-насмешливом тоне. Так загадка, вводимая в текст произведения, раскрывает отношение руководителя колхоза к нуждам молодежи.

Другим современным драматургом, часто обращающимся к богатствам народного творчества, является заслуженный деятель искусства Марийской АССР А. А. Волков. Он использует загадки для раскрытия внутреннего мира своего героя, его глубокой любви к своей профессии. Например, пастух Епи из комедии-водевиля «Оръен мелна» («Блины невестки») изображается:

«Пелагея *(испугавшись)*. Что там такое?

Епи. Да галки между собой беседуют.

Пелагея *(засмеялась)*. Городишь всякую чепуху. Разве галки умеют разговаривать?

Епи. А вот послушай да повнимательней.

Пелагея *(прислушивается)*. Да нет. Они галдят к непогоде.

Епи. Послушай же. Слышишь, один как басит: «Друг-дружок, мой друг — вот дружок, это Степан! Да-а, Степа-а-н!» А другой вторит: «Мой друг — преда-а-нный Са-а-а-ша, Саша!» А третий, чуешь, Александра хвалит: «Мой друг Александр, Алекса-а-ндр!»

Пелагея. Ой, действительно ведь! Очень похоже.

Епи. И скотина разговаривает, только надо уметь понимать.

Пелагея. Плетешь несуразицу!

Епи. Опять не хочешь понять, истинный Христос! Вот я вчера возвращаюсь с обеда. Оказывается, из фер-

---

1 *Арбан Н. М.* Кенгеж йўд. Йошкар-Ола, 1957, с. 11 (См. — приложение).

мы убежал бык и идет по улице. Дошел до вашего дома, услышал мычание теленка и подошел к нему, спрашивает: «Есть ли ма-а-ать?» А теленок нежно отвечает: «Не-е-ет. Ушла-а-а на-а лу-у-га-а!» Бык покачнул головой и ответил: «Най-ду-у Маню-ю!» — и пошел дальше.

Пелагея. Ей-богу, пастушеством своим теперь, видимо, научился разговаривать с животными.

Епи. А как же иначе! Ведь поэтому меня скотина любит, уважает и слушается»[1].

Подобным же художественным приемом, характерным для загадки, Епи внушает молодой птичнице Таисии, что любой работник обязан быть знатоком своего дела, то есть с тона и полутона понимать своих питомцев.

К пятидесятилетию Марийской АССР А. Волков написал историко-революционную драму «Алдиар». В первом же действии невеста одного из предводителей разинского восстания по имени Тяви на любопытство девушек-подружек отвечает:

«1 девушка. Тяви, в чьих руках окажется это вышитое полотенце? Кто же этот счастливчик?

Тяви *(загадывая)*. Хозяин посылает, посланный все идет, куда — не знает, но что повелел хозяин, исполняет.

2 девушка. Что-о?!

Тяви. Чылдым-чылдым, лаптым парня пасмырля! Поняла?!

Другая девушка. Чтоб отгадать твои загадки, нужно съесть пуд толокна.

Женщина. Эх, девушки, даже такие загадки не можете отгадать. Тяви загадала вам о зайце и стрелах.

Элика. Я без загадки знаю, где этот счастливчик.

Голоса. Говори же!!!

Элика. В пятницу, при свете полной луны перед рассветом одна красавица провожала одного охотника.

Другие. На охоту ушли многие. А как его зовут?»[2].

Так в произведениях марийских драматургов загад-

---

[1] *Волков А. А.* Оръеҥ мелна. Йошкар-Ола, 1966, с. 28—29. (См. — приложение).

[2] *Волков А. А.* Алдиар. — «Ончыко», 1970, № 6, с. 12.

ки и некоторые ее художественные средства способствуют развитию сюжета, помогают преодолевать каноны и схемы, расширяют внутренние возможности драматических жанров, в частности — музыкального, основанного во многом на фольклорных традициях.

Нередко прибегают к созданию поэтических образов на основе народной загадки авторы лирических произведений.

Лауреат государственной премии поэт Миклай Казаков — один из тех, кто часто обращается к богатствам народной поэзии. В стихотворении «Раздайся, песня!», адресованном для детей, он пишет:

«Кече шуыш ший шорвондым,
Эх, кузе вет шыргыжеш!
Сылне кечым илыш кондыш—
Шошо пӱртӱс ылыжеш»[1].

Солнце бросило
серебрянные грабли,
Улыбается ведь как!
Хорошие дни жизнь вернула,
Оживает весенняя природа.

Как видно, используя образ серебряных граблей из загадки, автор усилил картинность образа, она стала еще более яркой, метафора еще смелей.

На основе многочисленных вариантов народных загадок о морозе поэт создал целостный образ Деда Мороза:[2]

Пӧрт коклаште, уремлаште
Кӧ тынаре перкала?
Кӧ тынаре кужу йӱдвошт
Малыдегыч коштеда?

Под крышей, на улице
Кто так стучит?
Кто столько всю ночь
напролет
Не спавши ходит?

— Тиде йӱштӧ, йӱштӧ толын,
Шыде Йӱштӧ кугыза,
Йоча-влакым лӱдыкташлан,
Колыштса, кузе кыра?

— Это мороз, мороз пришел,
Сердитый Дед Мороз,
Чтоб напугать детишек,
Слышите, как стучит?

. . . . . .

Далее автор продолжает:

Кӧ тынаре окналаште
Сылнын-сылнын возгала?

Кто на окошках
Так красиво рисует?

. . . . . .

Модын йогышо энгерым
Кӧ тынаре кӱварла?

Реку, бегущую игриво,
Кто так мостит?

---

1 *Казаков М.* Шергылт муро. — В кн.: Илаш весела. Йошкар-Ола, 1940, с. 16.

2 *Казаков М.* Йӱштӧ Кугыза. Там же, с. 10—11.

Как известно, многочисленные образы загадок построены на основе сопоставления явлений природы с предметами повседневного житейского обихода, домашними и дикими животными. По такой же ассоциации М. Казаков создает образы животных в стихах для детей. Например, про ежа:

— Чочой улат — ончал,
шотло,—
Кувавай гын — кочкаш шолто
Пучымышым касетлан[1].

— Дедушка, посмотри,
посчитай,
А если бабушка — свари
На вечер кашу.

Народное и свое личное начало нераздельно соединились в стихотворении Яныша Ялкайна «Йӱр йомак» («Сказка про дождь»)[2].

Пӱгӧ—сонарпыл, имньыже —
мардеж,
Гӱлдыр да голдыр йӱр оза
эрта.
Вӱдшӧ кодеш-ыс пушенгын
кидеш,
Кидшым рӱзалын, пушенге
йодеш.

Дуга—радуга, лошадка —
ветер,
С грохотом проходит хозяин
дождя.
Водица остается на деревьях,
Вытянув руки, просят они.

Аналогичное создание образов наблюдаем в творчестве молодого поэта А. Горохова:[3]

Поран — ош имне
Кудалеш,
Ончал: кож име
Лумангеш;
Упшалын упшым
Пундышат,
Ошемдыш тупшым
Мерангат.

Буран — белый конь
Бежит.
Посмотри: елочка
Снегом окутывается;
Шапку надел
И пень.
Побелела спина
И у зайца.

Поэты часто обращаются к одному художественному приему народной загадки — ономатопее, то есть, в своих произведениях стремятся воспроизвести звуковые особенности явлений и предметов.

В 1931 году ко дню открытия IX-ой сессии Советов республики была достроена железнодорожная линия Казань—Йошкар-Ола. Поэт Эрзе (А. Ф. Армяков) это-

---

1 *Казаков М.* Мемнан зверинецна. — Там же, с. 20—21.

2 *Ялкайн Я. Я.* Йӱр йомак. — В кн.: Почеламут ден поэмавлак. Йошкар-Ола, 1972, с. 106.

3 *Горохов А. М.* Ече муро. — В кн.: Шӱм салам. Йошкар-Ола, 1967, с. 27.

му событию посвятил стихотворение «Ял ден тӧр» («В ногу, деревня!»)[1].

«Куяр!
Сурок!
Суслонгер!.. —
Шикшалтына
Ял ден тӧр!
Шоик!
Шоик!
Шоик!
. . . . . .
Шикшалт, поезд,
ончыкрак!
Социализм
станцийыш
Шуаш кӱлеш
вашкерак!»

Куяр!
Сурок!
Суслонгер!.. —
Мчимся
Мимо деревень!
Шоик!
Шоик!
Шоик!
. . . . . .
Мчись, поезд,
вперед!
На станцию
Социализм
Надо прибыть
скорей!»

Для воссоздания ритмики и динамичности хода и гудка поезда автор подобрал такие слова и словосочетания, которые напоминают звукоподражание приближающегося состава. Первые варианты народных загадок о поезде предстают в такой же художественной форме.

Традицию старшего поколения[2] — обращения к народной ономатопее и образам народной загадки — продолжают молодые поэты В. Колумб, М. Емельянов и другие. Например, в стихотворении «Шурно пайрем» («Праздник урожая»)[3] М. Емельянов пишет:

Идалык жап арам ыш эрте,
Эр-кас тыршеныт ӱдыр-эрге —
Ончал, элнан кугу киндерке
Тӱр ден тӧр,
Тӱр ден тӧр.

. . . . . .
Герой онеш чӱкталте
шӱдыр,
Пайремыш тольыч каче-ӱдыр,
Иктӧр тӱнальыч тӱмыр-
шӱвыр.
Тӱр ден тӧр,
Тӱр ден тӧр.

Год не пропал даром,
Круглые сутки старались
девушки и парни —
Посмотри, хлебное блюдо
России
Вровень с краем,
Вровень с краем.

. . . . . .
На груди героев зажглись
звезды,
На праздник пришли девушки
и парни,
Одновременно начали барабан
и пузырь.
Вровень с краем,
Вровень с краем.

---

1 *Эрзе.* Ял ден тӧр. — «Йошкар кече», 1931, 24 янв.

2 *Олык Ипай.* Клуб. — «У вий». 1930, № 2—3; с. 26—27; *Мухин Н. С.* Кайык-шамыч. — В кн. Эрык саска. Йошкар-Ола, 1962, с. 11—12.

3 *Емельянов М. С.* Шурно пайрем. — В кн.: Салют. Йошкар-Ола, 1971, с. 67.

Как мы заметили, автор сохранил свежесть загадки о барабане и создал яркую картину народного веселья.

Сочные поэтические картины, индивидуальные черты героев создаются поэтом Валентином Колумбом, смело использующим художественные средства народных загадок. Например, тип подхалима складывается образом челнока 'шуша':

Тышкат шуаш, тушкат
шуаш —
Шушан тыгайрак шонымаш:
«Тышкат нерем, тушкат
нерем
Шӱшкам, тыге мылам
пурен».

Надо успеть и туда, и сюда—

Таковы думы челнока.
Туда и сюда концами
впиваюсь,
Так мне уж суждено.

Ок лий-ыс кок вуян кишкат,

Шуша ты чапым солалта:

Не бывает и змея о двух
головах,
Эту славу берет на себя
челнок.

Ик вуйжым лупшалеш
тышкат,
Тушкат вес вуйжым савалта.

Один конец кивает сюда,

А другой, конечно, туда.

Кӧлан асу, кӧлан тыран —
Шуша пала, шуша кертеш:
Я корным вынерла шара,
Я шӱртӧ семын кӱрыштеш.

Кому соль, кому вода —
Челнок знает, челнок может:
То дорожку холстом стелет,
То путаною ниткою рвется.

Шуша лавыраште ок почаҥ,
Ок йӧрӧ тенгыз вончашат.

Челнок и в грязи не роется,
Не годится и море
переплывать.

Шуша — ик лудо кок почаҥ,
Ваштар пуш — рожын
пундашан.

Челнок — двуголовая утка,
Кленовая лодка с дырявым
дном.

А чынже денак мо шушан:

Кок вуй? Кок почшо? —
Кӧ пала.
Я кок вуй ден ышта пашам?

Я кок почге луген ила?

А в самом деле, что у
челнока:
Две головы? Два конца —
черт знает.
Может, работает обеими
головами?
Может, виляет двумя
хвостами?

Шуша пиалдыме тетла:

Ок пале, кӧлан служитла.
Йолко кидеш — пурак налеш,
Паша кидеш — ягылгемеш.

Несчастлив челнок:
не знает —
Кому служит. У лентяя
Быстро пылью покрывается,
У трудяги — протирается.

Палем, йолташ-влак
коклаштат
Поч лугышо тыгай шушам:
Манеш-манешым налешат,
Ош шӱртӧ ден кылден уша.

Тылат кок вуйжым савалта,

Тудлан кок почшым лугалта,

Шояк чывиге дене куа,—

Корнетым товарден пуа[1].

Знаю: есть среди друзей
Такие челноки о двух
концах:
Услышит два-три словца
И ниткою белою плетет

Тебе двумя головами
поклонится,
Другому двумя хвостами
вильнет.
Ложным мотком плетет
И всю дорожку наоборот
повернет.

Используя образы народных загадок, некоторые марийские поэты сочиняют новые загадки. Так, например, В. Орлов издал для детей специальный сборник[2]. Немало выразительных и запоминающихся стихов-загадок у поэта Ю. Чавайна[3].

Так смелая выдумка и причудливая поэтичность народных загадок привлекают внимание писателей и поэтов. Но поэтические возможности загадки неисчерпаемы, творческое обращение к ним обещает мастерам художественного слова большой успех.

---

1 *Колумб В. Х.* Шуша. «Ончыко». 1970, № 3, с. 80.
2 *Орлов В. Г.* Туштo-шамыч. Йошкар-Ола, 1960.
3 *Чавайн Ю. С.* Латкок тылзе. Йошкар-Ола, 1960, с. 12, 16, 20

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Загадки являются одним из древнейших и наиболее распространенных жанров устного народного поэтического творчества, отображающими художественными средствами объективную действительность. Наряду с произведениями других жанров фольклора, они дают возможность проследить картину материальной и духовной жизни народа в ее историческом развитии.

Марийский народ в своих загадках охватывает все, что окружает его: природу, людей, животных, орудия своего труда и т. д., выражает свое отношение к ним и воссоздает их поэтический образ.

Загадка представляет собой образное аллегорическое мышление каждой этнической единицы, поэтому определение самого жанра не идентично в каждом отдельном языке. Слово загадка в марийском языке *тушто* (гор.— тышты) одного корня с глаголом *тушташ* 'загадывать'. В разговорной речи нередко употребляется выражение *тушшен ойлаш*, которое имеет ряд значений — намекать, замышлять, предполагать, предупредить, многозначительно заметить. По-видимому, корень слова *туш- (тыш-)* не является общефинно-угорским, ибо в прибалтийских языках он не обнаруживается. Соответствия имеются только в пермских языках с значением *смех, шутка, образ, уметь* и *понимать*.

История и этнография мари не располагают убедительными материалами, позволяющими судить о характере и функциях народных загадок в давние времена, однако, отдельные жанры фольклора, народные обряды в некоторой мере могут помочь восстановить формы древней загадки, выявить ее функции в жизни народа. Например, в сказке «Несмышленый жених» («Умылыдымо каче») предметом загадки при сватовстве являются ответы невесты на вопрос жениха (менять черное на белое — стирать, вынимать у живого легкие и сердце— делать бортевые улья и др.).

Простую форму иносказания сохранил марийский свадебный обряд, который начинается сватовством и где разговор ведется символическими образами (телка, ягненок — невеста; с серебряными рогами, с серебряными копытами, мохнатой шерстью — баран; с ушами и горбатой спиной — ведро и коромысло и др.).

На языке «тайн» разговаривали родители и старшие члены семьи в присутствии детей, чтоб скрыть свои истинные намерения. Начинающих же понимать такую речь считали уже повзрослевшими, а умеющие парировать на более трудные вопросы-загадки имели право жениться или выходить замуж.

Традиционным временем для загадывания загадок считали зимние недели *шорыкйол* и ӱярня, совпадающие с рождеством и масленицей. Запрещалось летом, в начале осени и весной, когда телятся коровы и ягнятся овцы и в доме, где имелся больной. Нарушителя же сроков загадывания непременно должно было преследовать какое-нибудь несчастье. Поэтому в народе существовало поверье: вечера сказок и загадок можно начать только тогда, когда выпадет снег на вершину пня, столбов ворот и пока он не растает. С 20-х годов XX века изменилось старое отношение к этим срокам: загадки можно было услышать во все времена года.

Основа древнейших загадок лежит в желании человека познать мир, объяснить себе явления природы, на которые он смотрел по-своему, приписывая ему черты человеческого характера. Поэтому некоторые загадки своеобразно отображают представления наших предков, которые считали, что природой и ее явлениями управляют духи. А по представлению же древних марийцев «существовали» высшие (добрые) и низшие (злые) духи. Всеми несчастиями руководили злые духи: *кудоводыж* 'домашний дух', *кереметь* 'злой дух'. Люди верили, что они наделены умом, понимают человеческую речь. Если же почему-либо приходилось говорить об этих «существах», то они должны были называться подставными именами, чтобы духи не могли нечаянно подслушать и наслать беды. Например, вместо ия *'черт'* говорили *кӱлдымаш* 'ненужный, негодный', вместо *овда — кужу ӱп* 'длинноволосая' и т. д. Все это способствовало возникновению различных табу и слов-замен.

Табуация наблюдалась в охотничьем и скотоводче-

ском быту марийцев. Например, волка называли *кужу пӱй* 'длинные зубы', *йӱштӧ нер* 'холодный нос'; медведя — *чодыра ончышо* 'лесник', *пун пылыш* 'мохнатые уши'. Более 30 подставных имен имел заяц. Такие имена существовали для лесных зверей, птиц, рыб и даже насекомых. По аналогии подставными именами назывались некоторые орудия охоты и рыбной ловли.

Приведенные примеры ярко подчеркивают генетическую близость загадки с подставными словами. Но по мере познания окружающего мира и победы над природой терялась вера человека в мифологические силы природы, становилась ненужной и старая условная речь. Первоначальная оградительная функция иносказательной речи сменилась эстетической: в художественной форме дать познание окружающего мира. Она стала средством развития мышления и испытания остроумия, талантливости и сообразительности, не в меньшей мере она служит и средством познания истории общества, культуры и быта народа.

Анализ загадок по тематическим группам помогает выявить развитие мировоззрения народа, некоторые закономерности его поэтического мышления. Например, в загадках о планетах и явлениях природы видна народная «бессознательная художественная переработка природы», то есть мифология. Так, в народном изображении небо — большое синее море, которое никто не может переплыть, немеряное поле, царский котел, который нельзя опрокинуть. Ночное же светило, луна, представляется как сестра солнца. Загадки об облаках, о ветре, тумане, буране, сугробах снега и других явлениях природы сохранили указания на языческую старину, о ценности которых для науки указывали русские фольклористы Д. Н. Садовников[1] и А. Н. Афанасьев[2].

Некоторое наличие тюркско-иранских языковых наслоений в загадках о растительном мире, например о конопле и хмеле, дают повод полагать, что эти ценные технические культуры были переняты от южных народов-соседей, а некоторые сравнения овощей (капуста,

---

[1] *Садовников Д. Н.* Языческие сны русского народа. — «Детское чтение», 1882, № 5, с. 84.

[2] *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу, кн. 1, М., 1965, с. 25.

помидоры) с русскими женщинами,— что они заимствованы от русского населения.

Весьма многообразен по своему видовому составу мир животных, рыб и насекомых, представленных в загадках. Мариец, житель лесного края, хорошо знает зверей и птиц, их повадки, поэтому в загадках он подмечает мельчайшие штрихи в их движении, нюансы в голосе.

Предметом загадки является человек с самого своего рождения. Детство, молодость и старость изображаются как диалектический процесс. Какими бы поэтическими образами ни раскрывались отдельные части и органы человеческого тела, самым ценным для людей в загадках рисуется мозг.

В настоящее время жилища и дворовые постройки марийцев имеют значительное сходство со строениями русских, живущих по соседству с первой половины XIII века, поэтому у обоих народов имеются схожие загадки о дверях, бревнах в стене, окне и др. В загадках сохранились отголоски о курной избе ′шем пӧрт′, летней кухне ′кудо′, воротах ′марла капка′ и свинах ′авун′ и др.

Они донесли сведения о древнем охотничьем быте и орудиях этого промысла: бортевой веревке, луке, стреле, капканах и предметах рыбной ловли.

Одежда, обувь и украшения тоже ярко отразились в этом жанре афористического творчества. Они подчеркивают их разнообразие и национальный колорит *(шымакш, сорока)*. В загадках о вышивках подчеркивается творческая изобретательность мариек. А загадка «Пӧрт йыр вӱраным кышкен коштам» — «Вокруг избы раскидываю веревки» (привязь) отражает, по всей вероятности, сберегательное предназначение узоров, вышитых на рубахах, которые надевались на медвежью охоту.

Из музыкальных инструментов, упоминаемых в загадках, любимейшими для народа являются гусли ′кӱсле′, волынка ′шӱвыр′, барабан ′тӱмыр′.

Марийский народ с давних времен живет в контакте с русскими, татарами, чувашами, удмуртами. Мотив дружбы и творческого заимствования ярко вырисовывается при сопоставлении марийских и других народных загадок.

В народных загадках отобразились социальные от-

ношения трудящихся масс с представителями эксплуататорского класса.

Народная загадка, как и вся жизнь, находится в диалектическом процессе. За последние десятилетия происходит процесс своеобразного переосмысления некоторых древних загадок.

Анализ художественных особенностей народных загадок с точки зрения фонетических, лексических и синтаксических средств языка свидетельствует, что большое количество марийских загадок построено на словесных и междометных звукоподражаниях и почти не поддается переводу на другие языки.

В загадках наблюдается и ряд типов сравнений. Наиболее распространенным являются простые, степенные и отрицательные. Последний тип, видимо, характерен и для других жанров устно-поэтического творчества финно-угорских народов.

Часто встречаются один из видов тропов — постоянные эпитеты: *йошкарге*, *чевер* 'красный', *сар (ола, лудо, сур, чувар)* 'серый' (пестрый, сивый, пегий). В роли эпитетов нередко используются названия металлов: *вӱргене* 'медь', *шӧртньӧ* 'золото', *ший* 'серебро', *кӱртньӧ* 'железо', *той* 'латунь'.

Древнейшим приемом поэтизации языка марийских народных загадок являются гипербола и литота. В качестве гиперболы чаще используются числа 7, 9, 40, 41 и 77, тесно связанные с историей религии финно-угорских народов; 1000 и 1000000 — появляются в загадках, созданных в советское время. Зачастую гиперболу создают имена легендарных героев Ямбатыра, Ямбылата и др.

Средством достижения юмористического эффекта чаще всего является литота. Во многих случаях можно заметить взаимное сочетание гиперболы и литоты.

Как элемент поэтики в загадках используются собственные имена в качестве нарицательных, диалектизмы и некоторые архаизмы.

Наряду с фонетическими и лексическими средствами поэтического языка в народных загадках употребляются и синтаксические, к которым в первую очередь следует отнести структуру и конструкции текстов. Результаты анализа свидетельствуют, что наибольшая часть загадок передается в форме простых предложе-

ний (81,2%). Немалая часть загадок оформляется в виде неопределенно-личных предложений. Имеется значительное количество загадок, в которых образ-предмет только называется и к ним дается какое-либо определение или пояснение («Трик моклок»—«Юркая крошка»—блоха). Подобные предложения дают возможность полагать, что назывные предложения служили первоосновой синтаксического оформления народных загадок. Лингвисты определенно доказали, что концентр сказуемого когда-то имел не глагольный, а именной характер. С расширением человеческого кругозора, развития техники и науки усложнилось содержание загадки, естественно, изменилась структура и конструкции предложений, они стали более фигуральными и многосложными. Широкое распространение получили бессоюзные сложные предложения.

Сложносочиненные предложения с сочинительными союзами в загадках — явление довольно редкое (1,02%).

Яркой и редкой формой синтаксического оформления загадок является метафорический диалог, где образы характеризуют сами себя.

Как синтаксический прием поэтизации в загадках встречается особый вид повтора — палилогия.

Говоря о связи загадок с другими жанрами устного народного поэтического творчества, следует отметить, в первую очередь, ее близость к пословицам. Те и другие сжаты, кратки и лаконичны, афористичны и бессюжетны. Иногда загадка полностью совпадает с пословицей и отличается лишь незначительным изменением смыслового ударения или отсутствием некоторых компонентов. Например, загадка о человеческом горе: «Шинчаш ок кой, да малаш эрыкым ок пу» — «В глаза не видно, а оно спать не дает». Аналогичными являются загадки и пословицы о деньгах, рыбе, еже и др. Иногда текст загадки в абсолютной форме употребляется в значении пословиц («Енгамже пеш чевер, да нерже ӱпша»—«Красива молодка, да нос воняет»).

Загадки выступают в сказках, сюжет которых основан на них («Мариец и татарин-купец», «Ешь мед да масло» и др.). В сказках же нередко они находят применение в качестве реплик, которыми герои прикрывают свое намерение, слишком прямую мысль.

Загадки находятся в взаимопроникновении с народными песнями. Основную массу песен, построенных на загадках или включающих загадки, можно разделить на две группы: а) песни-загадки, которые в давние времена исполнялись на свадьбах и праздниках, в настоящее время поются только при загадывании (о белке, утке и др.); б) которые включаются в текст песни как элемент поэтики (сравнение, метафора, параллелизм).

Можно заметить некоторую связь загадки с считалками, заговорами-молитвами.

В загадках выразилась изумительная наблюдательность земледельца к окружающей природе, предметам и орудиям своего труда. Его эмпирические познания природы и людей спрессованы здесь в чудесные художественные формулы. Поэтому мастера слова, прозаики и поэты, находят в них меткие и краткие образные выражения для своих произведений.

Смелая выдумка и причудливая поэтичность загадок привлекала классика марийской литературы М. Шкетана. Умелое использование звукоподражательных загадок наблюдаем в рассказах Н. Лекайна, написанных для детей. Поэтические образы на основе народной загадки создают авторы лирических произведений — лауреат государственной премии поэт Миклай Казаков, В. Колумб, М. Емельянов и др.

Если археологам и этнографам удается восстановить в большей или меньшей степени экономическую, материальную сторону жизни, общественное бытие наших предков, то они бессильны на конкретных примерах досказать формы общественного мышления. В этом отношении тематика, образы и поэтика народных загадок могут дать богатейший материал для понимания народного сознания и его поэтических воззрений.

Представляя образцы народной поэзии, загадки внесли и вносят ценный вклад в сокровищницу культуры марийского народа, ибо «несомненно самым высоким видом искусства, самым талантливым, самым гениальным является народное искусство, то есть то, что запечатлено народом, что народом сохранено, что народ пронес через столетия»[1].

---

[1] *Калинин М. И.* Статьи и речи. М., 1936, с. 212—213.

ПРИЛОЖЕНИЯ

(тексты-оригиналы)

1. К стр. 19 — «Марийын сай, поро ойым пуымыжо шуэш гын, тошто ен мутшо ушо; туштым тушталташ — туштыжо шуко; муралталын колта гын, пытышаш огыл мурыжо; йомакшым манат гын, колыштынат от пытаре. Вер шагаллан кӧра эн сайжым, эн кӱлешанжым веле печатлена».

«Марла календарь». Казань, 1908, с. 39.

2. К стр. 20 — «Мурым, туштым йӧратыше-шамыч! Тылечда пеш сӧрвален йодына: чыла моштымым, колмо мурыдам, туштыдам, йомакдам, чыла шинчыме тошто ен мутдам, возен-возен, мыланна колтыза».

Там же, с. 44.

3. К стр. 20 — «Ме, марий калык, кӧ улмынам, мемнан могай сылне мурына, йомакна улмым, йылмынан шукерте ожнысо могай памятникше улмым нимат огына шинче... Ме ынде марийым туныктышашлан лийын, марий калыкын эн тошто, сай деч сай мурыжым, поро сугыньжым, туштыжым, йомакшым, шурно ӱдымӧ да мӱкш ашныме примета-шамычым печатлаш шонена».

«Марла календарь». Казань, 1909, с. 4.

4. К стр. 20 — «Эй, марий-шамыч, книгам лудса, почылтса, писынрак тунемза, тошто марийын поро кангашыжым, туштым, мурым, кумалтыш мутым, йомакым, тошто арверым да фотокарточкым тышке колтыза».

Там же, с. 4.

5. К стр. 28 — «Тылеч посна, мыйын шонымаште, «Йошкар кечеш» задачым, ребусым, шарадым мойн печатлаш тӱнгалаш кӱлеш. Вот марий калык тушто, задач кычалаш пеш йӧрата.

«Йошкар кече», 1929, 5 апр.

6. К стр. 28. — «Ямде лий» редакций фольклор материалым погаш тӱнгалеш. Кӧ могай ойлымашым, туштым, йомакым, калык мутым, молымат шинча гын, мемнан деке колтыза. Келшыше, онгай материал-влакшым печатлаш тӱнгалына.

«Ямде лий», 1934, 14 нояб.

7. К стр. 114 — «Нылле тул пурам шолтен, нылле исырым шӱшкылын, ончыл тичмашым ончыко шынден, кугу юмылан висмылтен, родыжым-шочшыжым ӱжын... ончыл тичмашым ончыко шынден, юмылан пелештен, кочкын-йӱын... еш погаш, сурт ышташ, кум тӱрлӧ вольык погаш, кум тӱрлӧ шурно погаш пытыдыме ший окса перкетым пу, кугу юмо, кумалтышым кавыл ыште. Амин».

Тӱрлӧ марийын кумалтыш мутышт. Казань, 1918, с. 24.

8. К стр. 141—«Карпуш ужмыж еда тудлан вошты лын: «Давай, шийме машинатым вашталтена! Мый тыйын машинат дене 25 процентлан утым шияш тӱнгалам...». — «Ит тарате,— манын ваштарешыже Васу. — Комбо игым шыжым иже ончаш тӱнгалыт: коя але уке...». «Туштым туштет, ужат, ха-ха!»

Шкетан М. Карпуш.—Собр. соч., т. 2. Йошкар-Ола, 1962, с. 342.

9. К стр. 141 — «Кузе тый шонет, мемнан кум король-влакна шонымыштым ыштен шуктат мо?»—«Шуктат,— манеш Вӧдыр, стаканжым шолт шында. «Но-о!?». — «Юмыжо мала гын, иялан эрык...» — «Мом туштет?» — «Тендам пызыралыт... Тегак малаш тӱнгалыда гын, тендам лаштыртат».

Шкетан М. Эренгер. — Собр. соч., т. 4, с. 247.

10. К стр. 139 — «...йомакын адак ик посна ойыртемже ул о: южо йомакым тушто семын кусарен ынгылаш лиеш: йомакыште ик нерген ойлалтеш, ынгылаш лиеш вес тӱрлын».

Вачай. Сылнемут дене возымын тӱнг рӱдыжӧ.— «У вий», 1930, № 5—6, с. 28.

11. К стр. 148 — «Япык пырня ӱмбак кӱзен шинчешат, кочажын ожнысо мурыжым шокталтен колта. Мӱндыр кочаже вич ий гына лиеш — колен. Кочажын мурыжым шоктен, Япыкын ушыжо мурын шомакшым шарналта:

Вли-вли влича,
Пигашлик-ташлик,
Азик-вузик тувузук,
Водо корка чумбаш,
Корем воктен акмата чапа...—

мура ыле Япыкын мӱндыр кочаже.

«Мо лиеш, кузе тиде мурым умылаш?»—манын, Япык ятыр шонен да шуко шонго-влак деч йодеден. Нунат нимомат каласен мошten огытыл. Южыжо «тиде муро огыл, тошто марий тушто» манын ойленыт».

Шкетан М. Нернош Йогор. — Собр. соч., т. 3, с. 23.

12. К стр. 143 — «Темит — мурызо, музыкант. Шымавуч вурго дене шиялтышым ыштен мошта, шокташат пеш кертеш. Южо кастене окна йымакше лектын шинчешат, шенгел марийын ныжылге мурыжым шокталта. Тудын йыр йоча-влак погынат, йомакым йо-

дыт. А Темит нуным пуйто огешат кол, шиялтышым шокта, коклан муралта:

Вли-вли влича,
Пигашлик-ташлик,
Азик-вузик тувызик.
Водо корка чумбаш —
Корем воктен
Акмата чапа...

— Тиде муро огылыс,— манып южо йоча-влак.

— Тиде — тушто; иган лудым тыге туштат...

Темит, кеч-могай мурыжымат шке шонен луктын, туштыла мура. Садлан мутым кӱлдымашла кукта, луга. Туге гынат йоча-влак тудын мурыжым умылат, утен каен воштылыт».

Шкетан М. Якшывай. Там же, с. 256.

13. К стр. 147 — «Вӱргече, изарня, кугарня, шуматкече, рушарня, шочмо, кушкыжмо — шым кече коклаште осалым шонен коштшо, осал йолжо дене тошкалын, осал кидше дене кучен, осал йӱкшӧ дене кычкыралын, осал шинчаончалтышыж дене ончалын, шымлу шым тӱрлӧ калыкын шинчапунжо дене тошкалтышым ыштен, йылгыжше шӱдыр деке кӱзен ончалын кертеш гын, тунам иже (ен лӱм) ӱмбаке шинча возын, йылме пурылтын кертше».

Мамаев В. М. Мустай ялын илыш корныжо.— НРФ МарНИИ. Опись № 1, дело № 116, с. 233.

14. К стр. 151 — «Тӱрлӧ возымашын муро сем гаяк шке семже ушо. Южо мутым колын, мурым колмо семынак кумылетат тарвана, утенат воштылат, чевергенат кает... Лудмет веле шуэш. Тыгай шӱмеш логалше, пылышеш утларак перныше, вес семын манаш, литературын кӱлеш мутшо писатель-влак веле огыл, калык коклаштат пеш шуко ушо... Яллаште ушо марий мурым, йомакым, туштым, тошто ен мутым, тӱрлӧ мыскара мутым, молымат поген, кӱлешыжым ойырен налын, литература йылмыш пуртен колтыман. Тыгай литература йылме лиймеке, тӱрлӧ книгамат, газетымат лудшо утларак лийыт, калыкын кумылжат утларак нӧлталтеш, ушакылжат писын почылтеш ыле».

Данилов И. Д. Марий литератур йылмын ончыкылык корныжо. — «Йошкар кече», 1928, 5 мая.

15. К стр. 153—«Ирмучаш черке. Черке вуй гычын бринг-брон, бринг-брон, бунг-бунг чанг йӱк шергылтеш. Шорыкйол пайрем годым чангым чот лонгыт. «Мелнам-когыльым, мелнам-когыльым»,— тыгыде чанг-влак чонгатат. Кугу чанже «сукырым-ым» манылда».

Шкетан М. Вишкыдемеш. — Собр. соч., т. 3, с. 72.

16. К стр. 154 — «Шукерте огыл (15 ий эртен) мемнан ялыште Шем Онтонын эргыже — Кыргори — колыш. Ожно Шем Онтон лавыра илышын геройжо ыле, тудын лӱм дене шуко туштымат туштат: «Шем Онтон, куш кает?» — «Кугу умша, мом карет?» — манып.

Шкетан М. Опой кува. Там же, с. 167.

17. К стр. 154 — «Тиде мут — ала тушто, ала йомак кошартыш — раш умылаш ок лий; нимогай этнографат раш ойлен пуэн ок керт. Ме тиде мутым поп гыч лекше ик кыпчырий марий деч колын улына. Тиде мут дене тудо Озанысе архиерейым мыскыла ыле.

— Озанг архиерей чыла пашаште вочко ӱмбалан вочкым, вочко ӱмбалан вочкым, а ӱмбаланже шондашым шындылеш ыле,—манеш саде кыпчырий марий. Тудын мутшымат умылаш йӧсӧ, шке гыч гына умылет. Значит, шонет, архиерей вуйдымо агытан гай улмаш, пашажым путаен, йӧн дене ыштыме олмеш чыла пашам шондаш гай чумыркала улмаш».

«Теве кузе ораде архиерейым от шарналле. У уставым кӱлеш семын принимаяш колхоз-влаклан полшен огытыл, нунылан «вочко ӱмбалан вочкым» шындылыныт. Тыгай кугу политический пашам шондашыш — пустой формализмыш — савыренып».

Шкетан М. Вочко ӱмбалан вочко, ӱмбалныже шондаш. — Там же, с. 199, 203.

18. К стр. 155—«Шемер Микуш шийме машиныш кылтам пуэдымаште пашам ышта. Тыште тудлан пеш келша. Ярарак жап улмо годым кузе шонет, туге олымышто пӧрдалаш лиеш; уржам йоктарет манын, вурсышо уке; йога гынат — идымыште. Адакше Микушлан шийме да пуалтыме машинын йӱкшым колыштмыжак мом шога. Шийме машина ик семын лекше йӱкшӧ дене чаргыжеш: «чар-чар-чар!». А пуалтыме машинажын эше онгайрак, тудо пуйто чарныде мутлана:

Тышке-тушко,
Тышке-тушко,
Пырчым тышке,
Шӱкшым тушко.

Тышке-тушко,
Тышке-тушко,
Тутым тышке,
Вусым тушко.

Тыге тудо шӱкшым ик могырыш да пырчыжым вес могырыш пуалтен луктеш. Ӱдырамаш-шамыч пӱтырат, йоча-шамыч эрыкталт лекше уржам мешакыш оптат».

Лекайн Н. С. Шӧртньӧ падраш. Йошкар-Ола, 1951, с. 195.

«Курык-Йымал ялыште таве вӱдым сгыт йӱ. Нумалаш мӱндыр гынат, ӱдырамаш-шамыч менге, менгат пеле кокла гыч, ведраштым мурыктен, вӱдлан тиде памашыш коштыт. Ведра-шамыч мурен толыт, шортын кают. «Тамле вӱд,— манып колхозник-шамыч,— тазалыкым пуышо вӱд».

Лекайн Н. С. Там же, с. 43.

19. К стр. 155—«Ен-влак ойлат,— Аланов адак шке йӱкшӧ дене манеш. — Ангыра урядник нергенат мут ушо. Тудо «Пече воктен латкуд ӱшкыж мӱгыра» манме туштым ок шинче улмаш. Икана йӱкым колешат, шонго марий деч йодеш: «Колышт, тиде мо шокта?» Шонгыжо манеш: «От пале мо, пече воктен латкуд ӱшкыж мӱгыра». Урядник сыра: «Кузе туге ӱшкыж, молан ӱшкыж? Те, лопарь-влак, мыйын пачерем воктек лӱмын конден мӱгырыктеда ала?» Шонго шыргыжал манеш: «Чарне, чарне, пыште пушкетым, ала кӱслезым йонгылыш лӱен колтет, саде йӱк толеш.

Тыйын нергенетак, господин урядник, тошто ен тыге ойлен дыр: «Шочын тынеш пурен огыл, ӱмбалныже Иисус Христос шинчен». Урядник, конечно, тудымат умылен огыл».

Ялкайн Я. Я. Онго. Йошкар-Ола, 1958, с. 185.

20. К стр. 156 — «Книгам лудын пытарышым, мый шоналтышым ормыж, очыни, тиде — окмак, ушдымо. Арамак огыл калык ойла: «Тӱняште кок окмак уло: иктыже — колызо: нимом ок уж, кучаш тырша; весыже — сонарзе: нимом йомдарен огыл, кычал коштеш».

Осмин И. И. Ормыж. — «Марий коммуна», 1965, 17 авг.

21. К стр. 156 — «Марий чия йолышкыжо ваштар ечым, лумым тӱргыктен, чодырашкыла янлык кыша почеш шикшалтеш. Ече—киддыме-йолдымо — айдемым имне дечын писын нангая, эн шыгыр чодыра кӧргыш намиен пурта, келге лум пургыж гочат шулдыран кайыкла вончыштара. Яра ок кие сонарзе марийын лачыштыже пыстыл мучашан пикш. Марий пикшлан пашам писын муэш. Тевe пургыж ӱмбач, чашкерла воктеч меранг чыма, почым веле модыкта, пуйто сонарзылан: «Почем кӱчык, йолем кужу», мыйым поктен от шу, мыйым от кучо, чыла деч шылам, чыла деч утлем»... Чулым марийын пӱркыт шинчаже мерангым ужылалтенат шуктен. Марий деч шылын от утло. Чымалтарен колтыш тудо пыстыл почан пикшыжым, кӱчык почан мерангым поктен шуаш пикшлан шӱдыш. Шо-и-ик чонештыш пыстыл почан пикш, озаже мом кӱштен. тудым тыманмеш шуктышат — шуйнен возо лумыш ош меранг, нигуш ок утло, кӱчык поч!»

Васин К. К. Ший мундыра. Йошкар-Ола, 1969, с. 12.

22. К стр. 158.

«Шумелев. Кызыт окса уке.

Катя. Кузе туге уке?

Шумелев. Тугак! Качырий-пучырий, нертым Кури, почем мука — руб сорок! Ха-ха-ха!..

Ольга. А мый колынам, окса уло.

Арбан Н. М. Кенеж йӱд. Йошкар-Ола, 1957, с. 11.

23. К стр. 158.

Палагий *(лӱдын, чӱч лийын)*. Мо тушто?

Епи. Чанга-влак мутланат.

Палагий *(воштыл колта)*. Кай, ала-мом ойлыштаг! Чанга кайык мутланен мошта мо?

Епи. Колышт.

Палагий *(чанга йӱкым колыштеш)*. Нимат огыт мутлане. Йӱр толшашлан чыги-чоги кычкырат.

Епи. Сайракын колышт, кузе ваш-ваш шке тангышт дене мактанат.

Палагий. Ойлыштат!

Епи. Колышт, колышт! Кугурак йӱканже кузе моктана: «Тан, тан! Вот тан! Тьопан! Тьопан! Тьопан» — ышталеш. Ынде весыже

йўкым пуа: «Таң, таң! Мыйын таң! Вот таң! Отян! Отян!» А кумшыжо, колат, Эчаным мокта: «Мыйын таң — Эчан! Эчан!» — малдалеш.

Палагий. Ой, каваршаш! Чынак тыге шоктас.

Епи. А тый ойлет, огыт мутлане! Чыла кайык шке семынже мутлана. Вольыкат кутыра. Умылен гына моштыман.

Палагий. Вольык кутыра?! *(Воштылеш.)*

Епи. Кутыра!

Палагий. Айда, ит вўдылышт!

Епи. Таче кечывалым тендан презе ден колхозын ўшкыжшӧ мутланеве. Колын отыл мо?

Палагий. Лийдымашым куктет!

Епи. Эше ок ўшане. Истинный Христос! Мый лач кечывал ышташ толам ыле. Ферма гыч племенной ўшкыж лектын кудалын. Ончем, тендан урем дене кая. Президента кудывечыште ломыж шога ыле. Ўшкыж капка деке шуат, тудын деч йодеш: «Ават ула мо-о-о-?» — манеш. Президента йӧсын тудлан вашешта: «Уке-е-е! Олыкыш ка-е-ен!» — ышталеш. Ўшкыж вуйжым рўзалтыш да «Му-у-у-ам! Му-у-у-ам! Ма-ню-уу!» манын, урем дене ўлыкӧ мўгырен волыш.

Палагий. Ой, каварышаш! Кўтўш коштмет дене ынде вольык дене кутырашак тунем шуын отыл дыр?

Епи. Тунемде мо! Садланак вольык мыйым йӧрата, пагала.

Волков А. А. Оръеҥ мелна. Йошкар-Ола, 1966, с. 28—29.

24. К стр. 159.

1 ўдыр. Тиде тўрлымӧ солык кӧн кидыш логалеш гын, Тяви? Кӧ тиде пиалан ӱвезе?

Тяви *(туштен)*. Озаже колта, колтымыжо эре кая, кушкошкат ок пале, но озажын кўштымыжым шукта.

2 ўдыр. Мо-о?!

Тяви. Чылдым-чылдым, лаптым парня пасмырля! Умылышыч?

Вес ўдыр. Тыйын туштетым палаш ик пуд пуштым кочкаш кўлеш.

Ўдырамаш. Эй, ўдыр-влак, тыгай туштымат огыда палыс. Тяви тыланда пикш да мераҥ нерген туштен пуэн вет!

Элика. Мый тушто деч поснат палем, кушто тиде пиалан ең.

Йўк. Ойло-ян, ойло-ян!...

Элика. Кугарнян, волгалтме деч ончыч тичмаш тылзын волгыдыж годым ик чевер ўдыр сонарзым ужатен.

Весе-влак. Сонарлаш шукын каеныт. А тудыжым кузе лўмдат?

Волков А. А. Алдиар. — «Ончыко», 1970, № 6, с. 12.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АН — Академия Наук
вв.— века
вып.— выпуск
г.— город
горн.— горный (диалект)
д.— деревня
диал.— диалект
досл.— дословно
др.— другие
зап.— записки
изд.— издание
им.— имени
кн.— книга
л.— лист
Л.— Ленинград
М.— Москва
мар.— марийский
МарНИИ — Марийский научно-исследовательский институт
морд.— мордовский
МФЭ — материалы фольклорной экспедиции
НРФ — научный рукописный фонд
ОАИЭ — Общество археологии, истории и этнографии
обл.— область
отд.— отдел
пол.— половина
РГО — Русское географическое общество
рус.— русский
с.— село
сб.— сборник
см.— смотрите
собр.— собрание (сочинений)
соч.— сочинение
СПБ — Санкт-Петербург
с.— страница
т.— том
т. д.— так далее
татарск. — татарский
удм.— удмуртский
уст.— устаревшее слово, выражение
учен.— ученый
ч.— часть
чув.— чувашский
яранск.— яранский (говор)
FFC — Folklore Felloms Comunications
FUF — Finnisch-Ugrische Forschungen
SUSA — Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirja
SUST — Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia
TRÜ — Tartu Riikliku Ülikooli
nr.— die Nummer
s.— die Seite
t.— a tome, volume, der Band
toim — toeimetaja.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5

Глава 1. История собирания, публикации и изучения марийских народных загадок 11

Глава 2. Этимология марийского слова тушто 'загадка'. Особенности бытования народной загадки в различные исторические периоды 34

Глава 3. Тематическое содержание марийских загадок 51

Глава 4. Художественные средства марийских загадок 94

Глава 5. Связь загадки с другими жанрами народного творчества. Видоизменение функции иносказательной речи 134

Глава 6. Образы и художественные средства народных загадок в произведениях марийских прозаиков, драматургов и поэтов 151

Заключение 165

Приложения 172

Условные сокращения 178

МАРИЙ АССР МИНИСТР-ВЛАК СОВЕТ ПЕЛЕН
ЫЛМЫМ, ЛИТЕРАТУРЫМ, ИСТОРИЙЫМ ДА ЭКОНОМИКЫМ
НАУЧНО ШЫМЛЫШЕ МАРИЙ ИНСТИТУТ

Александр Ефимович Китиков

МАРИЙ КАЛЫК ТУШТО-ВЛАК

●

МАРИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ МАРИЙСКОЙ АССР

Александр Ефимович Китиков

МАРИЙСКИЕ НАРОДНЫЕ ЗАГАДКИ

180 с.

Научный редактор — заслуженный деятель
науки Карельской АССР, доктор филологических
наук, профессор В. Я. Евсеев

Редактор Р. М. Апакаева. Обл. и титул художника В. В. Домбровского. Художественный редактор Л. Л. Аказеев. Технический редактор З. И. Охотникова. Корректор Е. М. Ясновская.

Сдано в набор 38 апреля 1973 г. Подписано к печати 18 января 1974 г. Формат 84×108/32. Физ. печ. л. 5,625. Усл. печ. л. 9.45. Учетно-изд. л. 9.59. Тираж 600. Заказ № 51. Бумага типогр. № 2. Цена 58 коп. Э—00045.

Марийское книжное издательство, 424025, г. Йошкар-Ола, ул. Карла Маркса, 43. Марийская республиканская типография, 424700, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112.